

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 12 (258)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 12 (258). – 202 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Дмитрий Тренин.</i> Четвертый вектор Владимира Путина (внешняя политика России – что изменилось?)	5
<i>Владимир Согрин.</i> Три исторические субкультуры постсоветской России	18

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Андрей Сызранов.</i> Государственная политика России по борьбе с исламским экстремизмом на территории Поволжья в конце ХХ – начале ХХI в.	40
<i>Эльвира Майборода.</i> Пути и способы деполитизации этнических групп на Юге России	48
<i>Андрей Баранов.</i> Политизация ислама в современном Крыму: Конфликтологический аспект	59
<i>Станислав Чернявский.</i> Азербайджан: Взаимодействие с исламским миром – прагматизм и сбалансированность	65
<i>Д. Егоров.</i> Роль Центральной Азии в мирополитической системе. «Большая игра» в Центральной Азии в ХХI в.	80
<i>А. Абубов.</i> Казахстанская модель межрелигиозного диалога: Путь мира и согласия	88
<i>Алексей Малашенко.</i> Туркмения: Была ли оттепель?	96
<i>Виталий Воробьёв.</i> Сумма сходящихся интересов. Надо ли бояться роста китайского влияния в Центральной Азии	109

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>P. Сикоев.</i> Авторитаризм и демократия в условиях	
Афганистана	120
<i>Александр Аксененок.</i> Египет: Особенности переходного	
периода.....	127
<i>Сергей Хенкин.</i> Мусульмане в Испании:	
Метаморфозы исторического бытия	149

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Олег Павлов.</i> Причины альянса Запада и радикального	
ислама	173
<i>Владимир Капитон, Ольга Капитон.</i> Ислам и глобальные	
проблемы современности.....	179
Список статей, опубликованных в бюллетене	
«Россия и мусульманский мир» в 2013 г.....	194

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Дмитрий Тренин,

директор Московского центра Карнеги

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕКТОР ВЛАДИМИРА ПУТИНА

(внешняя политика России – что изменилось?)

С 2000 г. внешняя политика России была многовекторной – в том смысле, что ее вектор не раз менялся. В самом начале первого путинского президентства главным направлением было установление прочных союзнических отношений с Соединенными Штатами и интеграция с Евросоюзом в рамках того, что тогда называлось «европейским выбором» России. Символом этого краткого периода стала поддержка Путиным США после терактов 11 сентября 2001 г., а наиболее ярким изложением – речь российского президента в германском бундестаге в октябре того же года. Затем в середине 2000-х годов Москва сошла с «орбиты» политического Запада, встав в оппозицию Вашингтону по принципиальным вопросам мировой политики и мироустройства. Олицетворением этого времени стала пятидневная российско-грузинская война 2008 г., а наиболее характерным «литературным памятником» – мюнхенская речь Путина в феврале 2007 г. Третий период – по форме «медведевский», но по содержанию, безусловно, тоже путинский. Его символом явилась «перезагрузка» российско-американских отношений, а характерным текстом – распоряжение Кремля о налаживании «модернизационных партнерств» с наиболее развитыми странами.

Смены вех в российской внешней политике не точно совпадают с президентскими сроками, но некоторая зависимость существует. Можно утверждать, что с возвращением Путина на пост президента курс Москвы в международных делах вновь модифицируется. Разумеется, основная причина здесь не в смене лидера: Владимир Путин и при Медведеве оставался «первым лицом» государства и определял вектор внешней политики. «Ливийский

эпизод» поэтому вовсе не является медведевской импровизацией: санкцию воздержаться при голосовании в Совбезе ООН дал, несомненно, Путин. Главными новыми факторами являются существенное изменение внутренней ситуации в России и продолжающиеся фундаментальные изменения внешней среды, в которой эта политика реализуется.

Внутренние условия

Два десятилетия спустя после свержения власти КПСС в российском обществе произошли качественные перемены. Некоторые слои – примерно 20% населения – достигли материального и духовного уровня, делающего возможным и даже необходимым активное участие в общественной жизни. Эта часть общества в одностороннем порядке денонсировала негласный пакт с властью о «взаимном невмешательстве»: власти – в частную жизнь людей, а общества в целом – в политику. В результате формула российского правления: авторитаризм с согласия управляемых – отчасти подверглась эрозии. Довольные потребители начали превращаться в рассерженных горожан, протограждан. В конце 2011 – начале 2012 г. это недовольство выплеснулось на улицы Москвы, Петербурга, других крупных городов.

Власть практически сразу же квалифицировала это движение как результат подрывных действий Запада, и прежде всего США. Владимир Путин публично обвинил Государственный департамент в финансировании протестантов. Тем самым власти стремились представить оппозицию в качестве «пятой колонны» Запада, добивающегося максимального ослабления России, а себя – в качестве национальной, патриотической силы, отстаивающей независимость и целостность страны. Когда Владимир Путин на митинге вечером 4 марта 2012 г. провозгласил себя победителем на президентских выборах, его слова звучали как сообщение о победе над внешним врагом и его внутренними приспешниками.

Уже первые шаги новоизбранного главы государства были нацелены на сведение к нулю потенциальных источников влияния внешнего мира на внутриполитическую ситуацию. Спешно принят закон, требующий от российских неправительственных организаций, получающих иностранное финансирование, регистрироваться в качестве иностранных агентов. Москва потребовала прекращения деятельности на территории России американского Агентства по международной помощи развитию (USAID). Российские власти

также заявили о выходе из соглашений с Соединенными Штатами – таких, как программа совместного уменьшения ядерной угрозы (программа Нанна–Лугара), в которых США фигурировали как донор, а Россия – как получатель помощи. Одновременно в своей внутренней политике Кремль сделал упор на откровенно консервативные начала, а не на имитацию либерализма, как прежде.

В ходе президентских выборов 2012 г. в Америке российская тема почти не поднималась, за исключением невнятного заявления республиканского кандидата Митта Ромни о России как о «геополитическом противнике номер один». Тем не менее в конце года Конгресс, отменив « поправку Джексона–Вэнника », принял скандальный закон имени Магнитского, вводящий санкции против российских чиновников, обвиняемых в нарушении прав человека. В ответ российский парламент принял закон, запретивший усыновление российских детей-сирот американцами. Общественное мнение в Соединенных Штатах в этих условиях развернулось резко против политики Кремля, в России же антиамериканизм открыто стал одной из опор официального патриотизма.

Указанные шаги Москвы, а также точечные полицейские репрессии против российских оппозиционеров, суровый приговор участникам группы *Pussy Riot*, устроившим «панк-молебен» в главном православном соборе России – храме Христа Спасителя, а также проверки в офисах представительств германских политических фондов привели к заметному усилению критики российской внутренней политики в странах Европейского союза. Со своей стороны, российские власти впервые с 1991 г. заявили о том, что не разделяют полностью современные европейские ценности – в том числе в части прав человека – и будут следовать собственным ориентирам.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- российская внутренняя политика и ее отражение в общественном мнении Америки и Европы впервые в постсоветский период «вторглись» в сферу отношений России с США и ЕС;

- это «вторжение» имеет тенденцию к тому, чтобы превратиться в частичную «оккупацию» двусторонних отношений внутренними сюжетами;

- российский официальный патриотизм открыто формируется в том числе на основе антиамериканизма;

- расхождения между Россией и Евросоюзом приобрели не только ситуативный и политический, но и сущностный, ценностный характер.

Внешние условия

Мировой кризис 2008–2009 гг. не только стал самым глубоким со времен Великой депрессии. Он резко обнажил моральные изъяны современного капитализма и существенные недостатки в системе государственного управления в наиболее развитых демократиях Запада. Посткризисный рост в США оказался очень медленным, а в странах Евросоюза кризис перешел в затяжную рецессию. Долговые проблемы ряда государств поставили под вопрос не только целостность зоны евро, но и само существование общей европейской валюты. В условиях кризиса в ряде стран Европы резко обострились социальные проблемы. Государственный долг и бюджетный дефицит Соединенных Штатов достигли таких размеров, что стали серьезным ограничителем при проведении Вашингтоном внешней политики.

Тем временем итоги американского курса в начале XXI столетия выглядят отнюдь не впечатляюще. Ирак после вывода войск США сваливается в хаос, в Афганистане в преддверии такого вывода маячит призрак гражданской войны, Иран продолжает свою ядерную программу, несмотря на западные санкции и израильские диверсии, Северная Корея проводит ракетные и ядерные испытания и угрожает войной. Наконец, «арабская весна», которую Белый дом после некоторых колебаний поддержал, очевидно, проторила путь во власть исламистам, вовсе не намеренным продолжать лояльный Вашингтону внешнеполитический курс. При этом недружественный Вашингтону режим Башара Асада в Сирии, многократно «похороненный» Западом, все еще держится. На этом фоне продолжается, хотя и на несколько пониженных оборотах, экономический рост Китая, который все жестче заявляет о своих национальных интересах. Азиатско-Тихоокеанский регион становится главной площадкой не только мировой торговли, но и мировой политики.

Выводы, которые сделали в Москве, можно, по-видимому, свести к следующим позициям.

1. Многополярный мир, о котором так много говорили с середины 1990-х годов, на глазах превращается в реальность.

2. Эпоха безраздельного доминирования Запада на международной арене подходит к концу. Запад утратил моральный авторитет и не может более служить моделью для России. Демократия вообще не гарантирует высокого качества государственного управления.

3. Внешняя политика Соединенных Штатов столь же затратна, сколь малоэффективна. Вашингтон «перенапрягся» на международной арене, а его стратегия более деструктивна, чем созидательна, и к тому же часто не отличается реализмом.

4. Отсюда следует, что внешнеполитическая самостоятельность России должна быть наполнена ее морально-политической самостоятельностью. «Равнение на Запад» в вопросе о ценностях устарело. Москва пойдет своим путем.

Экономические условия

На этом фоне изменилась внешнеэкономическая ситуация. Цена на нефть, резко упавшая в разгар глобального кризиса, стабилизировалась на сравнительно высоком уровне – 110–115 долл. за баррель североморской нефти марки «Брент». Дальнейшего роста после этого, однако, не последовало, а рецессия в Европе и медленное восстановление экономики Соединенных Штатов вкупе с падением темпов роста в Китае угрожают новым падением цены. Между тем бюджетные обязательства российского правительства могут быть исполнены лишь при сохранении существующей цены барреля. Кроме того, в США с началом промышленной разработки сланцевого газа произошла энергетическая революция, изменившая мировую конъюнктуру. Она открыла перспективу достижения энергетической независимости к 2030 г. и – как следствие – уже вызвала глобальное перераспределение потоков экспорта газа и изменение структуры газовой торговли в пользу спотовых сделок. В сочетании с мерами, принятыми в странах Европейского союза после «газовых войн» 2006 и 2009 гг., эти обстоятельства привели к тому, что зависимость Европы от российского газа заметно снизилась, а устойчивость к перебоям с его поставками – возросла.

Наряду с дальнейшим развитием производства сжиженного природного газа этот фактор существенно – и негативно – повлиял на позиции «Газпрома» на мировом рынке. В свою очередь Евросоюз принял решение начать расследование деятельности российской монополии на рынках некоторых стран – членов ЕС с целью изменения правил ведения «Газпромом» бизнеса в Европе и, в частности, пересмотра формулы цены на поставляемый из России трубопроводный газ. «Газпром» вынужден активнее развивать азиатское направление, пытаясь закрепиться на рынках Японии, Южной Кореи и выйти на рынок Китая. Существенным изменением внешнеэкономического положения России стало ее присоединение

в августе 2012 г. к Всемирной торговой организации. В результате упорных 19-летних переговоров о приеме в ВТО российским переговорщикам удалось добиться значительных уступок у партнеров, и все же эффект от членства уже стал болезненным для ряда отраслей российской экономики, прежде всего сельского хозяйства. В этих условиях в России возникло даже нечто вроде временной аллергии к дальнейшей интеграции в мировую экономику.

Внешняя политика «по всем азимутам»

Первые международные контакты Владимира Путина после вступления в должность президента России выясвили рисунок «обновленной» российской внешней политики. В день инаугурации Путин принял глав государств СНГ, приехавших в полном составе в Москву, тем самым подчеркнув историческую роль России как центра постсоветской Евразии. Первый зарубежный визит Путин ритуально нанес в Минск – столицу союзной Белоруссии. После этого он посетил Берлин и Париж – главных партнеров Москвы в Евросоюзе. Европейская тема была продолжена несколько дней спустя в Петербурге в ходе саммита РФ–ЕС. В дальнейшем президент продолжал принимать лидеров европейских стран – от Италии до Люксембурга – на своей территории.

После этого настал черед Азии. Путин отправился в Ташкент, где предпринял попытку – по-видимому, безуспешную – привлечь к своим интеграционным планам президента Ислама Каримова. Вскоре после этого Узбекистан заявил о прекращении членства в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Следующим этапом путинской дипломатии стал Пекин, где президент провел двусторонние встречи с китайскими руководителями и принял участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В следующие месяцы Путин съездил в Казахстан, Киргизию и Таджикистан; был в Израиле и на Палестинских территориях; собирался, но в последний момент решил не ехать в Пакистан, посетил Турцию и Индию. Главным же дипломатическим мероприятием года стал саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке, где российский президент в роли хозяина принимал лидеров двух десятков стран.

На этом фоне ярко выделяются многосторонние встречи, на которых Путин не захотел присутствовать. С самого начала было ясно, что саммит НАТО в Чикаго пройдет без российского участия:

договоренности по ПРО достичь не удалось. Полной неожиданностью, однако, стал отказ Путина участвовать в саммите «восьмерки» в Кэмп-Дэвиде, куда мероприятие было перенесено в связи с «пропуском» российской стороной чикагского собрания Северо-атлантического альянса. Официально это объяснялось необходимостью поработать над составом нового правительства, а неофициально – было реакцией на нейзию президента США Барака Обамы на саммит АТЭС. Беспрецедентный в истории российского участия в таких саммитах демарш продемонстрировал, что суперэлитная «восьмерка», где России так и не удалось стать «своей», не является для Путина безусловным приоритетом. Единственная встреча, которая действительно интересовала его – с президентом Соединенных Штатов, – состоялась месяцем позже, «на полях» другого саммита – «двадцатки» в Мексике.

Итак, география путинских визитов и встреч свидетельствует о приоритетах внешней политики России. Речь идет, во-первых, о внимании к интеграции в рамках СНГ; во-вторых, о повышении роли отношений с Азией; в-третьих, о сужении, «экономизации» связей с Евросоюзом и снижении приоритетности взаимодействия с НАТО и другими западными институтами; в-четвертых, о сохранении дистанции в отношениях с США. Эти выводы подкрепляются анализом не только очередного издания Концепции внешней политики РФ, утвержденного президентом в феврале 2013 г., но и практической политики на каждом из перечисленных направлений.

Евразийский союз

Статья Владимира Путина о Евразийском союзе, появившаяся в октябре 2011 г., в канун парламентских выборов, стала первым внешнеполитическим манифестом нового политического цикла. Безусловно, публикация имела внутриполитический подтекст: идея восстановления в какой-то форме единства постсоветского пространства популярна у избирателей. Тем не менее сводить все к простой пропаганде неправильно. Путин еще в 2009 г. принял решение форсировать создание Таможенного союза (ТС) с Белоруссией и Казахстаном, хотя в тот момент этот шаг, казалось, мог серьезно затруднить вступление России в ВТО. Очевидно, что из мирового экономического кризиса Путин извлек урок: региональная интеграция надежнее глобализации. Эта линия продолжается: с 2012 г. официально действует Единое экономическое про-

странство (ЕЭП) трех стран, а на 2015 г. намечено создание полноценного Евразийского экономического союза.

Говоря об экономической интеграции постсоветских государств, необходимо иметь в виду несколько вещей. Во-первых, глубокая интеграция возможна только на добровольной основе, и преимущественно в экономической сфере. Политическая интеграция России и новых независимых государств выше уровня координации их политических курсов нереальна. Во-вторых, расширение пространства интеграции за пределы нынешней «тройки» ТС / ЕЭП либо недостижимо, либо сопряжено с серьезными потерями. Путин вслед за Михаилом Горбачёвым и Збигневом Бжезинским убежден, что без Украины российский центр силы не будет иметь критической массы. Со своей стороны, однако, украинская элита, по-видимому, отдает себе отчет в том, что тесные интеграционные связи с Россией означали бы на деле движение в сторону ассимиляции и постепенного сворачивания «украинского проекта». Даже если то или иное правительство, оказавшись в безвыходном финансовом положении, пойдет на сближение с Москвой, такой курс неизбежно спровоцирует политический кризис и даже раскол Украины.

Не многим реальнее выглядит и интеграция Узбекистана. У Ташкента за 20 лет сформировалось свое представление о роли и месте страны в регионе, и стать частью российско-евразийского центра силы ни Ислам Каримов, ни его возможные наследники не захотят. Другое дело, конечно, малые страны Средней Азии – Киргизия и Таджикистан. Ни Бишкек, ни Душанбе на региональное лидерство претендовать не могут, но будут стремиться сохранять свободу рук. В то же время надо иметь в виду, что преждевременное включение в интеграционное поле этих двух государств не только потребует массированного донорства со стороны Российской Федерации, но и существенно снизит общий уровень и качество всего интеграционного проекта.

Азиатско-Тихоокеанский регион

Поворот России к Азии и Тихому океану пока только заявлен. Есть опасения, что проведение саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. знаменует собой завершение поворота, а не его начало. Чтобы всерьез говорить о повороте, требуется переосмыслить современное геополитическое положение России как евро-тихоокеанской державы и выработать стратегию, адекватную

этому положению. Она должна ставить во главу угла две важнейшие цели: «двойную интеграцию» – Востока России в общероссийское пространство и самой России – через ее восточные регионы – в АТР. Главная угроза безопасности страны сейчас определяется тем обстоятельством, что экономически наиболее депрессивная часть России физически соприкасается с самой динамичной частью мира. Для решения этой проблемы необходимы поиск и реализации адекватной модели развития Тихоокеанской России. От этого решения будет зависеть, удастся ли извлечь выгоды из непосредственного соседства с экономиками Азии.

Другие – косвенные – угрозы вытекают из обострения противоречий между ведущими государствами АТР: прежде всего между Китаем и США, а также между Китаем и его соседями – Японией, Вьетнамом, Индией. Москва должна научиться в этих условиях искусству маневра, обеспечивая собственные интересы и избегая вовлечения в чужие споры и конфликты. Все это в лучшем случае впереди. На сегодняшний день Москва маневрирует на тактическом и в лучшем случае оперативном уровнях. Добившись в 2012 г. членства в престижных Восточноазиатских саммитах, Кремль счел возможным ограничить свое участие в первом же из них уровнем министра иностранных дел. Символично, что свой первый визит в качестве нового руководителя КНР Си Цзиньпин совершил в марте 2013 г. в Москву. Китайская стратегия направлена на укрепление отношений с Россией – стратегическим тылом и сырьевой базой Китая. Ответная стратегия пока что, по-видимому, отсутствует.

«Экономизация» отношений с ЕС

Европейский союз остается главным торговым партнером РФ. Двусторонний оборот составляет свыше 400 млрд. долл. – в пять раз больше, чем между Россией и Китаем. На долю ЕС приходится свыше 50% объема российской внешней торговли, в то время как на долю партнеров по Таможенному союзу – менее 7%. До последнего времени оставались надежды, что вступление в ВТО даст новый импульс торгово-экономическим связям с Евросоюзом. Однако они остались нереализованными. России требуется «переварить» последствия вступления в ВТО, а Европа в нынешней ситуации озабочена острейшим внутренним кризисом. В итоге оба партнера ограничили взаимодействие узким кругом практических задач – визы, торговые споры и т.п.

О все более критическом восприятии в странах Европы российской внутриполитической ситуации уже говорилось. С российской стороны негативное влияние на отношение к политике Европейского союза, и прежде всего Германии, оказал способ, при помощи которого в марте 2013 г. решили проблемы кипрской задолженности, в результате чего крупные российские вкладчики кипрских банков лишились денег. Этот шаг публично критиковали президент Путин и премьер Медведев; многие СМИ расценили его как антироссийский.

В международных вопросах Россия поддержала военную операцию Франции в Мали, но далеко разошлась с Парижем, Лондоном и даже Берлином по Сирии. Позиция Москвы здесь резко контрастировала с подходом, проявленным ею к Ливии в 2011 г. Причина, однако, заключалась не в смене президента в Кремле, а в том, как именно НАТО провела ливийскую операцию. Москву возмутило, что акция, санкционированная СБ ООН для защиты мирных граждан от репрессий со стороны правительственный войск, была расширена вплоть до смены режима в Ливии и уничтожения его главы. Именно с учетом ливийского урока позиция Москвы в ООН ужесточилась.

В российской линии поведения в ООН важнейшее место занимают вопросы санкционирования применения силы в международных отношениях, и особенно контроля за ее применением, а также оценка ситуации в Сирии и отдельно – характера и мотивации сил, борющихся против режима Башара Асада. Лишь затем следуют конкретные российские интересы в Сирии. Москва выступает не столько за сохранение Асада у власти, сколько за предотвращение иностранной военной интервенции в Сирии. Никак не устраивает Кремль и возможный приход к власти в Сирии исламистских радикалов. И то и другое имеет принципиальное значение, но также и практическую сторону: «кандидатами на выход» вслед за Асадом могут оказаться другие авторитарные правители, в том числе действительно союзные России. При всем этом Москва заявляет о готовности сотрудничать с Западом по Сирии, если США и их союзники согласятся действовать в рамках Устава ООН и откажутся от силовой смены режима. Проблема в том, что к весне 2013 г. потенциал политico-дипломатического решения сирийской проблемы, по-видимому, оказывается близким к исчерпанию.

«Суверенное дистанцирование» от США

В первый год после возвращения в Кремль президент Путин в основном был озабочен укреплением суверенитета России по отношению к США. Реальным ответом на закон имени Магнитского стал не закон об усыновлении, а акт, запрещающий российским чиновникам держать деньги за рубежом. Тем самым одновременно решались две проблемы: снижения уязвимости представителей российской власти по отношению к иностранным государствам и, наоборот, усиления внутриэлитной дисциплины, укрепления зависимости российской политической элиты от Кремля. За исключением «суверенизации», имеющей гораздо большее касательство к внутрироссийской политике, чем собственно к отношениям с Америкой, Путин взял паузу в отношениях с Вашингтоном. Насколько можно судить, президент России делает ставку в отношениях с Западом, и в частности с США, не столько на правительства и тем более не на общественное мнение, формируемое СМИ, сколько на крупный западный бизнес, который он надеется привлечь в Россию. Так, интересы американского делового сообщества, по его мнению, могут сделать то, чего нельзя добиться при помощи договоренностей в области вооружений с Вашингтоном – заставить партнеров уважать интересы Москвы и отказаться от попыток вмешательства в ее внутренние дела.

В этой связи Путин дал указание правительству в короткие сроки – до 2020 г. – поднять позиции России в индексе *Doing Business* Всемирного банка сразу на 100 пунктов – со 120-го на 20-е место. Достижение этой цели при де-факто отсутствии правового государства представляется невозможным, но президент, по-видимому, считает сугубо технологический подход к этой задаче оправданным. На исходе первого года нового президентства Путина в его актив можно записать достижение ряда договоренностей между «Роснефтью» и западными энергетическими гигантами – *ExxonMobil* и *BP*. В рейтинге Всемирного банка Россия пока поднялась на 112-е место.

В военно-политической сфере Москва не стремится проявлять инициативу, с американцами Кремль уже давно предпочитает играть черными. Несмотря на антиамериканскую кампанию в публичном пространстве, договоренности с США и НАТО относительно транзита «афганских» грузов остаются в силе; первоначальная реакция на отмену в марте 2013 г. беспокоившей Москву четвертой фазы системы ПРО США / НАТО в Европе оказалась

сдержанной. В Кремле готовятся к встречам Путина с Обамой – в июне на саммите «восьмерки» в Северной Ирландии и в сентябре на встрече «двадцатки» в Петербурге. «Перезагрузка» 2009 г. была идеей американской стороны; ответственность за «перезапуск» отношений после затянувшейся паузы 2012 г. также относится на счет Белого дома.

Первооружение армии и флота

«Слабых бьют» – эту максиму Владимир Путин повторял еще несколько лет назад. В 2008 г. в России началась военная реформа. В 2011 г. было объявлено о масштабном первооружении армии стоимостью в 20 трлн. руб. в течение десяти лет. Одновременно решено реформировать оборонную промышленность и превратить ее в локомотив новой индустриализации. Непосредственным исполнителем этой задачи – в ранге вице-премьера – был назначен амбициозный и деятельный Дмитрий Рогозин. Неудача переговоров с Соединенными Штатами и НАТО о сотрудничестве по европейской ПРО в 2010–2011 гг. побудила Кремль разработать программу строительства российской противоракетной обороны, направленной против США и НАТО, а также нарастить усилия по укреплению потенциала ядерного сдерживания. Хотя в действующей военной доктрине, принятой в 2010 г., крупномасштабная война против России считается маловероятной, Соединенные Штаты и Североатлантический блок рассматриваются как потенциальные противники на региональном и локальном уровнях.

Вынужденная – под грузом обвинений в ведомственной коррупции – смена министра обороны осенью 2012 г. внесла коррективы в ход военного строительства, но не изменила степени его приоритетности. Новым министром вместо Анатолия Сердюкова стал славящийся своей управляемческой эффективностью Сергей Шойгу. В конце 2012 г. российский ВМФ провел первые за 20 лет учения в Средиземном море, а весной 2013 г. Путин впервые внезапно поднял по тревоге Черноморский флот. Занятая укреплением военной мощи, Москва гораздо сдержаннее, чем еще недавно, относится к перспективам контроля над вооружениями. Дальнейшее сокращение стратегических наступательных вооружений увязано с ограничениями на систему американской ПРО; контроль над нестратегическими ядерными вооружениями ставится в зависимость, в частности, от решения проблемы высокоточного оружия, а возобновление контроля над обычными вооружениями видится на

принципиально иной основе, чем в Договоре ОВСЕ, включая его адаптированный вариант. Мир без ядерного оружия считается опасной иллюзией, а продвижение к нему – рискованным делом.

Выводы и перспективы

Круг лиц, принимающих участие в формировании и реализации российской внешней политики, за последний год – несмотря на смену президентов – изменился незначительно. Тем не менее внешнеполитический консенсус – иначе говоря, согласие большинства общества с правительственной политикой – уходит в прошлое. Два фактора играют при этом ведущую роль: формирование специфических внешнеэкономических интересов отдельных государственных и частных корпораций, компаний, кланов и дальнейшее политico-идеологическое расслоение социума, разные группы которого предлагают разные внешнеполитические ориентации. Этот процесс не имеет прямого отношения к прошедшей в Кремле рокировке и будет развиваться и дальше по мере пробуждения общества. В обозримом будущем, конечно, внешняя политика на главнейших направлениях будет определяться прежде всего Владимиром Путиным и реализовываться существующим бюрократическим аппаратом, но в дальнейшем внешнеполитический курс станет предметом борьбы интересов и идеологий.

Пока рано делать вывод о том, какова будет внешняя политика президента Путина во время его третьего срока. Судьбоносные шаги еще впереди, «исторические» речи еще не написаны. Условия, в которых существует Россия, меняются быстро и не всегда предсказуемо. Уже можно констатировать, однако, что обозначенные тенденции – геополитической «перебалансировки» в пользу Евразии и АТР, символической «суверенизации» России и ее дальнейшего дистанцирования от США и ЕС, а также эрозии внешнеполитического консенсуса – будут развиваться. Четвертый вариант путинской внешней политики, вероятно, будет существенно отличаться от трех предыдущих.

«Россия в глобальной политике»,
М., 2013 г., т. 11, спец. выпуск, с. 71–82.

Владимир Согрин,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор журнала
«Общественные науки и современность»
ТРИ ИСТОРИЧЕСКИЕ СУБКУЛЬТУРЫ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Эта статья – моя четвертая попытка в течение 20 с небольшим лет осмыслить тенденции обновления отечественной историографии.

На рубеже 1980–1990-х годов прошлого века я высоко оценивал пересмотр отечественной литературой периода горбачёвской перестройки догматов советской эпохи и работу по ликвидации «белых пятен» истории. Во второй статье, относящейся к середине 1990-х годов, я рассматривал в качестве главной позитивной тенденции отечественной историографии возрождение научного плюрализма – важнейшего основания эволюционного приближения к исторической истине. Только научная конкуренция, столкновение позиций отбирает адекватные историческим реальностям концепции и выводы, отсеивая ложные. Вместе с тем я обнаруживал, что новые историографические течения, среди них и перестроенное, испытывали воздействие определенных идеологем. Третья попытка относится к середине 2000-х годов и была приурочена к 20-летию горбачёвских реформ. В статье констатировалось откровенное желание власти подчинить себе историографию, по крайней мере ее мейнстрим, и руководствоваться знаменитой формулой Дж. Оруэлла «кто управляет прошлым, тот управляет будущим» (чего не было в горбачёвский и ельцинский периоды). В качестве позитивной тенденции отмечалась интеграция лучшей части отечественной историографии (в моей оценке) в мировой историографический процесс и безусловное повышение, по сравнению со всеми предшествующими периодами, ее научного уровня.

Принципиальное отличие нынешней попытки осмысления постсоветских историографических тенденций – в осознании уязвимости рассмотрения и оценки исторического знания, накопленного обществом, на основе лишь академической науки. Это знание должно быть дифференцировано, а в качестве метода дифференциации избрана одобренная современным мировым академическим сообществом «идентификация историографии с исторической культурой и разбивка ее на несколько различающихся

субкультур» (Тишков, 2011). Среди них мной в качестве важнейших признаются три. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием. Это *государственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и научных дисциплинарных критериев. Я признаю научной только третью субкультуру исторического знания и только ее называю исторической наукой. Актуальность рассмотрения постсоветской истории с выделением различных исторических субкультур проиллюстрирую несколькими фактами. Известный публицист В. Третьяков, возмущаясь разнобоем постсоветских исторических оценок и неспособностью создать достойную отечества историю, заявлял: «...утверждаю и настаиваю: наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются» («Известия», 25.11.2010). Писатель Э. Радзинский не считает, что «историки даром едят хлеб», но уверен, что задач у истории как науки нет, поскольку не существует самой такой науки («Известия», 15.11.2010). Очевидно, что известные публицисты, не разбираясь в сущности *предмета исторической науки*, выносят суровый приговор историческим субкультурам, не имеющим к ней отношения, которые сами же и пестуют. Тем более актуален анализ этих исторических субкультур.

Народная субкультура

Обратимся к первой из трех исторических субкультур – народной. Восприятие россиянами собственного исторического опыта, его отражение в массовом сознании еще не стали предметом полнокровного изучения отечественными авторами. В других, прежде всего в западных, странах традиция исследования народной исторической субкультуры гораздо солиднее. Может быть, по этой причине одной из первых серьезных отечественных работ о народной исторической культуре стало исследование зарубежной – американской – народной исторической субкультуры (Савельева, Полетаев, 2008). Авторы использовали американские социологические исследования массового исторического сознания; ведущийся в США с 1930-х годов 80-летний мониторинг массового исторического сознания дал богатую пищу для выявления долговременных трендов.

Американское массовое историческое сознание может быть определено как либерально-демократическое и мессианское. На протяжении 80 лет американские респонденты демонстрировали стабильную гордость своей Конституцией, государственностью, демократией, экономической конкуренцией, индивидуальной свободой и правами человека. Более половины из них полагали, что американская цивилизация – не просто хорошая, но лучшая в мире, и США имеют моральное право распространять свои демократию и образ жизни на другие страны. Две трети американцев на протяжении последних 50 лет неизменно отвечали социологическим службам, что жизнь в США постоянно улучшается, и только 12% полагали, что она ухудшается. Большинство американцев на протяжении 80 лет неизменно считали троемя лучшими своими президентами Дж. Вашингтона, А. Линкольна и Ф.Д. Рузвельта. Такое массовое историческое сознание служило одной из прочных основ внутриполитической стабильности, предотвращения радикальных, а тем более революционных общественных потрясений, как и массового одобрения внешней политики страны. Но было ли массовое историческое знание научным? И. Савельева и А. Полетаев, задавшись вопросом: «Знают ли американцы историю?», приходят к выводу, что это знание в разной степени соответствует историческим реалиям, но оно так или иначе политизировано и мифологизировано, в нем огромное количество «белых пятен» по важнейшим темам и проблемам, и потому оно не может быть названо научным. В его формировании решающая роль принадлежит не научной литературе, а исторической беллетристике (американским «радзинским»), средствам массовой информации (американским «третьяковым»), политической власти, как, конечно, и собственному жизненному опыту.

Попробуем теперь охарактеризовать массовое историческое сознание россиян. В России традиция социологического исследования массового исторического сознания зародилась только в постсоветский период, а решающая роль в пестовании этой традиции, на мой взгляд, принадлежит научному центру, созданному выдающимся отечественным социологом Ю. Левадой. Обращу внимание на одну редкую для нашего обществознания особенность исследований Левада-центра. Мировоззренчески Левада был убежденным либералом и демократом, но научные данные его Центра чаще всего «льют воду на мельницу» идейных оппонентов. Это образец научной непредвзятости. В рамках статьи ограничимся оценками россиянами некоторых важнейших – «знаковых» –

исторических событий (<http://www.levada.ru/archive/pamyatnye-daty>). Вот как выглядит их отношение к Октябрьской 1917 г. большевистской революции, к ее причинам и следствиям (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Как вам кажется, что главным образом привело к Октябрьской революции? (в %, до трех ответов)

	1990 г.	1997 г.	2001 г.	2007 г.	2011 г.
Тяжелое положение трудящихся	66	57	60	57	53
Слабость правительственной власти	36	40	39	35	34
Стихийная агрессия толпы	15	15	14	12	15
Экстремизм политических авантюристов	14	14	15	17	14
Заговор врагов русского народа	6	11	11	13	12
Другое	2	1	1	1	2
Затруднились ответить	12	11	9	9	12

Таблица 2

С каким из следующих мнений о том, что принесла Октябрьская революция народам России, вы бы скорее всего согласились? (в %)

	1990 г.	1997 г.	2004 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Она открыла новую эру в истории народов России	23	23	30	26	28	29	25
Она дала толчок их социальному и экономическому развитию	26	26	27	31	29	29	28
Она затормозила их развитие	18	19	16	16	16	14	19
Она стала для них катастрофой	12	16	14	15	10	9	8
Затруднились ответить	21	16	13	12	17	19	20

Как видим, на протяжении 20 с лишним постсоветских лет большинство респондентов склоняются к признанию объективных причин и позитивных последствий Октябрьских событий, несмотря на то что в исторических учебниках 1990-х годов они назывались «переворотом», да и в 2000-х годах оцениваются и властью, и историческими учебниками примерно так же, и уж точно, негативно. Не случайно поэтому, что респонденты отнеслись в большинстве негативно к решению власти стереть Октябрь из исторической

памяти народа, хотя зародить «червя сомнения» в массовом историческом сознании удалось (см. табл. 3).

Таблица 3

**Одобряете ли вы решение упразднить праздник
7 ноября? (в %)**

	2005 г.	2007 г.	2011 г.
Определенно да / скорее да	27	27	30
Скорее нет / определенно нет	63	58	50
Затруднились ответить	10	15	20

Обратимся теперь к «родовому» событию постсоветской России – августу 1991 г. (см. табл. 4–8).

Как оценить народное историческое знание об августе 1991 г.? Отмечу, что оно отличается от моих собственных интерпретаций причин и последствий августа 1991 г., оцененного мною как либерально-демократическая и, безусловно, позитивная «бархатная» революция (Согрин, 1994; 2001). Но я не могу признать народную историческую рефлексию научной отнюдь не по этой причине, а потому, что респондентская масса, что понятно и естественно, пользовалась в своих суждениях и оценках не теоретико-методологическим инструментарием, присущим исторической науке, а собственным мироощущением, а проще говоря, тем, что лично ей принес успех Б. Ельцина, а затем и его преемников. Для характеристики российской народной исторической субкультуры очень важно сравнение восприятия ею Октября 1917 г. и августа 1991 г. Это сравнение оказывается в пользу Октября 1917 г. и, следовательно, заключает признание преимущества советского исторического опыта перед постсоветским. Эта очевидная истина была абсолютно проигнорирована авторами телепроекта «Исторический процесс», реализовывавшегося в 2009–2012 гг. сначала на Пятом (петербургском), а затем на главном российском телеканалах. Замысел авторов телепроекта очевиден: при помощи достоверных фактов, развернутых рациональных аргументов убедить аудиторию в несостоятельности убогого и порочного советского социализма и «переманить» ее на сторону нового российского капитализма, у которого, конечно, есть недостатки, но который пестуется новой властью, « covладевшей » российской историей, и уже поэтому заслуживает поддержки. Телепроект был организован в виде состязания защитников советского опыта и их оппонентов. На мой

Таблица 4

Как вы сейчас оцениваете события 1991 г.? (в %)

	Годы											
	1994	1998	2001	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа	27	31	25	36	26	36	24	34	33	36	39	41
Просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны	53	46	43	42	43	39	48	41	42	43	35	37
Победа демократической революции, покончившей с властью КПСС	7	8	10	11	10	13	10	11	9	8	10	10
Затруднились ответить	13	15	22	11	11	12	18	14	16	13	16	12

Таблица 5

Как вам кажется, начиная с этого момента, страна пошла в правильном или в неправильном направлении? (в %)

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
В правильном направлении	30	27	25	30	28	33	30	27	26
В неправильном направлении	47	49	50	44	37	40	37	49	46
Затруднились ответить	23	24	25	26	35	27	33	24	28

Таблица 6

Как вы сейчас думаете, кто был прав в те дни? (в %)

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2012 г.
Ельцин и демократы	12	17	17	13
ГКЧП	13	8	11	13
Ни те, ни другие	52	46	49	56
Затруднились ответить	23	29	23	18

Таблица 7

С какими из следующих суждений по поводу действий в дни путча Б. Ельцина вы бы скорее согласились? (в %)

	2001 г.	2011 г.
Использовал смуту для того, чтобы захватить власть в стране	43	42
Ничего особенного не предпринимал, власть сама свалилась ему в руки	22	27
Мужественно выступил против ГКЧП	13	11
Другое	1	1
Затруднились ответить	21	19

Таблица 8

С какими из следующих суждений по поводу действий в дни путча М. Горбачёва вы бы скорее согласились? (в %)

	2001 г.	2011 г.
Растерялся, выпустил власть из рук	41	43
Ничего не мог сделать, оказался «заложником» в Форосе	23	20
Находился в сговоре с ГКЧП	9	11
Другое	1	2
Затруднились ответить	26	24

взгляд, оппоненты интеллектом, эрудицией, логикой превосходили апологетов ленинской, сталинской и брежневской России. А учитывая, что в первой части проекта «бесстрастным судьей» был либеральный журналист Н. Сванидзе, апологеты, казалось бы, должны были потерпеть сокрушительное поражение.

Но случилось все с точностью до наоборот. Вердикт об исторической истине был передан на голосование телеаудитории. И народная историческая «наука» раз за разом наносила сокрушающее поражение оппонентам советской истории, среди которых преобладали именитые ученые-историки. Для исторических оценок телезрителей сталинские преступления и концлагеря, голодомор и ликвидация цвета российского крестьянства, уничтожение советской интеллигенции, превращение самого народа в быдло оказались менее страшными, нежели что-то другое, маячившее в их сознании в качестве более реальной, осозаемой и мерзкой альтернативы. Этой реальной альтернативой, судя по исследованиям Левада-центра, для многих, если не большинства современных россиян, является постсоветская ельцинско-путинская Россия. Телезрители не упустили шанса отомстить «большему злу» благосклонным отношением к «злу меньшему», которое допускало меньше коррупции, социальной несправедливости (для россиян это неоправданный разрыв в положении верхов и низов, со всеми вытекающими отсюда политическими и правовыми следствиями), уличной и бытовой преступности.

Государственно-политическая культура

Понятно, что современная российская власть с подобной исторической народной субкультурой примириться не может. И она начала активно формировать собственную *государственно-политическую историческую субкультуру*, которая должна подчинить иные исторические субкультуры, заставить работать на себя историческую науку. Это не означает, что государственно-политической исторической субкультуры в России прежде не существовало. Впервые она возникла еще в императорской России и тогда была отчеканена в знаменитой формуле «Самодержавие. Православие. Народность». В советский период ее катехизисом стал сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)». Но понятие *государственно-политической исторической субкультуры* не использовалось, поскольку его тогда вообще не существовало, сталинская же исто-

риография отождествлялась с единственно научной, т.е. была началом и вершиной исторической науки.

С приходом горбачёвской перестройки, а особенно после отмены в 1990 г. государственной цензуры, в России начала укореняться историографическая вольница, и государственно-политическая историческая субкультура стала размываться и вообще исчезать. Вместо нее возникло несколько историографических течений, среди которых в 1990-е годы выделился либерально-демократический мейнстрим. Это соответствовало веяниям времени. Либерально-демократическая революция 1991 г. вызвала к жизни общественно-политический заказ на подобное освещение истории. Но важно заметить, что он не был сформирован в «силовом режиме». Авторы, начавшие переписывать школьные и вузовские учебники с либерально-демократических позиций, т.е. преувеличивая роль и объем либерально-демократического компонента российской истории и одновременно окарикатуривая нелиберальные компоненты, делали это чаще всего добровольно и искренне веря в то, что постигают и растолковывают историческую истину.

Воззванию либерально-демократического исторического мейнстрима способствовали и иные обстоятельства 1990-х годов. Например, то, что западным фондам, или «иностранным агентам», по понятиям нынешней власти, была предоставлена полная свобода на российском книжном рынке. Поскольку у российских издательств денег не было, западные фонды стали «диктовать моду» в издании общественно-гуманитарной, в том числе исторической, литературы. Фонд американского мультимиллиардера Дж. Сороса издал массовым тиражом тысячи учебников по общественным и гуманитарным наукам, написанных как зарубежными, так и российскими авторами. Все эти учебники распространялись в вузах и школах бесплатно, так что вслед за политической либерально-демократической революцией в России осуществлялась мирная либерально-демократическая культурная революция. Российская власть этому не препятствовала, а наоборот, благоприятствовала. Фонд Сороса тесно сотрудничал с Государственным комитетом РФ по высшему образованию, а высокопоставленные чиновники последнего входили в Стратегический комитет совместной российско-соросовской программы «Обновление гуманитарного образования в России».

В моей оценке это сыграло позитивную роль в трансформации российского гуманитарного образования, способствовало его

интеграции в мировое обществознание. Это имело позитивное значение и для исторической науки, но невозможно не видеть и идеологических эксцессов либерально-демократической «детской болезни» 1990-х годов. Происходила новая, по принципу «от обратного», политизация учебной исторической литературы. Она вызвала критику даже со стороны западных специалистов. Р.У. Дэвис, например, в критическом ее анализе отмечал: «Использование термина “тоталитаризм” для характеристики сталинского режима – вопрос крайне противоречивый. Но Министерство образования Российской Федерации возвело концепцию в новую докторскую» («Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России». – М., 1999, с. 50). Новая докторская нередко приобретала карикатурный характер, который по своей одиозности мало отличался от историографической ортодоксии советского образца. Так А. Головатенко в учебном пособии для абитуриентов гуманитарных факультетов, изданном в 1993 г., изложил историю советского периода в трех главах с характерными названиями: «Год 1917: через свободу к диктатуре», «Становление коммунистического тоталитаризма» и «Преодоление тоталитаризма» (цит. по: Козлов В.А. «ОНС», М., 2003, № 4).

Либерально-западнический подход, однако, не смог удержать господствующего положения ни в научной, ни в учебной исторической литературе. Но тут отступление с ведущей позиции было обусловлено не его научными издержками, а новой переменной политической ситуации в России. Сильнейший удар по российскому либерализму и его последователям в историографии нанесли радикальные реформы 1992-го и последующих лет. До их начала российское демократическое движение твердо обещало россиянам, что западные либеральные образцы могут быть введены в России достаточно быстро и безболезненно. Однако на деле вместо обещанной североамериканской или западноевропейской общественной модели россияне получили некую смесь латиноамериканской модели и раннего социал-дарвинистского капитализма. Россия разделилась на сверхбогатое меньшинство и бедное и нищее большинство. Вместо правового государства утвердился беспредел чиновников и олигархов. Многие россияне возложили ответственность за крах своих надежд и иллюзий не только на политиков-либералов, но и на западные ценности, которые, по их мнению, в России оказались нежизнеспособными и приносят не благо, а зло.

На волне широкого недовольства оформились влиятельная левая и национал-патриотическая оппозиции, власть стала лавировать, сама прибегать к социальной и патриотической риторике, в том числе и в своих трактовках прошлого. Министерство образования начало «сдавать» авторов исторических учебников, сверх меры отошедших от патриотических канонов. Стали появляться и занимать все больше места учебники антилиберального толка. «Естественный ход» вещей создавал угрозу их преобладания в учебном процессе. В. Путин и его сторонники, пришедшие к власти после нелегкой победы в схватке российских политических и экономических элит в 2000 г., быстро обнаружили несогласие с «вольницей» в исторической культуре, науке, образовании и стали последовательно проявлять намерение утвердить на господствующей позиции соответствующую их интересам историческую концепцию. Она оформилась не сразу, но постепенно ее контуры и суть стали обозначаться все более определенно. Ее дизайн определялся общей установкой правящей партии «Единая Россия» на утверждение в стране «суворенной демократии». Она должна была составить альтернативу либерально-демократическим интерпретациям российского исторического опыта. Но она призвана была быть альтернативна и «левым», советско-социалистическим интерпретациям, поскольку новая власть успешно пожинала плоды постсоветского российского капитализма и совершенно не желала от них отказываться.

В 2001 г. премьер-министр российского правительства М. Касьянов на заседании правительства заявил: «Дальше отступать некуда», и поставил вопрос о школьных учебниках по истории России. В информации об обсуждении острого вопроса говорилось: «По словам Касьянова, через 10 лет после становления нового российского государства в учебниках не упоминается... о том, что сам народ избрал путь рыночных преобразований. По мнению премьера, это недопустимо». В начале 2004 г. группа высокопоставленных военных ветеранов обратилась с письмом к президенту Путину, в котором осуждались сохранявшиеся «непатриотические» учебники. После этого Министерство образования «сдало» либерально-демократического автора И. Долуцкого и его «Отечественную историю XX века» («Известия», 14 февраля 2004 г.). Одновременно Министерство образования активно разрабатывало свой стандарт учебника по истории, который должен был прийти на смену «правым» и «левым» отступлениям от «исторической истины». После ряда «проб» и «ошибок» образцовые, по меркам

российской власти, учебники истории были созданы. Автором первого стал чиновник Министерства образования А. Филиппов (2006), а второго – тот же Филиппов в соавторстве с профессором истории А. Даниловым (2009). Эти учебники были многократно раскритикованы научной общественностью. Данную критику можно продолжать, но лучше подытожить банальной фразой: «не выдерживают никакой критики». Учебники безграмотны и убоги с точки зрения содержания, концепций, русского языка. Но вместе с тем они не так однозначны, как это представляет научная критика. Им присущ эклектизм, использование принципа «с одной стороны, но с другой стороны», стремление угодить разным ценностям. Среди шести консультантов Филиппова мы обнаруживаем имя С. Алексеева, вошедшего в современную российскую историю своей последовательной либерально-демократической политико-правовой позицией в эпоху горбачёвской перестройки. Если бы Филиппов привлек, кроме того, консультанта-филолога и консультанта-логика, то, возможно, учебники не выглядели бы столь чудовищно. Также Филиппов, как ни странно, не осознал в полной мере исторического дизайна кремлевских политтехнологов.

Этот дизайн освящен идеями не чиновника Филиппова, а великого А. Солженицына. Последний вошел в отечественную историю как исполнитель, но противоречивая фигура. Здесь невозможно раскрыть эту проблему, и я отсылаю читателя к двум фундаментальным, но, по сути, взаимоисключающим исследованиям его исторической роли и наследия (Сараксина, 2008; Сарнов, 2012). Для моего анализа важно то, что поздний Солженицын в своем идеале приближался к концепции «Православие. Самодержавие. Народность». Он переключился с критики «Красного колеса» и Октября 1917 г. на критику Февраля 1917 г. и либерально-демократического компонента российской истории. В пространной статье, опубликованной в 2007 г. в правительственной «Российской газете» по случаю 90-летия Февраля, он изъяснился предельно четко: «В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию – и больше чем на семьдесят пять лет» (Солженицын). Так российский антибольшевистский кумир санкционировал разрушение Февраля 1917 г., который российской демократией рубежа 1980–1990-х годов воспринимался как матрица либерально-демократической революции 1991 г.

Солженицын стал идеализировать Российскую империю в качестве образца «суверенной» российской истории еще раньше. В 1990-е годы он писал: «Россия перед войной 1914 г. была стра-

ной с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, было положено начало рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободна в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономность. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооруженного сепаратистского движения...» (Солженицын, 1995, т. 1, с. 345). Россия и монархия, согласно Солженицыну, сохраняли величие и в годы Первой мировой войны, но были преданы в Феврале экономической, политической, культурной и религиозной элитой.

Эти идеи Солженицына были подхвачены политтехнологами и идеологами Кремля. В. Никонов, развивая солженицынский приговор либеральному Февралю 1917 г., расставлял все точки над «и»: «Всех будущих министров объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, прогрессивному блоку. И все они, как потом выяснилось, состояли в масонских ложах... В свержении власти императора сыграли роль и внешние силы... К моменту революции Россия была готова в военном и экономическом отношениях к успешному продолжению военных действий... Голод и разорение России зимой 1916 / 1917 гг. не грозили, хлеба хватало, промышленность росла... Если выявить социальный слой, в наибольшей степени приближавший революцию, то им окажется интеллигенция... В подготовке революции приняло участие большинство российских политических партий в спектре от октябристов до большевиков. Решающую роль сыграли либералы... Легитимацию перевороту дала Дума... Временное правительство разрушило российскую государственность» (Никонов, «Российская газета», М., 16.03.07).

А как же быть с исторической виной большевиков? Она не снималась, но уменьшалась и дифференцировалась. Во-первых, она оказывалась вторичной – монархию и империю разрушили сначала все-таки либералы. Во-вторых, И. Сталин, преемник первого главного большевика, В. Ленина, не разрушал, а реставрировал империю. Ему – честь и хвала. Что касается духовных ценностей, то и здесь, как доказывала одна из ведущих идеологов Кремля Н. Нарочницкая, злодеем был не Сталин, а Ленин: «Мой отец, переживший все периоды репрессий, вспоминал, что ленин-

ское время было страшнее сталинского. При Ленине не только расстреливали, но и называли Александра Невского классовым врагом, Наполеона – освободителем, Чайковского – хлюпиком, Чехова – нытиком, а Толстого – помещиком, юродствующим во Христе...» Сутью русской истории Нарочницкой объявлялись не либерализм, демократия и свобода, а великая держава и империя, способность противостоять Западу и его ценностям: «Раболепное эпигоноство начала 90-х привело к катастрофическим утратам. В уплату за тоталитаризм сдали поругаемые отеческие гробы трехсотлетней русской, а не советской истории... Теперь вот собираем камни, хотим сделать демократию суверенной, избавляемся от диктата извне» (Нарочницкая, «Российская газета», 1.11.07).

Используя Солженицына, современные представители официозно-государственной субкультуры шли дальше, обеляя российскую империю более усердно, приписывая все ее неудачи и поражения проискам масонов и Запада. А. Сахаров предложил следующую концепцию: Россия в 1905 г. могла рассчитывать на победу в войне с Японией, а ее проигрыш был результатом происков США, вынудивших Россию пойти на уступку Японии Курил и Южного Сахалина. Роль США в российско-японском конфликте Сахаровым демонизируется. В действительности, как это давно показано и в американской, и в российской исторической литературе, США и их президент Т. Рузвельт, выступившие с согласия как Японии, так и России арбитром на их переговорах в 1905 г., исповедовали концепцию баланса сил и в силу этого, требуя уступок от потерпевшей поражение России, вместе с тем сдерживали (и сдерживали) чрезмерные притязания Японии. Тезис Сахарова о том, что США в 1905 г. показали «еще раз, кто является истинным дирижером событий на Дальнем Востоке», антиисторичен. Дело в том, что в тот период, а тем более ранее, США по своему влиянию в мире и на Дальнем Востоке уступали всем ведущим европейским державам – Англии, Германии, Франции – и из-за позиции последних не сумели воплотить в жизнь своих стратегических установок, в первую очередь доктрины «открытых дверей». Влияние, которым Сахаров наделил США применительно к 1905 г., эта страна стала обретать после Второй мировой войны, но тогда ее мощным противовесом был СССР. Реальной мировой гегемонии Соединенные Штаты достигли после окончания «холодной войны». Отмечу также, что Сахаров, член-корреспондент РАН, в 1993–2010 гг. директор Института российской истории РАН, а в 2009–2012 гг. член президентской комиссии по борьбе с фальси-

ификацией истории в ущерб интересам России, «упустил из виду», что Курилы давно принадлежали Японии и уступать их не требовалось.

Историки официозной школы осудили всю русскую революционно-освободительную традицию. Был заклеймен не только «третий» – большевистский этап революционно-освободительного движения (согласно периодизации советской исторической науки, воспринятой ею у Ленина), но также «первый – дворянско-декабристский» и «второй – разночинско-народнический». Все, кто поднимал руку на имперских самодержцев, приравнивались к врагам России и русской истории. Таков официозно-государственный исторический концепт. Он может быть определен как авторитарно-националистический. Он отличен от главной тенденции народной исторической субкультуры, которую можно определить как социально-эгалитарную.

Академическая субкультура

Обратимся к академической исторической субкультуре. Она, как отмечалось, создается на основе документальных источников и дисциплинарных научных критериев. Это не означает, что ее представители свободны от идеологических зависимостей. Но они, осознавая это, стремятся их «контролировать» (в частности, сопротивляясь реальной историей) или совмещают их с научной позицией искренне, а не из конъюнктурных соображений. Вообще же освободиться от идеологической зависимости абсолютно, на мой взгляд, непросто, по крайней мере, мне трудно назвать крупных историков, которым бы это удавалось. Это касается не только отечественной историографии. Сошлюсь на примеры из американской исторической науки, которые известны и русскоязычному читателю. Это переведенные на русский язык на современном этапе две классические фундаментальные работы по истории США, принадлежащие признанным лидерам соперничающих научных школ. Первая работа – трехтомный труд Д. Бурстина, посвященный историческим этапам, и в первую очередь материальным достижениям, североамериканской цивилизации. Вторая работа – объемная монография Г. Зинна «Народная история США», изданная в Соединенных Штатах впервые в начале 1980-х годов и выдержанная в течение последующего периода около десяти изданий.

Труд Бурстина¹ – история предпримчивого американского народа и индивидуумов из самых разных социальных слоев, добивающихся успехов в самых разных сферах, в первую очередь материально-экономической, на всех этапах истории. Это история тех, кого в Америке называют «победителями» (winners), и именно они, как яствует из труда Бурстина, составляют большинство нации – американский народ. Работа же Зинна² – по преимуществу история тех, кто на разных этапах американской истории оказывалась в рядах «проигравших» (losers): индейцев, чернокожих, испаноязычных, белых бедняков и подавляющего большинства женщин всех рас. Согласно Зинну, именно эти «проигравшие», а отнюдь не «победители» составляли большинство нации, они и есть американский народ.

Позиции Бурстина и Зинна отражают не их индивидуальные особенности, а важнейшую черту американской исторической науки в целом. Во все времена она была разделена мировоззренчески. Современным примером наличия идеологических влияний на американскую историографию может служить политкорректность – набор ценностных установок, оформленных под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX в. в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не в состоянии проигнорировать и консерваторы). В историографии США тогда укоренились гендерные и афроамериканские исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. Научная картина американской истории серьезно разнообразилась и пополнилась. Но в изучении новой проблематики обнаружились и перекосы, находящиеся в противоречии с принципами историзма. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной политкорректности, которая фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Кроме того, важнейшие события прошлого, такие как Война США за независимость, Гражданская война, прогрессивная эра начала XX в. и новый курс 1930-х годов, стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью на разных этапах, в том числе начальных, обеспече-

¹ Бурстин Д. Американцы: В 3 т. – М., 1993.

² Зинн Г. Народная история США. – М., 2006.

чить равные права афроамериканцам, женщинам, как и другим угнетенным социальным группам.

Политкорректность в анализе истории, по сути, равнозначна подходу, известному как «политика, опрокинутая в прошлое». Он противоречит основополагающему для исторической науки принципу историзма. Суть последнего: события и деятели прошлого оцениваются в связи с тем, что они дали в сравнении с предшествующими эпохами и в контексте возможностей своего времени, а не в связи с тем, чего они не смогли и не могли дать в сравнении с последующими эпохами и современностью. При этом человеческое «измерение» и «цена» событий и изменений прошлых эпох могут / должны включаться в исследовательскую концепцию. Также явления прошлого могут быть проанализированы исследователем в их дальнейшем развитии. Но позитивные достижения современности, оказавшиеся возможными благодаря более высокому уровню развития цивилизации и культуры, не могут / не должны служить основой негативных оценок прошлого. В противном случае все прошлое может предстать в качестве «темных веков». Именно так, например, оценивали Средневековье просветители XVIII в. Но последующие историки признали, что и Средневековье дало много позитивного в сравнении с Античностью, превозносившейся просветителями. Историзм при всей кажущейся простоте на самом деле категория тонкая. На мой взгляд, он не воспринимается многими представителями социальных наук, сосредоточенных на современности и вольно экстраполирующих свои оценки в прошлое. Да и среди историков есть те, кто им пренебрегают.

Итак, идеологические позиции и различия имеют место и в профессиональной историографии. Но они не ограничивают возможностей тех профессионалов, для которых смысл жизни и деятельности заключается в постижении исторической истины (в противном случае жизнь следовало посвятить другой профессии, например, строителя) и которые могут подняться над идеологемой, если она противоречит убедительному факту истории или убедительному аргументу историка. Различающиеся школы вступают в диалог друг с другом, воспринимают рациональные и доказанные аргументы и факты оппонентов. Так происходит приближение к исторической истине. Это режим научной академической свободы. Он исключает претензию на монополию.

В постсоветской исторической науке получили развитие различающиеся идеологические тенденции. Назвать их строго

идеологическими вряд ли возможно, поскольку идеологический выбор был часто следствием теоретико-методологического. Эти теоретико-идеологические тенденции уже были рассмотрены мною подробно, а обозначались они как формационно-ортодоксальная, формационно-ревизионистская, либеральная, цивилизационная (Согрин, 2005). На современном этапе особым влиянием пользуется цивилизационное направление, но в его рамках обозначились три тенденции. Это оптимисты, пессимисты и интеграционисты (последние рассматривают российскую цивилизацию как гибридную).

Теоретико-идеологический плюрализм означал радикальное, принципиальное и позитивное отличие постсоветской профессиональной историографии от советской. Родилось научное соперничество современного образца, оплодотворившее отечественную историческую науку новыми концепциями. Многие направления стали заимствовать у мировой науки новые темы, дискурсы, методологии. На современном этапе развития отечественной исторической науки в ней все большее место стала занимать междисциплинарность (некоторые обозначают ее как полидисциплинарность), т.е. использование при познании прошлого методов различных социальных наук. Отмечу, что междисциплинарность развивалась в отечественной исторической науке и в советский период, но тогда она сводилась к использованию методов социальных наук в рамках марксистского обществознания. В постсоветский период междисциплинарность в исторической науке качественно изменилась, поскольку она стала свободно черпать из арсенала современного мирового обществознания, в первую очередь из таких дисциплин, как культурология, социология, политическая наука, антропология.

Постсоветская историческая наука радикально поменяла свои авторитеты. В ее новом гамбургском счете мэтры советской исторической науки были потеснены теми, кто в советский период подчас ссыли диссидентами, и конечно, звездами дооктябрьской исторической науки, которым прежде войти в ведущие отечественные историки мешала «буржуазная» или «дворянская» «ограниченность». По индексу цитирования, если бы такой был проведен, на первые места, как мне представляется на основе собственных наблюдений, могли бы претендовать В. Ключевский и С. Соловьёв.

В статье нет возможности охарактеризовать состояние научного плюрализма в изучении всех тем отечественной, а тем более

зарубежной истории. У читателя есть возможность ознакомиться с ним по соответствующим историографическим обзорам (хотя их, на мой взгляд, явно недостаточно). Здесь я ограничусь указанием на своеобразие ведущей тенденции в изучении отечественной истории и примерами научного плюрализма в исследовании некоторых наиболее острых тем. Своеобразие ведущей тенденции в изучении отечественной истории, ее отличие от монопольной тенденции советской историографии состоит в отказе от рассмотрения отечественной истории по аналогии с западноевропейскими общественно-экономическими формациями и сосредоточенности на постижении национального своеобразия российской истории. В результате были внесены серьезнейшие корректизы в изучение российского социума в дофеодальный, феодальный, постфеодальный и капиталистический периоды. Упор при этом был сделан не на сходство, а на принципиальные отличия «феодализма» и «капитализма» в российском и европейском социумах.

Первым ярким примером научного плюрализма в изучении отечественной истории может быть названо исследование происхождения древнерусской государственности. В советский период монопольная позиция здесь, как известно, принадлежала антинорманистам во главе с Б. Рыбаковым. Антинорманисты сегодня занимают только одну из научных ниш, хотя, как и прежде, воинственны. Их лидер, Сахаров, безапелляционно заявил: «Норманнская теория – абсурдное дело!» («Известия», 17.07.2004). А ведь норманнской теории придерживались не только Г. Байер, А. Шлецер и Г. Миллер. Но также Н. Карамзин и С. Соловьев, которые сегодня вновь стали кумирами российской историографии.

На ведущей же позиции в изучении происхождения древнерусской государственности сегодня, по моей оценке, оказались не антинорманисты и не норманисты, а приверженцы синтетического подхода, т.е. те, кто тщательно, на основе совокупности всех первоисточников, всей исследовательской литературы, как отечественной, так и зарубежной, методик разных общественных и гуманитарных наук, как и специальных дисциплин, выверяет и взвешивает соотношение собственно славянских, норманнских и византийских истоков и компонентов древнерусской государственности, формировавшейся на протяжении длительного исторического периода как до, так и после 862 г.

В качестве еще одного острого периода российской истории, в отношении которого развивается научный плюрализм, назову эпоху правления Николая II. На монопольную позицию здесь пре-

тендует апологетическая школа, кумиром которой остается Солженицын. Но это в основном публицисты, чурающиеся методик и приемов профессиональной историографии. Из крупных профессиональных историков к этой школе можно, на мой взгляд, отнести только Б. Миронова. Признавая его научные заслуги, не могу вместе с тем не отметить, что на концепции Миронова лежит отчетливая идеологическая печать (сам Миронов называет свою мировоззренческую концепцию «клиотерапией», призванной внушиТЬ людям исторический оптимизм, дать им духовное исцеление). Другие ведущие профессионалы раскрывали неспособность николаевской империи, даже притом, что ее премьером в период с 1906 по 1911 г. был П. Столыпин, устраниТЬ фундаментальные причины общественно-политического кризиса и предотвратить крах монархии и революцию.

Историографические дискуссии особенно остры применительно к революциям 1917 г., как Февральской, так и Октябрьской. Опять-таки отмечу, что среди тех, кто считает их «искусственными» и «рукотворными», явно преобладают публицисты и политтехнологи. Конечно, на их стороне великий Солженицын. Замечу, однако, что не менее великий Н. Бердяев при не меньшей, чем у Солженицына, нелюбви к Ленину и большевикам, утверждал, что «революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном прояснении». Фундаментальную причину революции Бердяев определял так: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимавшему, как мир другой расы, иностранцев». Народ, а не мифические «иностранные агенты» в лице кадетов или большевиков сокрушил этих истинных, в его глазах, «иностранцев».

Позицию, созвучную концепции объективных причин краха николаевской России, высказал один из участников газетной дискуссии о Февральской революции: «История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. “Случайно” три революции и две проигранные войны – Русско-японская и Первая мировая... не происходят. Попытка объяснить Февральскую революцию в 1917 г. случайностью, мягко говоря, несостоятельна... Не доводите народ до крайностей – не будет революций!» («Российская газета», 30.03.2007). Плюрализм в рамках научной исторической субкультуры означает, что монополия на историческую истину в условиях академической свободы исключена по определению. Но это не оз-

начает, что консенсус по вопросу исторической истины вообще недостижим. Опыт зарубежных историографий, например американской, свидетельствует, что оппонирующие школы приходят к согласию по целому ряду значимых исторических проблем. Важным условием такого согласия является выработка определенной культуры научной дискуссии. Ее основа – не противоборство, а спор в форме диалога. Противоборство означает стремление к научной монополии, к дискредитации и устраниению оппонента – соперника, а диалог предполагает взаимообмен научными результатами и дискуссию в целях совместного приближения к научной истине, что невозможно без восприятия у оппонента рациональных аргументов, выводов, достоверных фактов. Противоборство – «игра с нулевой суммой», а диалог – научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровергимых фактов оппонента, это приращение общего знания в интересах исторической науки в целом.

Необходимо признать, что культура диалога в российской историографии еще далеко не сформирована, у многих историков она отсутствует, но в ее развитии в постсоветский период достигнуты позитивные результаты. На мой взгляд, это проявилось в изменении взаимоотношений с зарубежной исторической наукой. В советский период такие взаимоотношения включали в качестве основополагающей составляющей борьбу с буржуазной историографией. Возможность творческого восприятия тех или иных положений зарубежной историографии практически касалась только тех школ, которые были близки к марксизму, а в отношении выводов, подходов, концепций иных школ предполагалась оппозиционная, зачастую непримиримая позиция. В постсоветский период данная установка утрачивала значение, борьба с буржуазными школами уступала место диалогу и дискуссии со всеми без исключения направлениями и течениями мировой исторической науки, а главным критерием отношения к выводам и концепциям той или иной школы становится их соответствие исторической реальности, а не ценностно-мировоззренческие предпочтения представителей данной школы.

Перманентный мысленный диалог со всеми исследовательскими историческими школами, в том числе – и даже особенно – с оппонентами, означает восприятие суждений оппонентов как вызова, который в качестве ответа предполагает учет всего рационального, что заключено в позиции оппонирующей школы. Продемонстрирую это на примере отношения к постмодернизму,

который, возможно, заключает главный вызов современной исторической науке.

О постмодернизме написано достаточном много. Он вызвал развернутую критику со стороны практически всех российских историков по той очевидной причине, что в своих крайних выражениях означал отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от исследователя прошлого исторической действительности. Это неприемлемо и для меня, но, на мой взгляд, нельзя не признать наличия в позиции постмодернистов рационального начала. Мэтр постмодернизма Х. Уайт доказывал, что у истории, в отличие от естественных наук, нет единого «языкового протокола», т.е. общепринятого научного языка. Труды историков, даже самые авторитетные, по сути – презентации определенных языковых модусов (тропов) обыденной речи. Зададимся вопросом: разве в этой критике нет рационального упрека? При ознакомлении с работами современных российских историков (это же касается и зарубежных авторов) нетрудно обнаружить, что в них зачастую присутствует произвол в использовании многих понятий, терминов, ключевых слов, не говоря уже об обыденном языке. При чтении многих работ отечественных историков создается впечатление, что за языком изложения они вообще не следят. Для них это вообще не проблема. Среди историков нет единства в понимании наиболее часто используемых и модных сегодня понятий, например таких, как парадигма, дискурс, концепт, архетип, цивилизация, империя, нация и т.д. Каждый историк вкладывает в них тот смысл, который удобен ему самому.

Критика и вызов постмодернизма рациональны. Ответ со стороны тех, кто отстаивает право истории быть объективной и научной, заключается в упорядочении используемых понятий, терминов, категорий, достижении единства в определении их смысла, как и, конечно, в оттачивании научного и литературного языка. Подобная рациональная реакция необходима и во взаимоотношениях со всеми иными оппонирующими школами. Ответ им должен заключаться не только в оспаривании положений, противоречащих истине, но и в учете рациональных суждений в целях совершенствования и развития исторического знания. В этом случае у истории возрастают шансы становиться более объективной и научной.

«*ОНС: Общественные науки и современность*»,
М., 2013 г., № 3, с. 91–105.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**Андрей Сызранов,
кандидат исторических наук
(Астраханский государственный университет)
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
ПО БОРЬБЕ С ИСЛАМСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ
НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ
В КОНЦЕ ХХ – НАЧАЛЕ ХХI в.**

В конце ХХ – начале ХХI в., в связи с притоком в Поволжье представителей различных этнических групп из Центральной Азии и Северного Кавказа, в регион начали проникать идеи, не характерные для российского «традиционного» ислама. Вслед за идеями появились экстремистские группы (из числа как приезжих, так и местных, новообращенных жителей), борьбу с которыми начали вести правоохранительные органы.

Особо активную деятельность на территории Поволжья развернули члены экстремистской религиозной организации «Хизб ут-Тахрир» («Партия исламского освобождения»; ХТ). Для деятельности партии в России характерно массовое тиражирование пропагандистской литературы на русском языке, создание русскоязычного сайта партии. Особое место в пропаганде идей ХТ занимают листовки, издаваемые на русском языке и распространяемые в мечетях России. «Партия освобождения ислама» была внесена в список организаций экстремистского толка, чья деятельность была запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. В течение 2004 г. в различных регионах РФ правоохранительными органами были задержаны члены данного движения. Так, в августе 2005 г. Верховный суд Башкортостана приговорил нескольких членов ячеек ХТ, задержанных на территории республики, к 4–9 годам лишения свободы. Начались задержания «хизбутовцев» и в других

регионах Поволжья (Юнусова А. «Ислам в Башкортостане», М., 1997).

В Нижегородской области, несмотря на то что активная деятельность сторонников радикального ислама особо не отмечается, их небольшие группы все же присутствуют. В октябре 2004 г. правоохранительными органами был произведен арест 12 членов местной ячейки партии «Хизб ут-Тахрир», которые были обвинены в совершении преступлений террористического характера (Хайретдинов Д.З. «Ислам в Нижегородской области», М., 2007). ДУМ Нижегородской области обратило внимание общественности на то, что среди задержанных не было «ни одного татарина, ни одного коренного нижегородца» (www.islamNN.ru).

Работа по противодействию национальному и религиозному экстремизму является одним из важных направлений деятельности органов власти на территории Ульяновской области. Здесь также отмечалась некоторая активизация сторонников радикального ислама. Ситуация осложняется фактическим расколом в местной мусульманской общине («умме») – в области два конкурирующих духовных управления мусульман – Ульяновское региональное духовное управление мусульман и ДУМ Ульяновской области. Данной ситуацией стремятся воспользоваться мусульманские миссионеры из стран Центральной Азии, Северо-Кавказского региона, посещающие Ульяновскую область с целью распространения среди местных мусульман идеологии радикального ислама. В регионе имеются последователи такого вида религиозной пропаганды. Так, в конце 2003 г. в Ульяновске были арестованы члены экстремистской организации «Джамаат», подозреваемые в подготовке террористических атак, разбоях и грабежах. Общая численность этой группировки достигала 80 человек, преимущественно русских и чувашей (Силантьев. «Ислам в современной России», М., 2008). В сентябре 2005 г. Ульяновским областным судом задержанные были осуждены.

В Оренбургской области также была неоднократно отмечена деятельность сторонников радикального ислама. Их центром стало медресе «Аль-Фуркан» г. Бугуруслан, выпускники и студенты которого оказались замешаны в целом ряде террористических актов, включая захват школы в Беслане. В сентябре 2004 г. на территории медресе были обнаружены взрывчатые вещества, после чего его работа приостановилась. 25 июля 2005 г. по факту использования преподавателями медресе в процессе обучения литературы экстремистского толка было возбуждено уголовное дело. Началось

следствие по отношению к «Аль-Фуркан», шесть выпускников которого принимали участие в подготовке терактов в России и за рубежом. В 2006 г. начался судебный процесс по факту распространения в медресе «Аль-Фуркан» экстремистской литературы и деятельности местной ячейки организации «Хизб ут-Тахрир». В итоге десять предполагаемых участников «Хизб ут-Тахрир», проходивших по делу о распространении листовок, были депортированы на родину – в Узбекистан, в отношении шестерых преподавателей медресе, которые обвинялись в использовании на занятиях экстремистской литературы, уголовное преследование было прекращено по истечении срока давности, а двое – помощник ректора медресе Р. Гизитдинов и местный житель Б. Саломов – были осуждены за создание экстремистской организации. Медресе «Аль-Фуркан» было закрыто в марте 2006 г.

Правоохранительные органы Самарской области периодически выявляли на ее территории миссионеров «чистого» ислама. Так, 24 ноября 2004 г. около самарской Соборной мечети за распространение экстремистской литературы были задержаны двое активистов радикальной исламистской организации «Хизб ут-Тахрир», а впоследствии аресту подверглись и двое их сообщников. 11 ноября 2005 г. в Самаре были осуждены четверо самарских «хизбутовцев» на различные сроки лишения свободы по статьям «Тerrorизм», «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» и «Хранение боеприпасов». Всего в их группу входили 15 человек. Они вели отчет о проделанной работе и поддерживали связь с членами организации в других странах, в том числе и через Интернет. Мусульманские лидеры Самары резко осудили опасные действия группы молодых людей, объединившихся, по сути, в сектантскую, почти тайную организацию. Имамам было предписано активно проводить соответствующую разъяснительную работу.

История распространения радикального ислама в Астраханской области насчитывает уже два десятилетия. В первой половине 1990-х годов выходцы из Цумадинского района Республики Дагестан образовали в Астрахани салафитскую («ваххабитскую» – при всей условности этого термина) общину – «джамаат». Джамаат астраханских салафитов (самоназвание – «мумины», «мухмины» – от араб. «иман» – вера, «муамин» – верующий, мусульманин) имел достаточно замкнутый характер. В общину первоначально входило около 300 человек (в основном, выходцев с Северного Кавказа, среди которых преобладали аварцы), однако в конце 1990-х годов

в ней произошел раскол, и значительная часть членов общины выехала в Дагестан и Чечню для участия в джихаде против России. В итоге джамаат стал насчитывать около 60–70 более-менее умеренных салафитов (т.е. настроенных нейтрально по отношению к событиям в Чечне и не поддерживающих ни «федералов», ни чеченских боевиков). «Мумины» придерживались строгого единобожия (араб. «ат-таухид»), проповедовали так называемый «чистый» ислам, выступали против культа святых, шиизма и суфизма. Лидером астраханских «муминов» был ученик признанного лидера ваххабитов Северного Кавказа Багаутдина Магомедова аварец Ангута Омаров (известный также как Айуб / Аюб Астраханский, 1963 г.р.) из дагестанского селения Кванада Цумадинского района Дагестана. В Астрахани, по месту его жительства, находился молельный дом, где распространялась специальная литература, проводились встречи с приезжими, давались разъяснения по богословским вопросам. Члены общины «муминов», в основном, занимались торговой деятельностью. Духовный лидер Аюб был в целом негативно настроен по отношению к контактам с органами власти, и вследствие этого община вела достаточно замкнутый образ жизни, всячески дистанцируясь от представителей властных структур, общественности и средств массовой информации. Мумины вели активную миссионерскую работу, что обеспечило значительный приток новых членов в общину, причем не только «кавказцев», но и казахов, татар и даже русских. На рубеже 1990–2000-х годов были отмечены периодические стычки между «муминами» и дагестанцами – приверженцами суфизма (так называемыми «тарикатистами»). В основе столкновений, между тем, лежала скорее экономическая конкуренция (из-за мест на рынке), религиозный фактор был, видимо, вторичен, однако также сыграл свою роль. В начале 2000-х годов Аюб отбыл из Астрахани в неизвестном направлении. Община постепенно распалась (Б. Ахмедханов. «Общая газета», М., 2000, № 42; Бобровников О.В. «Ваххабиты Северного Кавказа», М., 2006).

Говоря об исламском фундаментализме, нельзя не упомянуть о том, что именно в Астрахани 9 июня 1990 г. состоялась подпольная Всесоюзная учредительная конференция, на которой была создана Исламская партия возрождения (ИПВ) «Нахдат» (от араб. «кан-нахда» – возрождение). На этой конференции присутствовали несколько десятков исламских фундаменталистов из Дагестана, Среднего Поволжья, Москвы и Таджикистана. Председателем

(раисом) партии стал Ахмад-кади Ахтаев (1942–1998), аварец родом из с. Кудали, лидер умеренного крыла дагестанских салафитов, его заместителем – азербайджанец Гейдар Джемаль, а координаторами на Северном Кавказе – Багаутдин Магомедов и его сводный брат Аббас Кебедов. В работе конференции приняли участие аварцы Ангута М. Омаров (будущий Айуб Астраханский), М.-Г.М. и А.М. Абразаковы, юртовские татары Р.М. Халиков (будущий Габдурашит Габдулхалик), В.А. Абульясов. В программе партии был сделан акцент на возрождении ислама, в частности было записано положение о необходимости создать для советских мусульман такие условия, чтобы они могли следовать исламскому образу жизни. Члены партии одной из первостепенных задач ставили создание своей фракции в Верховном Совете СССР. Однако идеи данной организации не встретили сколь-либо массовой поддержки астраханских мусульман. Для астраханских мусульман, по крайней мере, в то время, не было характерно использование ислама в политических целях. Идеи исламского фундаментализма были неведомы и непривлекательны для местного мусульманского сообщества.

В 2000-х годах в г. Астрахань и ряде сел Астраханской области (с. Кулаковка Приволжского района, пос. Володарский Володарского района и др.) возникли несколько салафитских группировок (состоящих как из выходцев с Кавказа, так и из местных жителей), некоторые из которых даже готовили террористические акты. Большинство из них были «раскрыты» спецслужбами и ликвидированы как организации. Были произведены аресты М.-Г.М. Абразакова (2003), Г. Габдулхалика (2004), М.К. Шангареева (2005). В основном им инкриминировалось незаконное хранение оружия и боеприпасов, распространение экстремистской литературы, разжигание межрелигиозной розни и др. (Викторин В.М. «Ислам в Астраханском регионе», М., 2008). В декабре 2006 г. спецслужбы арестовали группу экстремистов («джамаат мувахидов») в составе шести человек (в основном, местных уроженцев), которые готовили ряд терактов в городе в период новогодних праздников. В ноябре 2009 г. в Астрахани, у торгового центра «Восточный», в ходе совместной спецоперации ФСБ и милиции были задержаны трое участников (двоих мужчин и одну женщину) террористического бандподполья на Северном Кавказе.

Летом – в начале осени 2010 г. в Астрахани произошло несколько нападений на милиционеров, которые, как позже выяснилось, были совершены членами религиозной экстремистской групп-

пировки. Первое из них случилось в ночь на 27 июля, когда трое неизвестных мужчин напали на сотрудников милиции в городском парке «Братский садик», при этом сержант Н.В. Лиджиев был убит, а милиционер А.С. Айшуалова получила огнестрельное ранение. На следующие сутки, 28 июля, под путепроводным мостом по ул. Кубанская Советского района г. Астрахань трое неизвестных совершили нападение на наряд автопатруля роты милиции отдела вневедомственной охраны. Сотрудники милиции получили ранения, один из них позже скончался. Спустя месяц, 29 августа, трое инспекторов ГИБДД, преследуя на служебном транспорте автомашину «ВАЗ-2106» (без государственных регистрационных знаков) с водителем и двумя пассажирами, были обстреляны ими. Все трое милиционеров получили ранения и лишились оружия. Было установлено, что все нападения совершили участники одной преступной группировки; определены личности основных подозреваемых: Г.А. Жумагазиев, его брат М.А. Жумагазиев, Р.Р. Ибрагимов. Также по подозрению в причастности к совершению

указанных преступлений были задержаны: Н.Р. Кафаров, С.Б. Бадрудинов, Г.Б. Абдушев, Д.С. Джаватханов и др. (в основном, из числа местных казахов и татар). При обысках в их квартирах были обнаружены взрывные устройства, оружие, литература религиозного содержания. Все они являлись участниками религиозно-экстремистской группы, созданной еще в 2009 г. Гайни Жумагазиевым. 19 октября 2010 г. руководитель группировки Г.А. Жумагазиев был застрелен при задержании. М.А. Жумагазиев и Р.Р. Ибрагимов скрылись; последний, однако, был уничтожен в ходе спецоперации в Дагестане в апреле 2011 г.

В начале мая 2011 г. были арестованы члены еще одной экстремистской религиозной группы, которые планировали совершить ряд терактов в Астрахани на 9 Мая, в частности в культурно-развлекательном комплексе «Даир». Выяснилось также, что задержанные причастны к взрывам у зданий Академии МВД РФ и ОГИБДД в Волгограде 26 апреля 2011 г. Задержания проходили в нескольких местах, одно – непосредственно на улице. В результате операции были задержаны несколько подозреваемых (двоюродные братья Андрей и Алексей Антоновы, М. Ясолов, Р. Яблуков и др.). Один из них – русский мусульманин Андрей (Умар) Антонов – был убит при попытке оказать сопротивление. Мужчина попытался привести в действие самодельное взрывное устройство. При обыске в квартирах, где проходили задержания, было обнаружено

большое количество оружия, боеприпасов и религиозной литературы экстремистского толка. 25 июля 2012 г. Астраханский областной суд вынес обвинительный приговор М. Яслолову, Р. Яблукову, А. Антонову и Ш. Багандову по статьям «Бандитизм» и «Незаконное хранение оружия и боеприпасов». Подсудимые приговорены к наказанию от 3 до 19 лет лишения свободы. В мае того же 2011 г. были задержаны шестеро участников (братья Ю. и А. Авдонины, С. Алишев, И. Курмамбаев, Т. Шинтимиров, Р. Захидов) исламской международной проповеднической организации «Джамаат Таблиг», запрещенной с 2009 г. Верховным судом России. Однако вскоре они были отпущены под подписку о невыезде. В апреле 2012 г. над ними начался суд. Спустя месяц Кировский районный суд Астрахани вынес приговор. Юрий Авдонин за организацию деятельности религиозного объединения, признанного судом экстремистским, осужден к 1,5 годам лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении. Его брат Александр находится в международном розыске. Остальные члены организации были признаны виновными в участии в деятельности такого объединения, им назначено наказание в виде штрафа в размере 150 тыс. руб.

Проблемы религиозной и национальной нетерпимости и особенно вопрос об опасности экстремизма под лозунгами исламской религии обсуждались на встрече представителей мусульманского духовенства Астраханской области и Республики Дагестан с областной администрацией и руководством правоохранительных органов, прошедшей 6 декабря 1999 г. Причиной обеспокоенности участников встречи стало усиление влияния радикальных исламистов на общественно-политическую ситуацию в регионе и заметное увеличение их численности. По оценкам дагестанских гостей, массовый приток так называемых «ваххабитов» в Астраханскую область объяснялся принятием в сентябре этого года Народным собранием Республики Дагестан Закона «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности», предусматривающего уголовное наказание за распространение идей исламского фундаментализма. В ходе работы было выработано общее мнение о необходимости противодействия ваххабитской угрозе и взвешенного подхода к решению этой проблемы в целях искоренения не только ее последствий, но и причин. Была также достигнута договоренность о развитии многопланового сотрудничества в этой сфере.

Руководство Астраханского регионального духовного управления мусульман (АРДУМ), несмотря на целый ряд трудностей, все же проводит в определенном смысле результативную

деятельность, развивающуюся в области просвещения, образования и благотворительности. Большое внимание АРДУМ уделяет участию в мероприятиях, посвященных социальным проблемам, а также вопросам мира и взаимопонимания в стране в целом и в нашем регионе в частности. В ноябре 2000 г. в Астрахани состоялся Миротворческий форум муфтиев Юга России, в работе которого приняли участие духовные лидеры мусульман Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, председатель ЦДУМ муфтий Талгат Таджуддин, а также полномочный представитель Президента РФ по Южному федеральному округу В.Г. Казанцев. По результатам форума было принято заявление, в котором содержался призыв к упрочению мира и согласия, искоренению терроризма, предотвращению межнациональных и гражданских конфликтов на Юге России.

В Республику Мордовия идеи радикального ислама проникли в 1997 г. благодаря деятельности Олега (Абузара) Марушкина, эмиссара Аюба Астраханского. Поселившись в с. Белозерье, О. Марушкин начал активную агитацию среди местной молодежи, которая с интересом воспринимала идеи «чистого» ислама. Вскоре влияние салафитов в Белозерье стало весьма заметным, что вызвало неудовольствие приверженцев «традиционного» ислама и привело к нескольким стычкам. После неоднократных жалоб со стороны умеренных мусульман Управление ФСБ по Республике Мордовия приняло меры, вынудив О. Марушкина покинуть республику. В декабре 1998 г. он и группа его последователей уехали в Астрахань, где влились в местный джамаат «муминов». После отъезда О. Марушкина ситуация в Белозерье немного успокоилась, однако созданная им салафитская община оказалась вполне самодостаточной. Известно, что некоторые ее члены выезжали воевать в Чечню на стороне боевиков. В 2005 г. в подвале Соборной мечети г. Саранск была обнаружена разыскиваемая Следственными органами Оренбургской области библиотека бугурсланского медресе «Аль-Фуркан». Среди ее книг оказалось немало экстремистских сочинений. Руководство республиканского муфтията поспешило отказаться от своей причастности к этому факту.

В результате проникновения и распространения в России идей радикального ислама резко увеличилось число мусульман (преимущественно, из числа молодежи), придерживающихся фундаменталистских и экстремистских взглядов. Это обусловлено многими факторами. На встречах президентов республик и губернаторов регионов Поволжья с местными мусульманскими лидерами в последние годы постоянной стала тема противодействия

религиозному экстремизму. Так, 11 марта 2010 г. в Чебоксарах состоялась встреча полпреда Президента РФ в Приволжском федеральном округе Г.А. Рапоты и глав духовных управлений мусульман Поволжья. Главной темой этой очередной встречи стала проблема экстремизма. Среди причин усиления данной проблемы в регионе были названы: активность зарубежных радикально-экстремистских движений и организаций, которые дискредитируют российский ислам, создают угрозу раскола в рядах мусульман; религиозная непросвещенность людей; реальные недостатки, проблемы легальных мусульманских организаций Поволжья; недоработки и недостаточное внимание к исламу региональных и муниципальных органов власти. Для борьбы с экстремизмом необходимо возрождать и пропагандировать ценности «традиционного» для Поволжского региона ислама ханафитского мазхаба. Участники встречи в своих выступлениях отмечали, что во всех регионах Поволжья осуществляется более-менее конструктивное взаимодействие органов власти и исламских организаций в социальной сфере, в сфере культуры и образования, в молодежной политике.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2013 г., № 2, с. 19–24.*

Эльвира Майборода,
кандидат философских наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)
ПУТИ И СПОСОБЫ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ
ЭТНИЧНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Среди явлений, которые существенно повлияли на динамику этнополитических процессов на Северном Кавказе, необходимо выделить сменявшие друг друга на протяжении всего постсоветского периода процессы деполитизации и реполитизации этничности. Новая волна политизации этничности в середине и второй половине первого десятилетия XXI в. (реполитизация этничности после ее частичной деполитизации в первой половине десятилетия) активизировала дезинтеграционные тенденции в обществе и рост конфликтной готовности. «С весны и лета 2004 г. началась эскалация конфликтных процессов. В первую очередь это было характерно для Юга России, что означало расставание с иллюзией о том, что конфликты в регионе в основном в прошлом и необходимо переходить к постконфликтной реконструкции». В этих ус-

ловиях проблема взаимодействия этнических и политических процессов приобрела особую актуальность как в глобальных, так и в специфических условиях постсоветского пространства, особенно в регионах с выраженной этнонациональной институциализацией.

Резко возросший интерес к проблеме этничности и этнических отношений объясняется лавинообразным нарастанием количества этнических конфликтов в посткоммунистическом мире и некоторых других частях света. Кроме этого, исчезновение угрозы мировой ядерной войны, приковывавшей к себе общественное мнение и научный интерес в течение нескольких предшествующих десятилетий, дало дополнительный импульс к исследованию менее глобальных процессов, но играющих чрезвычайно важную роль в жизни миллионов людей. Начиная с 60–70-х годов XX в. в мировом масштабе наметилось стремление народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность бытовой культуры и психологического склада. У многих миллионов людей произошел «всплеск» этнической идентичности. Это явление затронуло население множества стран на всех континентах, общества разного типа и уровня развития – от традиционных до постиндустриальных. Вначале оно даже получило название этнического парадокса современности, так как долгое время многие ученые полагали, что тенденции глобализации, нарастающей унификации духовной и материальной культуры и развития личностного индивидуализма постепенно приведут к потере значения этнических факторов в жизни людей.

Этнический парадокс – результат политизации этничности, противоречивое социокультурное явление, сущность которого заключается в возрождении интереса к этнической истории, традициям, языку, особенностям культуры и быта на фоне углубляющейся интернационализации всех сторон общественной жизни. «Этничность во второй половине первого десятилетия XXI в. все активнее заявляет о себе на всем постсоветском пространстве и в глобальном масштабе. Конфликты с выраженным этническим компонентом случаются в тех регионах страны, где их не ожидали и где к ним не были готовы». В связи с этим необходимость выбора оптимальной парадигмы управления этнополитическими процессами (или создание новой) и поиск методов преодоления конфликтогенных ситуаций, адекватных сложной структуре и сущности этнополитических процессов, представляют собой задачи, актуальность которых очевидна. Одним из конфликтогенных факторов на Юге России выступает этническая идеология, основой

формирования которой выступают национальное самосознание, осознание самоценности определенной этнической общности. «Этническая идеология, как подчеркивают исследователи, начинается со знания тех процессов, которые представляют интерес для этой общности. С точки зрения этноидеологии, это не просто знание, без которого ее существование невозможно представить, это – оценочное знание, препарированное интересами этнической общности, которые руководствуются ею. На содержание этнической идеологии мощное влияние оказывают религиозные ценности. Кроме того, в этнической идеологии наряду с ценностями тесно переплетаются чувства и ожидания этнической общности». Таким образом, этническая идеология – это, с одной стороны, важный фактор этнической идентификации, форма обнаружения этнического самосознания и средство интеграции членов этноса в единую жизнеспособную целостность, существующую в конкретно-исторических условиях. С другой стороны, этническая идеология объединяет в себе идеи, которые в процессе политизации впитывают в себя из национального сознания и этнического самосознания этнократические мотивы и устремления. В результате этого этноидеология неизменно превращается в мощный конфликтогенный импульс и является прекрасной основой для возникновения межнациональных конфликтов и напряженности. Помимо этого в массовом этническом сознании происходит развитие этнограниценности, этноцентризма и даже этнофобии, что приводит к обострению межнациональных отношений.

Современный цикл реполитизации этничности начался после трагических событий весны-осени 2004 г. (серия террористических актов, начавшаяся убийством тогдашнего президента Чеченской Республики А. Кадырова; высшей точкой этой цепи стала бесланская трагедия в сентябре). Процесс реполитизации этничности продолжался в 2005–2007 гг. и свидетельствовал, что период относительной деполитизации этничности закончился. В это же время актуализировался целый блок конфликтогенных факторов. В частности, это высокий уровень готовности населения к организованным протестным действиям; милитаризация региона, связанная с наличием у значительной части населения оружия; нарастающая диспропорция финансово-экономического развития регионов тогда еще единого ЮФО, усиливающееся социально-экономическое неравенство территориальных образований в регионе; провокационная политика руководства Грузии и др. Некоторые эксперты высказали свою обеспокоенность положением молодежи Юга

России. Они отмечали, что стагнация экономики «заставляет» молодежь или уезжать за пределы региона, или примыкать к криминально-боевым структурам. Кроме этого, агрессивная и непродуманная политика федерального центра и региональных властей в отношении ваххабизма привела к тому, что это религиозное течение загоняется в подполье. Это вызывает сочувствие у части молодежи к ваххабизму, что усиливает конфликтную готовность в регионе.

В условиях реполитизации этничности конфликты с выраженным этническим компонентом случаются даже в тех регионах страны, где их не ожидали и где к ним не были готовы. Что касается Юга России, то этнополитические процессы и проблемы были в политической (представительство в органах власти, формы политического участия), социальной и духовно-культурной (образование, культура, язык, религия) сферах. Локальные межэтнические конфликты отличаются составом субъектов, в качестве которых выступают администрации муниципальных образований, представители местных силовых структур, формальные и неформальные этнические объединения. Как отмечает Г.С. Денисова, «в политическую деятельность активно включился еще один политический субъект – различные национальные общественно-политические организации и объединения, которые выступают с идеей отстаивания интересов не республик по отношению к центру, а этносов». «Разыгрывание» этнической «карты» было связано с ощущением неодинаковости реальных возможностей в области реализации социально-экономических прав (особенно права на землю) и попытками обеспечить большие возможности, скорее даже преференции, политическими методами.

Первоначально на фоне крупных региональных конфликтов, сопровождавшихся массовым насилием и даже военными действиями, такие конфликты не привлекали широкого внимания, о них почти не знали за пределами того региона, в котором они происходили. В настоящее время можно говорить о новом этапе регионального конфликтного процесса на Юге, главной чертой которого становятся блоковые конфликты. Под блоковым конфликтом понимается не межблоковый конфликт, выделяемый по субъектам-носителям (международные блоки, союзы и организации), а конфликт, выделяемый по механизму формирования и расширения. Именно этот тип конфликта приходит на смену локальным межэтническим конфликтам на Юге России.

Блоковый конфликт является разновидностью сложно-составного конфликта, модель которого разработана В.Н. Якимцом и Л.И. Никовской. В предлагаемой трактовке этого феномена акцент делается на наличие доминантой линии социального напряжения или социального раскола, на основе которой соединяются (блокируются) моноконфликты. Таковой доминантой в блоковых конфликтах на Юге России явилась возраставшая напряженность в межэтнических отношениях. Результатом процесса реполитизации этничности, характеризующегося резкой этнической политического пространства и ростом межэтнической напряженности, стала актуализация идеи так называемого «исторического приоритета». Уже в начале 90-х годов ХХ в. на Юге России «в среде национальной интеллигенции стали популярными различного рода работы, в которых обосновывалось “историческое право” того или иного этноса на свободное распоряжение природными и экономическими ресурсами на территории его проживания. Это “право” обосновывалось прежде всего “историческими” ссылками на то, что именно данный народ является самым древним, своего рода прародителем “кавказской цивилизации”, и поэтому “историческая справедливость” требует восстановления его “исくんных прав”, утраченных в результате экспансии либо со стороны России, либо соседних – “менее историчных” – народов».

В связи с этим исследователи отмечают, что в республиках Северного Кавказа сегодня вошло в жизнь поколение граждан, чьи представления об истории своего народа сложились на основе такого рода «концепций». Политизация этничности, выражаясь в идеологемах «исторического приоритета», оказывает огромное влияние на этническую идентификацию, особенно молодого поколения, и провоцирует национальную напряженность и межэтнические столкновения. Такого рода процессы, как отмечают исследователи, становятся «питательной средой» для развития национализма, ориентированного на отделение от Российской Федерации и создание национального государства, которое, по мнению радикально направленных ревнителей за «этническую чистоту нации», является единственным способом восстановления национальной и культурной идентичности. Подобные взгляды и идеология способствуют росту популярности сепаратистских идей, согласно которым «выход такого национального государства на международную арену при апелляции к мировому сообществу позволит “восстановить историческую справедливость”, и значит, оправдать территориальные и экономические притязания нацио-

нал-сепаратистов. В свою очередь, подобные притязания побуждают к аналогичным действиям и представителей русскоязычного населения, среди которого радикально-националистические взгляды становятся все более популярными».

В республиках Северного Кавказа такого рода идеологемы в большей или меньшей степени разделяются и правящими элитами, что оказывает серьезное влияние на характер взаимодействий между субъектами Федерации на Юге России. По сути дела, как отмечают специалисты, в регионе формируется своеобразная локальная geopolитическая модель межэтнического взаимодействия, основанная на сомнительных культурно-исторических приоритетах, которые в свою очередь служат обоснованием территориально-экономических и этнополитических притязаний. Все это способствует складыванию такой социально-экономической и этнополитической среды, в которой национал-сепаратизм получает общественную поддержку.

Некоторые специалисты считают, что политизации этничности и усилению напряженности в регионах способствует и распространение в научной среде таких понятий, как «коренные» и «титульные» народы. Так, Ж.Т. Тощенко пишет, что «губительность и непродуманность таких терминов, да еще поддержанных на официальном уровне, усугубляют ситуацию и в немалой степени подыгрывают устремлениям этнократических сил в стране. Именно эти путаница и невнятца, перенесенная в плоскость политики, практической политической и общественной деятельности привели к обострению взаимоотношений между представителями различных народов, перешли в ранг государственных акций, которые обернулись неоправданными обидами для нетитульных народов. А это в свою очередь способствовало росту этноэгоизма и этнофобии, появлению новых узлов напряжения, новых столкновений на этнической почве».

Этноцентризм и этноНигилизм – первоначальные формы перерождения и деформирования этнической идеологии. «Выступая на первых этапах своего возникновения и развития как альтернатива великодержавному выбору, этноцентризм, как отмечают эксперты, неотвратимо начинает воспроизводить родовые черты своего идейного противника. Это и авторитарная нетерпимость как оборотная сторона социального инфантилизма, и резкое сужение поля национальной самокритики, и монополия на патриотизм, и утрата демократической перспективы развития из-за перманентного оспаривания универсальности принципа свободы, и торжест-

во группового эгоизма, и потребность в харизматическом лидере, и провалы в архаику, и негативная характеристика другого как чужого... Этноидеологией в большей степени вооружаются экстремистские и радикальные националистические течения, для которых она сводится к гиперэтноидеологии, создавая изначально перекос в мировосприятии окружающего мира и происходящих в нем процессов».

Целям деполитизации этничности отвечают также задачи укрепления вертикали федеральной власти и стимулирование развития экономики в регионах с учетом государственной специфики. Конец 90-х годов прошлого столетия характеризуется такими процессами, как определенная деполитизация этничности, которая, хотя и сопровождалась политизацией религиозного (исламского) фактора, тем не менее была воспринята как признак если не завершения этноконфликтного процесса в регионе, то по крайне мере как окончание регионального этнополитического кризиса, перемещение этнических проблем и конфликтов из политической плоскости в плоскость межобщинного взаимодействия.

Однако уже в первом десятилетии нового тысячелетия прежние оценки были деформированы.

Во-первых, локальные конфликты вновь актуализировались с тенденцией повторного выхода на региональный уровень.

Во-вторых, на смену процессу деполитизации этничности, который создавал для федеральной и региональной власти возможность проективно перестроить национальную политику, пришел процесс реполитизации этничности. Новый этап политизированной этничности, начавшийся в середине первого десятилетия текущего века, в отличие от начала и середины 1990-х годов, характеризуется активным включением конфессионального фактора в этнополитические процессы в регионе.

Характеризуя динамику политического процесса на Северном Кавказе последнего десятилетия, можно с уверенностью утверждать, что распределение потенциала государственной власти в политическом пространстве регионов происходило неравномерно. Вследствие этого официальные лидеры регионального уровня были нацелены больше на деятельность внутри регионов, тогда как деятельность межреспубликанского и межрегионального уровней, направленная на интеграцию в единое российское политическое и экономическое пространство, воспринималась как враждебная. Такая ситуация создала условия для дестабилизации межэтнических и межконфессиональных отношений, прогрессирования эт-

нофобии и враждебности по отношению к другим народам. Основная причина неудач, которые терпят попытки укрепления вертикали федеральной власти в регионах, – «отсутствие внятной концепции модели и принципов построения российского государства. Что есть Россия и к чему она стремится – ясных ответов нет. Сохранит ли российское государство свою сложившуюся веками традиционную полиэтническую структуру, или победят силы, ведущие дело к разрушению страны? Под вопросом будущее России. К чему приведет реализация принципа “Россия – для русских” и каковы подлинные намерения адептов лозунга “Татарстан – это не Россия”? И те и другие говорят о возрождении».

Новая стратегия создания нескольких больших макрорегионов из нескольких субъектов Российской Федерации – одна из попыток укрепления вертикали власти в регионах. Ее основные цели – сделать огромное государство более управляемым и мобильным. Однако без учета этнических экономических и социальных факторов данная попытка обречена на провал: «Нынешняя реформа должна учитывать российский этнокультурный ландшафт. Структурное поглощение этнотитульных субъектов, пусть и с благой целью социально-экономического развития, означает фактическое стирание с карты Российской Федерации этносов так называемого второго порядка. Если это затронет не только малочисленные автохтонные этносы, но и крупные этнические общности, то нам не избежать раз渲ала страны.Monoэтническое национальное государство Россия невозможно по определению. Россия как нация-государство – это сочетание горизонтальной и вертикальной интеграции страны, где наша общность как нации важнее всех социокультурных и фенотипических различий. Однако строительство единой нации в настоящее время вряд ли возможно без укрепления обще-государственных, общенациональных институтов, обеспечивающих законность и правопорядок в обществе. И здесь нас поджидает другая ловушка – опасность перерастания полудемократии в недемократию. Нельзя строить нацию, не разбирая средств и методов». Немаловажное значение в процессе деполитизации этничности имеет и экономическая стабильность регионов. Спад экономики в северокавказских республиках способствовал эскалации межнационального напряжения, на фоне которой культивируемая «историческая избранность» отдельно взятой той или иной нации приобретала гипертрофированные черты и вела к этнизации экономики и дезинтеграции общегосударственного пространства. Причины этих процессов кроются в том, что после приобретения

независимости в начале 1990-х годов между республиками бывшего СССР были разорваны не только политические, но и экономические взаимоотношения, что непосредственно сказалось на национальных экономиках всех новых независимых государств.

Нарастающая динамика конфликтов на Юге России блокировала не только внутрирегиональную экономику, но и внешнеэкономические отношения, что не могло не сказаться на торговово-экономическом сотрудничестве стран Кавказского региона, в сфере которого наметилось явное ухудшение. Таким образом, улучшение экономического состояния регионов должно в немалой степени способствовать деполитизации этничности и укреплению вертикали федеральной власти. Однако планирование и реализация экономического развития на уровне региона могут стать эффективными лишь при учете его специфических условий и при формировании на основе системного подхода, учитывающего все социально-политические факторы, характеризующие региональный субъект. В первую очередь необходимо обращать внимание на такие факторы, нивелирующие экстремистскую этническую составляющую, как инвестиционная привлекательность и конкурентоспособность региона. Успешное планирование и реализация экономического развития на уровне региона являются целью грамотно организованного и эффективного регионального конфликт-менеджмента.

Сущность регионального конфликт-менеджмента заключается в проактивном управлении и предупреждении социально-экономических рисков, направленном на создание положительного политического и экономического имиджа (бренда) региона в государственном и мировом масштабах. Это особенно актуально для полигетничного СКФО, который обладает социокультурной гомогенностью и вместе с тем выраженным этнокультурным разнообразием. Положительный образ и привлекательный имидж Северного Кавказа крайне важны в системе общественно-политических отношений России, что неоднократно отмечалось первыми лицами политического истеблишмента российского общества. Инновационными направлениями такого социального роста в СКФО являются поиск и популяризация во внутрироссийском и международном масштабах эффективного бренда региона как территории безопасности, благополучия и социальных перспектив. Следовательно, региональный конфликт-менеджмент является неотъемлемой частью структуры стратегии социально-экономического развития региона.

Важной составляющей имиджа региона является региональный бренд. Бренд в основном связан с производимыми в регионе товарами и услугами. СКФО из-за отсутствия грамотного конфликт-менеджмента ассоциируется в массовом сознании не с инвестиционно-выгодным регионом, а с регионом, политически и социально нестабильным, и в оценке основных событий в СКФО преобладает негативный характер. Причиной негативизации имиджа СКФО является преобладание реактивного конфликт-менеджмента над проактивным, что ведет не к преодолению социально-экономической нестабильности, а к эскалации конфликтов,

имеющих разные основания. Проактивное управление конфликтами, в отличие от реактивного, относится к мерам, принимаемым до начала обострения конфликта, и является экономически более эффективным способом их урегулирования. После пересечения порога насилия динамика конфликтов становится не только более разрушительной, но и весьма дорогостоящей и трудной для трансформации, поэтому преимущества проактивного метода управления перед реактивным неоспоримы.

Одной из доминант конфликт-менеджмента применительно к Кавказскому региону, по словам М.А. Аствацатуровой, «является декларация того, что Кавказ и кавказцы – это не чуждый российскому сообществу “элемент”, а часть российского правового, политического, экономического и культурного пространства. Северный Кавказ является территорией общего исторического проживания русского населения, казачества, коренных народов Северного Кавказа, диаспор стран СНГ и Балтии, а также диаспор дальних зарубежных стран. Однако объективные процессы сотрудничества народов тем не менее ведут к обострению конкуренции в сферах занятости и собственности, в наибольшей степени она ощущается в области бизнеса, предпринимательства, услуг и торговли».

Каждый регион представлен в массовом сознании образом, наделенным уникальными характеристиками. Такие представления являются своего рода концентратом общественного мнения, позволяющим в критические минуты почти мгновенно принимать те или иные решения политикам, общественным деятелям, бизнесменам, административным служащим, маркетологам, СМИ. Подобная мысленная картина называется региональным имиджем. Иногда такая презентация излишне идеализирована, нередко изображена в сгущенных тонах, зачастую блекла и невыразитель-

на. Территория СКФО в целом изначально уникальна по своему историческому наследию, по географическому расположению, по значимости происходящих здесь экономических, политических, гуманитарных процессов.

Перспективное развитие СКФО зависит от правильного определения точек его роста, которые могут определяться конкурентными преимуществами. Конкурентные преимущества региона зависят от наличия и использования конкурентных ресурсов. Конкурентные ресурсы – это совокупность материальных и нематериальных элементов региона, которые обладают рыночной ценностью или способствуют привлечению внимания целевых инвесторов и потребителей к Кавказскому региону. Инвестиционно привлекательные ресурсы СКФО могут использоваться для создания конкурентного преимущества территории и достижения конкурентного успеха. Для реализации этих задач необходимо применение грамотного антисоциального менеджмента, позволяющего акцентировать конкурентоспособность региона, что возможно лишь при предупреждении развития конфликтов, имеющих социально-экономическую основу. Развитие экономического сектора региона, способствующее снижению количества безработных и повышению уровня жизни населения (что в немалой степени снижает и межэтническую напряженность), контроль над информационным аспектом создания позитивного образа региона – вот одни из основных составляющих регионального конфликт-менеджмента, наряду с адекватной системой правового регулирования межэтнической и межнациональной напряженности в Северо-Кавказском федеральном округе.

Региональные идеологии субъектов Российской Федерации на Юге России начали выстраиваться, с одной стороны, на общенациональной российской идеологии, а с другой – с учетом региональной специфики. Однако отсутствие целостной системы общенациональной идеологии привело к такому региональному идеологическому плюрализму, в котором отсутствуют общезначимые идеи и ценности. Поэтому формирование региональных идеологий на Юге России во многом еще носит стихийный характер или является произвольным идеологическим творчеством доминирующих в регионе политических элит.

В настоящее время региональные идеологии на Юге России занимают важное место в самоидентификации и в самоорганизации территориального сообщества, включая элиту, в ее взаимодействии с населением и федеральным центром. Существенное

значение приобретает идея о роли и развитии регионов как системное представление различных взглядов, выражающих коренные интересы больших социальных групп (народов, классов, общностей, социальных движений), как продукт самостоятельного регионального мышления и деятельности, как организующая основа российской государственности. Поскольку на сегодняшний день существуют реальные риски дестабилизации этнополитической и экономической обстановки в одном из geopolитически и экономически значимых регионов России, необходимо совершенствовать и применять региональный антконфликтологический менеджмент.

*«Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона»,
Ростов н/Д., 2012 г., с. 137–146.*

Андрей Баранов,
доктор политических наук
(Кубанский государственный университет)
**ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ:
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Актуальность темы вызвана тем, что исламские религиозные объединения – влиятельный актор политических процессов в современном Крыму. Особое внимание привлекают такие аспекты, как причины конфликтности, диспозиция и стратегии сторон конфликтов, взаимодействие внутриэтнических и внешних факторов конфликтности. Выявление конфликтогенного потенциала политизации ислама в Крыму важно для сравнительного анализа рисков национальной безопасности в постсоциалистических странах. Крым играет важную геополитическую роль в Черноморском трансграничном регионе, политico-конфессиональные процессы в Крыму влияют также на российский Северный Кавказ.

Методологическую основу исследования составляет конструктивизм. Это позволяет осмыслить конфессиональный конфликт как столкновение акторов политики в их стремлении осуществлять свои интересы, связанные с публичной властью, влиянием на государственную политику и статусом в общественной иерархии. Субъектом конфессионального конфликта выступает не сообщество верующих в целом, а лидеры и элиты религиозных организаций.

Они используют религиозные системы, их мировоззренческие, организационные и обрядовые принципы в своих прагматических интересах; конструируют политизированные мифы и установки деятельности. Политизированная, вовлеченная в конфликт часть верующих является проводником данного воздействия. Религия представляется средством этнополитической мобилизации и сплочения. Конфликт не фатален, его уровень развития и динамика зависят от соотношения политических ресурсов и степени целеустремленности акторов.

Крым всегда был полигетничным и многоконфессиональным. По переписи 2001 г. русские составляют 60,2% совокупного населения Автономной Республики Крым (АРК) и г. Севастополя, украинцы – 23,9, крымские татары – 10,2% (<http://2001.ukrcensus.gov.ua>. 04.03.2012). Темпы религиозного возрождения в Крыму значительно выше, чем по Украине в целом. Если в 1990 г. Крым занимал среди регионов предпоследнее (27-е) место по числу религиозных организаций, то в 2007 г. он переместился на 8-е место за счет исламских объединений (<http://www.comrelig/crimea-portal.gov.ua>. 04.03.2012). По сведениям Республиканского комитета АРК по делам религий, к 2008 г. органами власти зарегистрировано 1339 религиозных организаций, относящих себя к 48 конфессиям и направлениям. Из них 42,7% – организации Украинской православной церкви (УПЦ). В Крыму Украинская православная церковь Московского патриархата располагает 509 организациями, а УПЦ Киевского патриархата – 40. На 2-м месте находятся зарегистрированные мусульманские организации – 28,8% (во всей Украине – 4%). Они координируются Духовным управлением мусульман Крыма (ДУМК). С 1997 г. в АРК работает Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Альраид». Кроме того, свыше 600 исламских объединений действуют без регистрации. 3-е место занимают протестантские организации – 23% наименований. Немногочисленными объединениями представлены иудаизм, Армянская апостольская церковь, караимизм и др. (<http://old.crimea-portal.gov.ua>. 04.03.2012).

Наибольший интерес в конфликтологическом аспекте имеет исламское сообщество Крыма, сочетающее этнический и конфессиональный принципы идентификации, имеющее международную поддержку (<http://crimea24.info>. 04.03.2012). Ключевым вопросом повестки дня в конфликтах в Крыму выступает проблема политического статуса АРК и Севастополя. Спектр требований православных организаций – от повышения уровня автономии до феде-

рализации и в радикальном варианте – до присоединения Крыма к России. Напротив, татарские объединения стремятся к государственности «коренного народа», идеализируя исторический опыт Крымского ханства и Крымской АССР. Тактические интересы татарских и украинских организаций сейчас сходятся в желании ослабления русского движения.

На конфликт влияет неравномерность расселения народов, обостряющая конкуренцию за экономические ресурсы. Так, 245,9 тыс. крымских татар репатриировались в основном в степные и предгорные районы. В Белогорском, Бахчисарайском, Симферопольском, Кировском районах удельный вес татар составляет от 20 до 34%, а в Севастополе и Ялте – 0,7% жителей («Геополитика и экогеодинамика регионов», С., 2010, вып. 1, с. 73). Хотя количество сел с компактным проживанием татар до депортации восстановлено, активизируются самозахваты земель с целью закрепления привилегированного статуса. Они происходят в основном на Южном берегу Крыма, где татарская община малочисленна. По данным Республиканского комитета земельных отношений АРК, на 2005 г. репатрианты наделены индивидуальными участками на 113% нормы, а остальные жители – на 50% («Крымское время», С., 2006, № 16, 14 февр.). В итоге создан фонд земельных участков, используемый для перепродажи, слабо регулируемой законами. В ноябре-декабре 2012 г. конфликт активизировался. Поводом к нему стал снос неустановленными лицами самовольных построек татар вблизи с. Молодежное.

Межконфессиональная конфликтность выражается и в таких формах, как ослабление институтов медиации, попытка создать монопольное информационное пространство. С 1995 г. в Крыму действует Межконфессиональный координационный совет «Мир – дар Божий» с участием восьми религиозных объединений, в том числе УПЦ Московского патриархата и ДУМК. Совет выступает с регулярными миротворческими инициативами, служит формой диалога конфессий. Но в 2000 г. Духовное управление мусульман приостановило участие в данном органе, а в 2002 г. вошло в состав конкурирующей структуры – Крымского отделения Международной ассоциации религиозной свободы, в котором не представлены православные Московского патриархата. В итоге действий ДУМК межконфессиональные отношения ухудшились.

С 1990-х годов мусульманские общины поддерживают требования ликвидировать поклонные кресты на въезде в населенные пункты, а в ряде случаев их активисты при попустительстве вла-

стей разрушают христианские символы. Наибольший резонанс получило разрушение креста близ Феодосии в июне 2011 г. В восточных районах Крыма, где наиболее активно идет «крестоповал», русские реагируют на бездействие чиновников, создавая казачьи дружины. Они проводят «славянские антипicketы», чтобы предотвратить захваты земель и возникновение палаточных городков татар (Судак, Новый Свет, Партенит). В феодосийском случае «крестоповал» вызвал противодействие казачьих дружин и массовую драку. Задержаниям подверглись только 15 казаков, ответивших на провокацию, а не виновники (www.regnum.ru. 07.07.2011).

Другой метод – борьба вокруг возведения либо восстановления культовых зданий. Так, Милли меджлис и ДУМК претендовали на земли Успенского монастыря под Бахчисараем. Меджлис аргументировал протест против восстановления православных соборов тем, что они строятся на месте исламских святынь (с. Голубинка Бахчисарайского района, 2006 г.). Комиссия с участием конфессий нашла выход в переносе храма, а на спорном участкеозвели «памятник Согласию». В ноябре 2012 г. был совершен провокационный поджог строящейся соборной мечети в Симферополе.

Внутриконфессиональное измерение конфликта проявляется в противоречиях между исламскими организациями. Их радикализация началась с середины 1990-х годов, когда в Крыму проходили лечение сепаратисты из Чечни. Ядро экстремистов составляла организованная преступная группировка «Имдат», в 1995 г. организовавшая массовые беспорядки в районе Судака. Никто из ее лидеров не осужден. Группа продолжает нелегально действовать. В конце 1990-х годов под влиянием Саудовской Аравии и Турции быстро укрепилась сеть независимых от ДУМК сообществ во главе с молодыми имамами, получившими образование у зарубежных наставников. Полулегально действует партия «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия» как ответвление «Братьев-мусульман», призывающих к созданию Всемирного халифата. Она распространяет листовки салафитского содержания. ДУМК смешило с постов восемь имамов-радикалов и отчислило из медресе 11 слушателей, что привело к открытым конфликтам (2005). По мнению М. Джемилева, в Крыму в 2007 г. было 500–600 ваххабитов. Газета «Сегодня» оценивает их численность в несколько тысяч. Муфтий мусульман Крыма Э. Аблаев недоволен позицией органов власти, заявляя, что они «дали зеленый свет» исламистам и «ставят палки в колеса институциям традиционного ислама» («Этничность и

власть», М., 2010, с. 210). В 2009 г. Служба безопасности Украины в Симферопольском районе пресекла деятельность группировки «Ат Такфир валь Хиджра», готовившей теракты. Осенью 2012 г. происходит активизация партии «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия» в форме массовых митингов и пикетов протеста против фильма «Невинность мусульман». Так, митинг в Симферополе охранялся тренированными молодыми людьми, участники митинга открыто демонстрировали партийную символику.

Грань между религиозным экстремизмом и секулярным национализмом весьма тонка. К радикальному крылу относятся партия «Адалет» (лидеры – С. Керимов и Ф. Кубединов), формирующая отряды «национальной самообороны» и связанная с турецкими группировками «Серые волки» и «Нурджулар», а также «Сайт крымской молодежи». Они ориентированы на салафизм.

Умеренное течение представлено Национальным движением крымских татар (лидер – В. Абдураимов), которое отвергает экстремизм и в основном состоит из интеллигенции. Оппозицию меджлису составляют также Организация крымскотатарского национального движения, партия «Милли фирка» (лидер – Р. Аблаев). Но и они поддерживают проект постепенного мирного создания татарской государственности. Конкуренция группировок резко активизировалась начиная с 2011 г., но оппозиции не удалось сместить М. Джемилева с поста председателя меджлиса.

Декларируемый крымско-татарскими организациями статус противоречит законодательству Украины и АРК. Так, Положение о Меджлисе крымскотатарского народа и Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа 1992 г. ставят своей целью политическое самоопределение как реализацию права на создание национального суверенного государства. Председатель Милли меджлиса М. Джемилев считает контролируемый им Курултай законодательным органом: «...власти должны взаимодействовать с коренным народом только посредством законно избранных ими своих представительных органов» (www.interfax.com.ua. 04.03.2012). Судя по высказываниям Джемилева, меджлис имеет службу безопасности, намерен собирать налоги для формирования «национального бюджета». Это проект сепаратной государственности, близкий косовскому сценарию.

Законы Украины не предусматривают коллективных прав на территориальную автономию по этническому признаку, преимуществ «коренного народа». Представительство интересов обеспечивается путем квот в Верховной раде АРК, ее комиссиях и сове-

шательных органах (с 1994 г.); в Совете министров АРК (с 2002 г.). По итогам муниципальных выборов 2010 г. татарские организации контролируют 5% депутатов Верховной рады АРК и 13,1% депутатов районного уровня. В органах исполнительной власти Крыма, по заявлению председателя Совета министров АРК, татары составляли в 2010 г. 7%. Но с 2005 г. понижен статус Совета представителей крымско-татарского народа при Президенте Украины. Порядок его формирования и состав определяются с 2010 г. президентом страны. 11 из 19 членов органа не поддержаны Меджлисом, члены которого бойкотировали заседания Совета.

Насколько конфессиональный конфликт влияет на общественное мнение сообщества Крыма? Исследование, проведенное Центром им. А. Разумкова в АРК и Севастополе (октябрь-ноябрь 2008 г., N=6 891 человек, все этнические группы), доказало, что на 1-е место среди причин конфессиональных конфликтов крымчане ставят политические и национальные противоречия (26,2%), столкновение экономических интересов (25,2%).

Производными выглядят религиозный фанатизм и нетерпимость (10,3% ответов), предвзятое отношение власти к различным религиозным организациям (8,5%). Ответственность за межконфессиональные конфликты респонденты возлагают на представителей зарубежных политических и общественных структур (2,68 балла из 5), зарубежные религиозные центры (2,47), рядовых участников конфликтов (2,14), руководителей религиозных организаций Крыма (2,13), органы власти АРК (2,06) и Украины (2,02) (www.razumkov.org.ua. 29.05.2011). Готовность лично участвовать в конфликтах, тем более в насильственных формах, низка. Но сформировался стойкий конфликт идентичностей. По опросу, проведенному Институтом социальных исследований и Украинским независимым центром политических исследований в августе 2007 г., 24,7% татарской молодежи 17–36 лет уверены в том, что наилучшее будущее – независимое государство крымских татар. А через 20 лет такой статус считают реальным 50%. Опрос татар, проведенный Таврическим национальным университетом (N=600, ноябрь-декабрь 2008 г.), выявил поддержку сотрудничества конфессий, если оно не нарушает религиозные нормы и чувства (74%). Уровень критики органов государства не связан с уровнем религиозности. Треть опрошенных не осуждают «нетрадиционные» течения в исламе, что представляет собой конфликтогенный фактор (Муратова Э.С. «Крымские мусульмане: Взгляд изнутри», С., 2009).

Итак, в современном Крыму конфессиональный конфликт, вызванный политизацией ислама, носит сложносоставной и блоковый характер. Он преимущественно латентен по формам выражения, «отложен на будущее». Но радикально-исламистский проект способен дестабилизировать баланс этноконфессиональных интересов. Важно подчеркнуть, что в Крыму развивается не просто этноконфессиональный конфликт «по горизонтали» – между группами населения, а сложносоставной блоковый конфликт. В нем активную роль играют органы государственной власти, элиты Украины и региона. Одновременно развиваются внутренние конфликты в религиозных сообществах. Эффективное регулирование конфликта станет возможным на основе целенаправленной политики интеграции крымских татар в секулярное государство, строительства механизмов консociативной демократии.

«Власть», М., 2013 г., № 4, с. 197–201.

**Станислав Чернявский,
историк
АЗЕРБАЙДЖАН: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ИСЛАМСКИМ МИРОМ –
ПРАГМАТИЗМ И СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ**

Внешнеполитический курс Азербайджана в период президентства Ильхама Алиева отличается системностью и стратегической выверенностью принимаемых решений, прагматизмом и сбалансированностью. Весьма важно, что демагогия и популизм во внешней политике практически отсутствуют или сведены до минимума. В отношениях со своими партнерами Азербайджан активно использует особенности своего геополитического положения и исторического развития. Азербайджанская нация похожа на мозаику, состоящую из разных исторических и культурных сегментов. Во-первых, Азербайджан – постсоветская страна, во-вторых, южно-кавказская. Географически является частью не только Европы, но и Большого Ближнего Востока. Государство светское, хотя господствующей религией является ислам. Наконец, Азербайджан – многонациональное государство, которое оберегает свою многоликость в отличие от соседних Армении и Грузии, стремящихся к насильтственному созданию моноэтнических обществ.

Традиционная толерантность азербайджанцев не означает их согласия на импорт радикальной идеологии религиозного или иного характера. Особенно это заметно во взаимоотношениях Азербайджана с исламским миром, и в первую очередь с Турцией и Ираном. Приветствуя сближение с этими государствами и расширение возможности торгово-экономического взаимодействия, руководство страны не выходит за строгие рамки Конституции и не впадает в крайности исламского радикализма или исламофобии. Любые проявления экстремизма оперативно и жестко пресекаются.

Отношения с Турцией носят характер реального стратегического партнерства, включая военную составляющую. Заключенный 16 августа 2010 г. «Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджаном и Турцией» предусматривает конкретные действия сторон по военной взаимопомощи. Статья 2 документа гласит, что в случае вооруженной атаки или агрессии третьего государства или группы государств каждая из сторон окажет другой помощь с использованием всех возможностей. Статья 3 предусматривает тесное сотрудничество в оборонной и военно-технической политике. Предусмотрены также совместные действия по устранению угроз и вызовов национальной безопасности. В соответствии с совместным заявлением, принятым президентами и ратифицированным парламентами, создан двусторонний Совет стратегического сотрудничества высокого уровня.

Торгово-экономические и транспортные связи развиваются по восходящей линии. Вопреки скептическим прогнозам успешно реализованы проекты стратегического нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (мощность 50 млн. т в год с перспективой расширения); газопровода Баку–Эрзерум. Идут работы по соединению железнодорожных путей посредством нового строительства, а также реконструкции линии Баку–Тбилиси–Каре. В стадии разработки проекты ITGI (Турция–Греция–Италия), Trans-Anatolia Gas Pipeline (TANAP) Трансадриатический газопровод и Nabucco.

Турция делит первое–второе места с Россией в импорте Азербайджана, является первым зарубежным инвестором в ненефтяной сектор его экономики. Многие тысячи турецких бизнесменов открыли свои малые и средние предприятия. В свою очередь, Азербайджан, используя солидные финансовые ресурсы, все чаще выступает в качестве крупного инвестора на территории Турции посредством Государственной нефтяной компании Азербайджана (SOCAR). Достаточно и частных азербайджанских инвестиций.

Ввиду нерешенности проблемы Нагорного Карабаха Баку так и не пошел на признание Республики Северный Кипр. Обращает на себя внимание, как по мере ухудшения отношений Турции с Израилем Азербайджан и Казахстан становятся привилегированными союзниками Тель-Авива среди мусульманских стран. Наконец, Азербайджан в отличие от той же Грузии не форсирует вопрос интеграции в НАТО, важным членом которой является Турция.

Настоящим испытанием на прочность азербайджано-турецкого партнерства стало подписание в 2010 г. Цюрихских протоколов, предполагающих нормализацию отношений Турции и Армении. США, выступившие в роли вдохновителя и спонсора этих документов, так и не убедили азербайджанское руководство, что процесс нормализации армяно-турецких отношений и карабахское урегулирование могут протекать раздельно. Баку настоял на своем. Анкара заявила, что границы с Арменией откроются лишь после того, как армянские силы приступят к освобождению оккупированных азербайджанских территорий. Общественное мнение Турции также приняло сторону Азербайджана.

Приведенные выше расхождения интересов Турции и Азербайджана, некоторые трудности во взаимоотношениях руководителей не могут поколебать стратегического партнерства этих государств, фундамент которого составляют этническая и религиозная близость, чувство единения, связующие народы. По данным социологического опроса, проведенного в текущем году Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETA), с явной симпатией жители Турции относятся не к союзникам по НАТО, а к азербайджанцам, которым доверяют 82% опрошенных. Аналогичное отношение наблюдается и в Азербайджане. Согласно данным мониторинга общественного мнения, который на протяжении многих лет регулярно проводится социологической службой Puls-R, от 80 до 90% респондентов называют Турцию самой дружественной Азербайджану страной.

11 сентября 2012 г. в азербайджанском г. Габала состоялось очередное заседание Совета стратегического сотрудничества двух стран. Выступая по его итогам перед журналистами, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган и президент Ильхам Алиев подчеркнули наличие политической воли в укреплении взаимодействия как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Премьер-министр Турции отметил, что сегодня предпринимаются ускоренные шаги по соединению железных дорог Азер-

байджана и Турции посредством создания железной дороги между Нахчываном и Игдыром. В качестве позитивного примера в экономике Эрдоган упомянул о том, что десять лет назад объем внешней торговли между странами составлял 1 млрд. долл. США, а сегодня он превысил 3,5 млрд. долл. США. Только за семь месяцев 2012 г. товарооборот между Азербайджаном и Турцией составил 2,7 млрд. долл. США.

Турецкий премьер подчеркнул, что сегодня мир видит растущий, развивающийся Азербайджан. По его словам, пока две братские страны будут держаться вместе, Азербайджан и Турция смогут достичь больших успехов. «Перед нами нет каких-либо препятствий. Мы можем предпринимать шаги в любой сфере. В недавнем прошлом мы с президентом Ильхамом Алиевым подписали документы по проекту ТАНАР. Сегодня процесс уже идет, и в кратчайшие сроки он начнет работу. С каждым днем во мне растет вера в то, что данное наше сотрудничество вызовет пристальный интерес всего мира. Наряду с этим у нас есть проект TASMUS, который важен с точки зрения совместной деятельности в оборонной промышленности и электронных коммуникациях. В настоящее время высшие чины соответствующих структур проводят серьезную работу по этому поводу», – продолжил премьер-министр Турции.

Касаясь вопроса о возможности открытия армяно-турецкой границы, Р. Эрдоган отметил, что границы не будут открыты, пока стороны, и в первую очередь Минская группа ОБСЕ, не найдут решения армяно-азербайджанскому, нагорно-карабахскому конфликту. «Мы всегда об этом говорили. Мы не можем пойти на этот шаг. Наши шаги зависят от вывода вооруженных сил Армении с оккупированных азербайджанских территорий. Международное сообщество признает эти земли за Азербайджаном, но не возвращает эту территорию ему – законному владельцу. И в этом вопросе Турция всегда будет рядом с Азербайджаном», – подчеркнул премьер-министр Турции.

В военной области продолжаются проекты по переоснащению и переустройству азербайджанской армии по стандартам НАТО, где Турция играет важную роль. В энергетической области, которую Эрдоган назвал вершиной отношений, полным ходом идет реализация трубопроводных и нефтехимических проектов мирового масштаба. И наконец, в вопросе карабахского конфликта проявляется более жесткая позиция Турции. Эрдоган обозначил

как условие нормализации армяно-турецких отношений восстановление юрисдикции Азербайджана над Карабахом.

В последнее время в политическом диалоге двух стран на первый план выдвинулись сирийская и иранская проблематика, региональная безопасность, внутриполитическая ситуация в Азербайджане и Турции, связанные с предстоящими президентскими выборами в обеих странах. В культурном направлении в рамках проекта «Тюркской» более активно стали продвигаться проекты по формированию единого культурного тюркского пространства от Анатолии до границ Центральной Азии и Китая.

Анкара и Баку – наиболее активные проводники политики сближения и интеграции тюркских государств и народов. Азербайджан принимает активное участие в деятельности учрежденных по инициативе Турции и под ее патронажем экономических и гуманитарных организаций. В том числе в Организации экономического сотрудничества и в Международной организации тюркской культуры (ТИЮРКСОЙ). Азербайджанская сторона стремится использовать возможности этих организаций для подтверждения своей центральной роли в транспортной структуре региона и интегратора гуманитарного сотрудничества. В Баку не без основания полагают, что общность истории, обычая и традиций стран – партнеров ОЭС создают объективные предпосылки для укрепления их регионального сотрудничества. Экономический потенциал ОЭС стремительно растет, развивается транспортная инфраструктура. Открытие транспортных коридоров Восток–Запад и Север–Юг повышает эффективность использования уже построенных в Азербайджане и находящихся в стадии строительства объектов для обеспечения транзитных перевозок. Поэтому Азербайджан заинтересован в функционировании транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия и готов как транзитная страна предоставить свою транспортную инфраструктуру для дружественных стран ОЭС.

Одним из важных мероприятий, состоявшихся в 2012 г. в Азербайджане, был XII саммит Организации экономического сотрудничества, в котором приняли участие президенты Азербайджана, Ирана, Пакистана, Афганистана и Таджикистана, премьер-министр Турции, а также высокопоставленные представители других стран-членов.

В период представительства в ОЭС Азербайджан придавал большое значение развитию многосторонних региональных связей и двустороннего сотрудничества со странами-членами, с этой

целью подписал десять договоров с представленными в структуре государствами. Выступая на саммите, президент Ильхам Алиев подчеркнул, что Азербайджан и впредь будет вносить свой вклад в развитие регионального сотрудничества в рамках организации и укреплении связей между странами-членами. Избрание Азербайджана на саммите председателем ОЭС еще больше повысило значение этой организации для стран-членов. Президент Ильхам Алиев отметил, что важное географическое положение Азербайджана, вложенные в экономику страны инвестиции, развитие в соответствии с мировыми стандартами транспортной инфраструктуры, представляющей стратегическое значение, способствуют тому, чтобы в ближайшем будущем Азербайджан превратился в региональный центр в транспортном секторе.

Что касается участия в ТЮРКСОЙ, то и здесь Азербайджан занимает активную позицию, нацеленную на конкретные меры по организационному укреплению структуры. Накануне саммита 2009 г. в Нахчыване в Баку состоялось первое пленарное заседание Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТюркПА), созданной по инициативе Азербайджана. В Баку создан Генеральный секретариат ТюркПА. Одновременно азербайджанская сторона выдвинула инициативу создания Фонда ТЮРКСОЙ и оказала ему необходимую материальную поддержку.

«Тюркский мир велик, – отметил в своей речи на X саммите глав государств тюркоязычных стран президент Ильхам Алиев. – Нас объединяют не только географические координаты. Нас объединяют отношения между нами, наше братство, общее прошлое и настоящее. Сегодня такие страны, как Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан, в свою очередь, усиливают Турцию, так же, как великая и могучая Турция усиливает нас. Наша сила в единстве. Мы должны стараться еще больше укрепить это единство во всех областях».

Отношения Азербайджана с другим, не менее важным, чем Турция, соседом – Исламской Республикой Иран – находятся в состоянии «холодной войны» или, как говорят некоторые эксперты, «негативного нейтралитета». На протяжении последних 10–15 лет оба шиитских государства относятся друг к другу с недоверием. И тому есть причины. Во-первых, это связано с наличием некоторых объективных факторов, исторически осложняющих взаимоотношения между двумя странами. В Иране проживают не менее 22–30 млн. азербайджанцев. Это – крупнейшее «этническое меньшинство», широко представленное как во властных, так и в

финансовых структурах. С учетом того, что после окончания Второй мировой войны СССР предпринимал неудачную попытку отколоть Южный Азербайджан от Ирана, в Тегеране и поныне подозревают Баку в попытках использовать национальную карту для «создания пятой колонны» и свержения существующего режима. Со своей стороны, иранцы поддерживают исламских радикалов в Азербайджане, что нередко приводит к арестам их лидеров.

Так, в 2011 г. правоохранительные органы арестовали руководителя и семерых активистов Исламской партии Азербайджана, а в марте 2012 г. – 22 человека, обвиненных в шпионаже в пользу Ирана и попытке организовать террористические акты против иностранных посольств в Баку. В ответ иранские власти арестовали двух азербайджанских поэтов, находившихся в Тегеране по частному приглашению, обвинив их в шпионаже в пользу Израиля. После этих арестов МИД Азербайджана выступил с официальным заявлением, предостерегающим азербайджанских граждан от поездок в Иран. Одновременно была отозвана лицензия у местного банка, работающего с Ираном, по подозрению в отмывании денег.

Радикальных иранских исламистов раздражает светский характер Азербайджана, который является моделью социально-политического развития не только для южных азербайджанцев, но и для других национальностей Ирана. Азербайджанская музыка, фильмы, образ жизни рассматриваются как опасное проявление «мягкой силы». Ежегодно не менее 40 тыс. иранцев пересекают границу во время праздников, чтобы повеселиться в светском государстве. Проведение в мае 2012 г. песенного конкурса «Евровидение» в Баку вызвало бурю протестов официальных лиц Тегерана. Иранский посол демонстративно покинул Баку на время проведения Евровидения.

Вторым постоянно присутствующим негативным фактором является дружественная позиция Ирана в отношении Армении. Отношения между Ираном и Арменией всегда отличались добрососедством и взаимной симпатией. В разгар конфликта в Нагорном Карабахе именно из Ирана в Армению поступали медикаменты, продовольствие, горючее. Иранцы несколько раз пытались создать совместные предприятия с Арменией в Нагорном Карабахе и прекращали это только после решительных протестов со стороны Азербайджана.

Обе страны объединены не только географической близостью, но и многовековыми историческими связями и культурными традициями. У Ирана нет территориальных претензий к Армении, а

существование довольно многочисленной армянской диаспоры всегда способствовало укреплению связей между этими странами как на общественном, так и на политическом уровнях. В Иране проживают приблизительно 120 тыс. этнических армян, они представлены в парламенте страны и имеют право свободно, без всяких ограничений, исповедовать собственную религию. Армянские церкви охраняются законом, а армянская святыня – «Комплекс Святого Фаддея» – внесен в список международного культурного наследия ЮНЕСКО. В Армении учится около 3 тыс. иранских студентов. Систематический характер носят визиты иранских туристов, и иранцы признают этот факт проявлением дружбы и уважения.

Из-за территориальных претензий у Армении, которая граничит с четырьмя государствами, закрыты границы с двумя из них – с Турцией и Азербайджаном. Поддержка санкций против Ирана привела бы к аналогичным результатам (Ереван прекрасно осознает жесткую политику иранских лидеров, которые обязательно пойдут на подобный шаг в случае, если Армения откажется от сотрудничества с Тегераном), что стало бы для страны как для крупнейшего импортера иранских энергоносителей равносильно смертному приговору. А для Ирана укрепление торгово-экономических и политических отношений с Арменией, кроме чисто финансовых соображений, служит также определенным геополитическим интересам. В частности, в случае усиления военной угрозы Иран в лице Армении будет иметь дружественного соседа и более или менее надежный тыл.

Усиление напряженности вокруг Ирана, экономические санкции и эмбарго на поставки нефти не мешают Еревану укреплять связи с этой страной. Несмотря на тесное сотрудничество с Западом, Ереван не собирается рвать связи с Тегераном, так как у него просто не остается другого выхода. В случае дальнейшей эскалации обстановки вокруг Ирана будущее энергоснабжения Армении представляется в довольно мрачных тонах. Под угрозой оказывается строительство линии электропередачи в 500 МВт (стоимость проекта составляет 110 млн. долл. США) из Ирана в Армению, а также строительство крупнейшей на Южном Кавказе гидроэлектростанции на реке Араз, стоимость которой превышает 500 млн. долл. США, не говоря уже о тех энергоносителях, благодаря которым на сегодняшний день существует Армения. С декабря 2006 г. Армения снабжается иранским газом по газопроводу из Ирана (45% акций принадлежит «Газпрому», 45% – правительству

Армении и 10% – компании «Итера»), в 2014 г. планируется запустить второй газопровод.

Третьей «занозой» азербайджано-иранских отношений является активное привлечение Азербайджаном иностранных компаний для разработки месторождений Каспийского шельфа. В 2001 г. иранские военные катера вынудили азербайджанское геофизическое судно покинуть место проведения сейсморазведочных работ на спорном, по мнению иранцев, нефтяном месторождении. Иранские самолеты начали нарушать воздушное пространство Азербайджана и делали это вплоть до тех пор, пока турки не провели совместно с азербайджанцами показательные учения над Каспийским морем. В феврале 2012 г. появились сообщения о закупке Азербайджаном новейшего израильского вооружения, в том числе беспилотных летательных аппаратов, а в сентябре азербайджанская пограничная служба провела военно-морские учения на Каспии «Хазар-2012», в которых приняли участие 1200 морских пехотинцев, 21 корабль, 20 катеров и восемь вертолетов. Учения вызвали серьезную обеспокоенность в Тегеране.

Заместитель руководителя Администрации Президента Азербайджанской Республики, посол Новруз Мамедов считает, что на азербайджано-иранские отношения нередко воздействуют различного рода преднамеренные исламофобские измышления, нацеленные на то, чтобы поссорить двух соседей: «В последнее время геополитическая ситуация в нашем регионе складывается крайне сложно. Отношения между Ираном и Западом обострены, в отношении этой страны предпринимаются санкции и создана антииранская коалиция. В таких условиях в борьбе пытаются использовать страны региона. Позиция Азербайджана в данном вопросе однозначна – на уровне руководства заявлено, что Азербайджан не позволит размещения военных сил какой-либо страны на своей территории или вести какие-либо боевые операции против Ирана со своей территории. Иран и Азербайджан являются дружественными, соседними странами, связи которых опираются на глубокие исторические корни. Благополучие этих отношений не соответствует интересам некоторых сил».

Принимая в Баку 13 августа 2012 г. по случаю священного месяца Рамазан послов и руководителей дипломатических представительств мусульманских стран, президент Ильхам Алиев призвал их совместной борьбой ответить на умышленно распространяемые слухи об исламе, на попытки увязать ислам с террором: «Мы отстаиваем позицию мусульманских стран во всех междуна-

родных организациях, и эта взаимная поддержка еще больше усиливает нас. Позитивная оценка Организацией исламского сотрудничества идущих в Азербайджане процессов нас еще больше воодушевляет. Исламские ценности дороги для нас. В основе наших национальных ценностей лежат исламские ценности. Разумеется, мы должны стремиться к тому, чтобы весь мусульманский мир сплотился еще теснее, были решены стоящие перед нами проблемы, чтобы в будущем мы могли оказывать друг другу еще большую поддержку. Мы хотим, чтобы во всех мусульманских странах были мир и спокойствие, не проливалась кровь, не было гражданской войны».

Участие Азербайджана в общественно-политических процессах исламского мира реализуется как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Подчеркнуто светский характер государственного развития не исключает тесного сотрудничества с ведущей международной структурой исламских стран – Организацией исламского сотрудничества (до 2011 г. – Организация Исламская конференция). Организация исламского сотрудничества (ОИС) объединяет 57 государств. Она осуществляет плодотворную деятельность в процессе решения проблем, с которыми сталкиваются государства-участники, вносит свой вклад в утверждение взаимопонимания с другими государствами и международными организациями. С начала своего создания ОИС оказывает ощущимое влияние на решение различных проблем современного мира и принимает участие в устраниении конфликтов.

Начиная с момента вступления в ОИС в 1991 г. Азербайджан активно использует ее возможности для решения собственных внешнеполитических задач. ОИС стала первой международной организацией, признавшей и критиковавшей Армению как агрессора. Приняты в том числе резолюции «Агрессия Республики Армения против Азербайджанской Республики», «Оказание экономической помощи Азербайджану», а также «Уничтожение и разрушение памятников исламской истории и культуры на захваченных в результате агрессии со стороны Республики Армения территориях Азербайджанской Республики». На 37-й сессии Совета министров иностранных дел ОИС подписано Соглашение о размещении в Азербайджане регионального офиса Молодежного форума Исламская конференция, кроме того, в Баку состоялось ежегодное собрание Совета директоров Исламского банка развития.

Анализируя внешнеполитический курс Азербайджана в 2003–2013 гг., можно с полным основанием утверждать, что, бу-

дучи логическим продолжением многосторонней стратегии Гейдара Алиева, он претерпел определенные изменения. Основным фактором, позитивно отразившимся на внешней политике, является укрепление азербайджанской государственности. Внутриполитическая стабильность, умелое сочетание политических и экономических реформ, использование национальной созидательности и растущих нефтяных доходов сплотили азербайджанское общество, способствуя ускоренной модернизации страны.

Сказались, разумеется, и заметно возросшее экономическое могущество страны, ее вовлеченность в такие глобальные проблемы, как энергетическая безопасность, транспортная инфраструктура стратегически важного региона. Азербайджан стал бесспорным лидером государств Южного Кавказа. Азербайджан – активный субъект мирового сообщества. В настоящее время в зарубежных странах действуют 74 дипломатических представительства и консульства, в том числе 55 посольств, девять генеральных консульств и пять почетных консульств. В Баку аккредитовано 53 посольства зарубежных стран, три генеральных консульства, 12 почетных консульств и 20 представительств международных организаций. При пяти международных организациях функционируют постоянные представительства Азербайджана. Общее число дипломатов, работающих за рубежом, составляет около 600 человек. Количество посольств и дипломатических представительств Азербайджана за рубежом – 87. Министром иностранных дел Азербайджана со 2 апреля 2004 г. является профессиональный дипломат Эльмар Мамедъяров.

В соответствии с Конституцией внешняя политика Азербайджана определяется и направляется лично президентом, который вносит предложения в Милли Меджлис об учреждении дипломатических представительств в иностранных государствах и при международных организациях; назначает и отзывает азербайджанских послов в иностранных государствах и представителей при международных организациях; принимает верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей иностранных государств; заключает межправительственные договоры; представляет в Милли Меджлис для ратификации и денонсации межгосударственные договоры; подписывает указы об утверждении международных договоров (ст. 109).

В реальной практике функции президента значительно шире. Именно он определяет внешнеполитическую стратегию страны, которая сегодня выстраивается с учетом общенациональных инте-

ресурсов, в соответствии с конкретными реалиями и нормами международного права. Основу внешней политики страны составляют добрососедство, принципы мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела других государств, взаимовыгодное сотрудничество. Внешнеполитические принципы Азербайджанского государства опираются на принятые всеми государствами нормы, на Устав ООН, принципы ОБСЕ, которые отвергают войну, применение силы в решении межгосударственных и международных споров. Связи республики с другими государствами, международными и региональными организациями строятся на основе взаимных обязательств, ответственности и готовности к сотрудничеству во имя всеобщей безопасности.

Основным государственным институтом, координирующим и реализующим внешнеполитическую деятельность, является Министерство иностранных дел. Выступая 6 марта 1998 г. на встрече с коллективом МИД, президент Азербайджана Гейдар Алиев так определил задачи ведомства: «Согласно Конституции Азербайджана, Министерство иностранных дел является министерством, подчиняющимся непосредственно президенту и действующим под его непосредственным руководством. Внешняя политика Азербайджана также определяется и направляется президентом. Стrатегические направления внешней политики, отдельные ее области постоянно формируются президентом Азербайджана, и каждое мероприятие для ее осуществления постоянно находится под контролем. С одной стороны, задачей Министерства иностранных дел является исполнение внешней политики государства, президента. Наряду с этим она состоит в том, чтобы для успешного претворения в жизнь внешней политики своевременно готовить и представлять мероприятия, проявлять инициативу, правильно, объективно анализировать положение Азербайджана на международной арене, подводить итоги работы, проводимой в области внешней политики, и на основе этого готовить предложения и представлять их государству, президенту. Таким образом, Министерство иностранных дел несет исполнительные функции по осуществлению определенной политической линии, стратегического пути, и в то же время должно всегда проявлять инициативу, выдвигать предложения и энергично вести свою работу во имя постоянного совершенствования внешней политики для проведения мер, направленных на то, чтобы предпринимать необходимые шаги на каждом этапе в связи с процессами, происходящими в мире».

Президент Ильхам Алиев регулярно встречается с главами азербайджанских дипломатических представительств в зарубежных странах и сотрудниками Центрального аппарата МИД. В ходе бесед он подчеркивает, что «послы – это профессиональные дипломаты. Среди них достаточно много молодежи, есть и опытные дипломаты. Они хорошо осознают свой служебный долг и, считаю, в целом хорошо исполняют его. Стоящие перед послами обязанности известны и понятны. Но жизнь стремительно развивается, международные отношения изменяются, и на международной арене возникают новые вопросы, новые вызовы. Мы должны регулярно вносить определенные поправки в нашу внешнюю политику, но и одновременно учитывать, что наш стратегический курс остается неизменным».

На традиционных встречах с президентом ставятся конкретные задачи, идет обмен мнениями по широкому кругу вопросов. Главной задачей азербайджанской дипломатии на данном этапе президент считает усиление информационно-пропагандистской работы. Он подчеркивает, что работающие за рубежом дипломаты должны быть более активны в деле урегулирования армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта. Они должны более полно доводить суть данного вопроса до официальных кругов и общественности стран, в которых они работают. На всех мероприятиях, кстати или некстати, данный вопрос должен постоянно находиться в центре внимания и доводиться до официальных кругов, парламентов различных стран, общественности. Послы должны на всех международных мероприятиях, конференциях, общественных мероприятиях затрагивать в первую очередь вопрос об урегулировании нагорно-карабахского конфликта. «Нам необходимо перейти в информационное наступление. В ряде случаев нас обвиняют в том, что Азербайджан в этом смысле ведет себя очень агрессивно. Возможно, но наша агрессивность пока проявляется лишь в информационной сфере. Иного пути у нас нет. Все должны увидеть, кто – агрессор, а кто – жертва агрессии. Следует шире распространять информацию об одной из самых тяжелых для Азербайджана проблем – положении беженцев и вынужденных переселенцев. За рубежом нет достаточной информации по этому вопросу. Об этом знаем мы и находящиеся с нами в тесной связи круги и структуры. А вот широкой международной общественности не известно об этом. Это – наша ошибка, наш просчет... Представьте себе, насколько интенсивнее бы прогрессировал Азербайджан, если бы данный вопрос нашел свое решение. Сколь-

ко бы новых возможностей появилось, сколько иностранных инвесторов с еще большей уверенностью работали бы в Азербайджане. Поэтому всем послам и работникам посольств следует проявить еще большую активность в его решении».

По мнению руководства страны, информация об Азербайджане в мировом сообществе крайне поверхностна, он представляется лишь как нефтяная страна или как одна из сторон армяно-азербайджанского конфликта, но у Азербайджана древняя история, богатое культурное наследие. Необходимо использовать все возможности для проведения в Баку мероприятий международного масштаба. С одной стороны, проведение самого мероприятия будет свидетельствовать о растущей роли Азербайджана. С другой стороны, создаст возможность зарубежным представителям своими глазами увидеть то, что происходит. Азербайджан – стремительно развивающаяся страна, занимающая твердые позиции на международной арене. В стране осуществляются крупные проекты мирового значения, находят свое решение социальные вопросы. Важно, чтобы зарубежные средства массовой информации получали больше информации об этих реалиях.

Не менее важное место в кругу задач, поставленных президентом перед дипломатами, занимает вопрос о работе с соотечественниками, более активном подключении зарубежной диаспоры, использовании ее влияния в странах пребывания. Посольства, указывает президент, должны поддерживать тесную связь с Государственным комитетом по работе с азербайджанцами, живущими в зарубежных странах, привлекать местные возможности диаспоральных организаций для разъяснения и поддержки внешнеполитических акций Азербайджанского государства. Основная задача экономической дипломатии, обслуживающей энергетическую политику, состоит в обеспечении благоприятной атмосферы, отвечающей растущему авторитету страны на региональной и международной аренах и национальным интересам, а также рассчитанной на динамичное развитие Азербайджанской Республики. Послы должны способствовать росту интереса деловых кругов к различным, в первую очередь ненефтяным, отраслям экономики страны, привлекать инвестиции, а также помогать руководству стимулировать деятельность азербайджанских компаний за рубежом. Азербайджанские компании – и государственные, и частные – должны выйти на внешние рынки в качестве инвесторов, подрядчиков и контрактантов. Поскольку экономическое направление является

относительно новым, посты должны уделять этому особое внимание.

Необходимо повысить уровень работы с международными неправительственными организациями. В Азербайджане предприняты большие шаги в деле развития демократии. Находят свое решение вопросы, связанные с Советом Европы. Решаются социальные вопросы, несмотря на то что финансовые возможности ограничены. Из Нефтяного фонда Азербайджана выделяются крупные средства для размещения беженцев, вынужденных переселенцев, улучшения уровня их жизни. Растет минимальная заработка. Увеличивается заработка лиц, работающих в финансируемых из бюджета организациях. Об этих процессах должна быть информирована мировая общественность. «Посольствами должны устанавливаться дружественные, рабочие отношения с неправительственными организациями, поскольку они являются влиятельным элементом происходящих в мире процессов. В ряде случаев, как, например, в Азербайджане, неправительственные организации чрезмерно политизированы. Поэтому многих из них даже не назовешь неправительственными организациями. Налицо также предвзятая, несправедливая позиция некоторых международных неправительственных организаций. Видимо, принцип их образования преследует именно эту цель. Критикующие нас неправительственные организации одновременно критикуют и самые развитые страны мира, в том числе самые передовые с точки зрения демократического развития. Это, наверное, стиль их работы. Несмотря на это, правда об Азербайджане должна доводиться и до них, они тоже должны ее знать».

Поставленные президентом перед азербайджанскими послами задачи целенаправленно реализуются, что способствует росту международного авторитета страны. При этом важно отметить высокую эффективность работы не только Министерства иностранных дел Азербайджана и его загранучреждений, но и внешнеполитического курса в целом. Это во многом объясняет системность и строгую последовательность проведения сбалансированного политического курса в таком сложном регионе, как Южный Кавказ, с учетом новых геополитических реалий. Четкость и предсказуемость внешнеполитических действий, координация двусторонней и многосторонней дипломатии, трезвый учет расстановки сил обеспечивают уважение мирового сообщества, что выразилось в том числе в его избрании непостоянным членом Совета Безопасности ООН.

«Десять лет истории Азербайджана:
2003–2013 годы: Монография» /
С.И. Чернявский, М., 2013 г., с. 280–299.

Д. Егоров,

политолог (РУДН)

**РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ.
«БОЛЬШАЯ ИГРА»
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XXI в.**

Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркменистан) представляет собой крупнейший после России блок постсоветского пространства. Она занимает связующее положение между западной и восточной частями Евразии и промежуточное – между развитым Севером и развивающимся Югом. Кроме того, Центральная Азия является одним из богатейших регионов мира по запасам минерального сырья. Пространственное положение и ресурсные богатства делают этот субрегион важным театром большой политической игры.

Центральная Азия интересовала великие державы всегда. В XIX в. за доминирование в данном регионе боролись Российская и Британская империи, которые пытались в ходе «Большой игры» включить его в сферу своего влияния.

С распада Советского Союза начался новый этап внешнеполитической истории Центральной Азии. Вновь образовавшиеся государства стремились стать независимыми от России, развивать с другими государствами равноправные политические и экономические отношения. За короткий срок они установили дипломатические отношения со всеми государствами мира, стали членами ООН, других международных организаций, подписали сотни межгосударственных договоров и соглашений, вступили в торгово-экономические связи с более чем 140 странами мира. До недавнего времени Центральная Азия традиционно считалась зоной российского влияния. Однако Москва в первые годы после распада СССР не уделяла должного внимания проблеме закрепления и расширения здесь своих геополитических позиций, что стало результатом

общей финансовой и политической слабости России. В добавок российское руководство в 1990-х годах так и не попыталось разработать приемлемой стратегии развития отношений с центрально-азиатскими республиками, по инерции продолжая делать ставку на отношения «центр–периферия» советской модели.

Таким образом, в условиях пониженного интереса к региону со стороны ведущих мировых держав, которые еще не видели особой необходимости укреплять свои позиции в бывших средне-азиатских республиках СССР, в Центральной Азии после распада Советского Союза образовался некий политический вакуум, в котором достаточно продолжительное время сохранялись национальные элиты. При этом в государствах региона были сформированы авторитарные режимы, нацеленные исключительно на поддержание личной власти глав государств и их кланов, опирающиеся на армию и спецслужбы и крайне неэффективные в плане управления. По прошествии более десяти лет независимого существования большинство республик Центральной Азии не смогли решить свои экономические и социальные проблемы. Регион страдает от транспортных и транзитных ограничений, перед странами остро стоят энергетическая и водная проблемы, а также проблема наркотиков.

В начале XXI в. международная ситуация изменилась, и за Центральную Азию началась борьба между Россией, США, ЕС, Китаем, а также другими государствами Востока, но в меньшей степени. Центральная Азия имеет огромное стратегическое значение, поскольку она расположена таким образом, что обеспечивает возможность удобного и эффективного сообщения между Кавказским регионом, Ближним и Средним Востоком и Восточной Азией. Высоко и экономическое значение региона. В XXI в., когда обострилась борьба за энергоресурсы, наличие в пяти государствах региона богатых запасов нефти и газа, а также удобство прокладывания по их территории нефте- и газопроводов существенно увеличили интерес стран – экономических гигантов к региону.

Современное положение Центральной Азии в международных отношениях определяется несколькими факторами. Во-первых, стремлением США и их союзников проникнуть в регион путем реализации экономических, политических, а также военных мероприятий. Во-вторых, мероприятиями, проводимыми КНР и Россией для укрепления своих позиций в регионе. Так, по инициативе России и Китая в Центральной Азии был создан ряд региональных организаций, занимающихся различными сферами

взаимодействия (ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС и т.д.). И, наконец, региональная обстановка зависит от наличия экономических противоречий и пограничных споров между центральноазиатскими республиками, которые серьезно ухудшают межгосударственные отношения.

Страны Центральной Азии представляют для России ключевое значение, которое определяется следующими факторами:

- наличием на территории Центральной Азии значительных запасов природных ресурсов. Большую внешнеполитическую и геоэкономическую роль играет для России обеспечение контроля над основными маршрутами их транспортировки;
- соображениями национальной безопасности, поскольку именно с юга исходят основные угрозы для страны.

Центральноазиатское направление традиционно является одним из определяющих векторов внешней политики России. Именно история взаимоотношений с Россией народов данного региона определила своеобразное геополитическое положение пяти республик Центральной Азии.

За годы существования СССР между Россией и республиками Центральной Азии были наложены тесные экономические и культурные связи, разрушить которые не смогли даже процессы, протекавшие в 1990-е годы на постсоветском пространстве. Однако в последние десять лет Россия уделяла незначительное внимание событиям, происходившим в странах Центральной Азии. Только в 2000-е годы Российская Федерация вновь обращается на Восток в поисках стратегических и экономических партнеров. В первые годы после развода СССР и в ходе дальнейшей эволюции Москве удавалось сохранять в Центральной Азии фактическое лидерство (хотя с переменным успехом) благодаря лояльности руководства республик и инерционности их политики в целом. Кроме того, весь остальной мир относился к новым независимым государствам с большой долей опаски, что отвечало интересам РФ.

Однако на рубеже тысячелетий стало заметно, что уже сама Россия начала злоупотреблять хорошим отношением к ней лидеров стран региона и проводить там «инерционную» политику.

Это могло привести к печальным последствиям для Москвы, поскольку к тому времени в общих чертах оформилась стратегия Запада в отношении Центрально-Азиатского региона. Эти государства могли быть вовлечены в сферу все более повышающей активность западной политики. России помог в этом случае Китай,

а вернее, то, что интересы двух стран на тот момент совпали, что и позволило им скоординировать усилия. В настоящее время имеются серьезные предпосылки для активизации политики России в Центральной Азии. К ним относятся укрепление военно-политических, экономических и гуманитарных связей со странами региона, а также развитие более глубокой и взаимовыгодной экономической и военно-технической кооперации с Китаем. Кроме того, сближению России с центральноазиатскими республиками должны способствовать совместное решение проблем безопасности и нейтрализация имеющихся угроз в этой сфере.

Приоритетным партнером для России в Центральной Азии является Казахстан. В период с 1991 г. по настоящее время страны сумели выработать прочную договорную базу экономического и политического сотрудничества. Казахстан стал первым государством СНГ, заключившим с Россией в мае 1992 г. Договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». Согласно этому Договору предусматривается создание общего военно-стратегического пространства, совместное использование военных баз, полигонов и иных военных объектов в случае угрозы России или Казахстану. Именно Россия и Казахстан являются гарантами стабильности в Центрально-Азиатском регионе. Москва и Астана активно взаимодействуют в политической сфере, придерживаясь по ключевым вопросам международной повестки дня близких позиций и прилагая большие усилия для активизации деятельности таких региональных организаций, как СНГ, ШОС и ОДКБ. Успешно сотрудничают между собой в сфере борьбы с терроризмом и наркотрафиком правоохранительные органы и спецслужбы России и Казахстана.

Для Казахстана Россия является «окном в Европу» и основным партнером во внешней торговле. Но и сама Россия не может обойтись без казахстанских природных ресурсов. Обе страны тесно связаны оборонным комплексом. Отношения двух стран основаны на взаимопонимании, стремлении к взаимовыгодному сотрудничеству и настроены на одну волну. У России с Казахстаном особые отношения, о чем свидетельствует и ситуация со статусом русского языка в этой стране. В отличие от большинства других центральноазиатских государств, в Республике Казахстан русский язык является языком официального общения, и наличие в стране значительной доли русскоязычного населения, включая и представителей титульной нации, помогает поддерживать в активном состоянии и развивать отношения с Россией. Русский язык

официально употребляется наравне с казахским в официальных организациях и органах самоуправления. Стороны заинтересованы в том, чтобы скоординировать общий подход в рамках организации системы безопасности.

Важно отметить, что далеко не все политики и эксперты, особенно на Западе, удовлетворены теплотой отношений между Россией и Казахстаном. Так, в последние месяцы пребывания у власти президента США Дж. Буша-мл. расширилась критика со стороны Вашингтона по поводу степени демократичности выборов в Казахстане, соблюдения в этой стране прав человека, а также ограничений свободы СМИ. Также обеспокоенность Вашингтона вызывало тесное сотрудничество двух государств в области энергетической политики.

У России, при всех несомненных потерях в Центральной Азии, остается набор различных региональных связей, включая культурно-исторические. Культурный фактор играет особую роль, и это признается всеми игроками. В настоящее время соперничество в регионе разворачивается и на этом поле, на котором прежде безраздельно доминировала Россия. Российский политолог Т. Долинская отмечает, что на современном этапе Казахстан является главным союзником России в Центральной Азии. Однако в среднесрочной перспективе (через 5–10 лет) можно ожидать, что Казахстан все более активно будет вовлекаться в орбиту экономического сотрудничества с КНР и странами ЕС. Основой такого позиционного сдвига станет, как полагает Т. Долинская, нарастающая конкуренция с Россией за рынки сбыта нефти и газа, продукции горно-металлургической промышленности, промышленных технологий и источники инвестиционных ресурсов, а также за участие в формировании межрегиональных транспортных коридоров (транзит «Запад–Восток»).

Россия в состоянии повысить ресурс противодействия попыткам ее вытеснения из Центральной Азии, но только при условии постоянно возрастающей координации совместных со странами региона инициатив по действительно важным и насущным проблемам их социально-экономического развития. Принципиальной основой долговременной внешней политики России в регионе должен стать «геостратегический pragmatism», опирающийся на духовные, моральные и в позитивном смысле идеологические ценности.

За последние несколько лет Россия развернула активную работу на постсоветском пространстве, подтверждая тем самым при-

оритетность СНГ как сферы своих особых интересов. Ярким свидетельством этому является исключительно насыщенный характер внешне- и внутриполитической повестки дня, связанной с решением проблем Содружества. Такого рода активность России на постсоветском направлении демонстрирует стремление Москвы сохранить за собой стратегическую инициативу в определении содержания диалога с новыми независимыми государствами.

С 1992 г. Россия в своих отношениях с бывшими советскими республиками придерживалась принципа формального партнерства, основным содержанием которого было вовлечение в диалог абсолютно всех государств постсоветского пространства. А. Грозин, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, полагает, что «теоретически континентальные проблемы лучше всего решаются странами самого континента. Как только в евразийские проблемы вмешиваются пусть даже благожелательно настроенные внешние кураторы, то конфликты чаще всего обостряются. Поэтому лучше всего решать и экономические, и политические вопросы самостоятельно. Во многом, если поковыряться в этих проблемах, непременно найдется не только внутреннее содержание этих конфликтов, но и значительная часть внешнего влияния. И вот это сегодняшнее деление на лагеря, которое навязано извне и европейцами, и американцами, уже не срабатывает. И с каждым годом будет работать все меньше и меньше».

Представители Вашингтона весьма осторожны в официальных высказываниях относительно роли России в Центральной Азии (о ней просто умалчивают). Вместе с тем они дают четко понять, что этот регион представляет для США стратегический интерес и американское военное присутствие сохранится здесь надолго. Если коснуться планов США в данном регионе, то следует сказать о концепции «Большой Центральной Азии». Основная идея концепции заключается в создании Партнерства по сотрудничеству и развитию Центральной Азии (ПБЦА), регионального форума по планированию, координации и осуществлению целой серии программ США.

В ПБЦА по замыслу США должны войти пять центрально-азиатских республик и Афганистан. Организация должна стать альтернативой Шанхайской организации сотрудничества. В апреле 2006 г. подкомитет по Среднему Востоку и Центральной Азии Комитета по международным делам Палаты представителей Конгресса США провел слушания по американской политике в Центральной Азии, на которых помощник госсекретаря по Южной

и Центральной Азии Ричард Баучер превратил идею ПБЦА в идеологическое прикрытие продвижения американского влияния в регионе.

В свою очередь, Китай стал больше опасаться американской политики по ограничению китайского влияния в регионе Центральной Азии, который не только воспринимался как своеобразная «историческая вотчина» Китая, но и где за прошедшие десять лет КНР создала разветвленную систему экономических связей. Географическая близость Китая к Центральной Азии, безусловно, важна для стран региона. Динамичный и доступный рынок Китая представляет интерес для экспорта товаров из стран Центральной Азии. Некоторые из стран региона тяготеют к Китаю, другие же более плотно сотрудничают с Ираном и Турцией. Однако все центральноазиатские страны неизменным союзником и главным экономическим партнером считают Россию.

За последние несколько лет внешняя политика центральноазиатских республик стала более самостоятельной. Осознав свою значимость для великих держав, государства региона стали проводить многовекторную политику, стремясь получать выгоду от сотрудничества с Китаем, Россией, США, Евросоюзом. Новой тенденцией в Центральной Азии стало явление «регионализации», под которым подразумевается развитие связей между странами региона и внешними силами. В результате этого центральноазиатские республики уделяют больше внимания не сотрудничеству друг с другом, а анализу перспектив сближения с той или иной страной, будь то Китай, Россия, США, Индия, Япония или Объединенная Европа в лице ЕС. Помимо этого, и данные государства интересуются не отдельными центральноазиатскими странами, а регионом в целом, и все события, происходящие в Центральной Азии, рассматриваются с точки зрения того, как они повлияют на весь регион.

Политические режимы центральноазиатских республик представляют собой смесь демократии, авторитаризма и исламизма, наложенных на сложный этнический состав населения. Кроме того, на региональном уровне существует соперничество Казахстана и Узбекистана за лидерство, что влечет за собой увеличение расходов на оборону и дестабилизацию и без того сложной ситуации в Центральной Азии.

Политическое руководство Республики Казахстан четко осознает тот факт, что народы Центральной Азии имеют не только общую историю, культуру и менталитет, но и схожие геополити-

ческие интересы. Безопасность одной страны напрямую связана с безопасностью других государств региона. Эта мысль была высказана казахстанским президентом в его работе «Критическое десятилетие». Н. Назарбаев отмечал, что «национальная безопасность Казахстана должна быть тесно связана с безопасностью Центрально-Азиатского региона. Безопасность Центрально-Азиатского региона следует рассматривать как составляющую безопасности Центральной Евразии... регион должен быть частью евразийской безопасности, являющейся частью глобальной системы безопасности». Стремление Казахстана стать региональной державой, самой влиятельной в Центральной Азии, а затем превратиться в субрегиональный центр ведения политики, представляется совершенно оправданным. В условиях консолидации евразийского пространства вне зависимости от прежнего давления на блоки и лагеря Астана невыгодно оставаться на задворках политических событий.

Еще одним фактором, определяющим интерес крупнейших держав к Центральной Азии, стала популяризация там ислама. Рост влияния ислама на жизнь и политику республик региона объясняется тем, что после распада Советского Союза население центральноазиатских государств стало больше интересоваться национальной культурой, частью которой является ислам. Таким образом, идеологический вакуум, образованный после отхода от советской коммунистической идеологии, был заполнен близкими народам Центральной Азии «по духу» доктринаами исламской религии.

Обладая значительными финансово-экономическими и политическими ресурсами, Запад резко снижает планку «демократических» требований к странам региона. Главным в политике западных государств становится вытеснение отсюда России и ограничение присутствия Китая исключительно экономической сферой. В силу расхождения в ориентирах, стратегиях, моделях модернизации, институциональных основах экономики государства Центральной Азии не могут эффективно использовать возможности регионального сотрудничества для целей своего экономического развития. В регионе по-прежнему большую роль играют факторы, затрудняющие взаимодействие на межгосударственном уровне. Тем не менее региональная интеграция остается одной из наиболее часто обсуждаемых тем при формировании экономической политики стран Центрально-Азиатского региона.

На евразийском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности в настоящее время можно наблюдать интересное яв-

ление – одновременное протекание процессов традиционализации и трансформации. В этом контексте можно утверждать, что в настоящее время в интеграции евразийского пространства реально заинтересованы только Россия и Казахстан. Остальные государства региона либо находятся в состоянии выбора приоритетов национального развития, либо уже идут по пути традиционализации или превращения в периферию мировой политики.

В современных условиях интеграция евразийского пространства как для России, так и для Казахстана является приоритетной внешнеполитической задачей, и при этом оба государства могут играть ведущую роль в этом процессе. Для обеих стран развитие интеграционных процессов означает, прежде всего, стратегическое решение проблемы национальной безопасности. С точки зрения стратегических интересов практическая реализация идеологии евразийства способна усилить центростремительные тенденции как в политическом, так и в экономическом планах. Политика активизации разносторонних контактов, в первую очередь со странами ближнего зарубежья, может помочь создать широкую сеть экономических, культурных, политических и информационных коммуникаций, что, в свою очередь, благоприятно повлияет на внутриполитическую ситуацию как в России, так и в других государствах СНГ. Кроме того, укрепление внутрирегиональных связей стало бы реальным препятствием на пути развития центробежных тенденций проникновения исламского фундаментализма и влияния США в Центральную Азию.

«Вестник Российского университета дружбы народов.
Сер. Политология».
М., 2013 г., № 1, с. 50–67.

А. Абиров,

директор Международного центра культур и религий Агентства по делам религий РК,
доктор философских наук (г. Астана)

**КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО
ДИАЛОГА: ПУТЬ МИРА И СОГЛАСИЯ**

Казахстан сегодня является важным международным центром межкультурного и межконфессионального диалога. Это неоспоримый факт. Казахстанский опыт межэтнического и меж-

конфессионального согласия был признан одним из наиболее успешных на постсоветском пространстве.

На протяжении многих веков единый народ Казахстана, обогащенный духовным наследием различных этносов и вероисповеданий, впитал в себя такие качества, как толерантность, веротерпимость и открытость к восприятию нового.

Гражданский мир и межнациональное согласие в различных социальных, этнических и религиозных группах – наша главная ценность. Казахстан стал родным домом для представителей 130 этносов и 17 конфессий, в нашей стране действует более 3 тыс. мечетей, церквей и молитвенных домов. За 20 лет своей государственной независимости Казахстан сумел построить свой Казахстанский путь, создать собственную уникальную модель общества межэтнического и межконфессионального согласия.

Благодаря взвешенной политике президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в стране созданы все условия для того, чтобы каждый казахстанец, какой бы национальности он ни был, мог изучать свой родной язык, соблюдать традиции и обычай своего народа. Укрепляются взаимоуважение, терпимость и доверительные отношения между различными конфессиями. И мы признаем, что сегодня Казахстан является уникальной страной, сочетающей в себе цивилизационную палитру Евразии, и вполне становится очевидным то, что, несмотря на этническое, культурное и религиозное многообразие, Казахстану удается сохранить в стране мир и стабильность.

Глава нашего государства всегда подчеркивает, что этнокультурное и конфессиональное многообразие Казахстана – это огромное богатство, общее достояние всего нашего общества, дающее казахстанцам возможность обмена с другими народами цennыми культурными достижениями.

В Казахстане созданы достойные правовые аспекты государственно-конфессиональных отношений. Религия не вторгается в политico-государственные процессы, а государство, в свою очередь, не вмешивается в жизнь религиозных общин, создавая либеральные условия для полноценной реализации ими своих социальных, ритуальных, просветительских и иных задач, глубокой интеграции в общественную жизнь. Придерживаясь политики невмешательства во внутреннюю жизнь конфессий, государство стимулирует развитие между ними диалога, способствуя полноценной реализации ими своих функций. Эта констатация фактов важна потому, что на фоне возникающих в мире межэтнических и межконфес-

сиональных конфликтов уникальный казахстанский опыт по укреплению межконфессионального и межрелигиозного диалога оказался востребованным на глобальном уровне.

В данном контексте следует отметить, что Казахстан по инициативе президента Нурсултана Назарбаева первым в истории современности занялся продвижением межрелигиозного и межцивилизационного диалога. Теперь и другие страны и блоки также хотят внести вклад в данное благое начинание. Казахстан одним из первых среди субъектов международного права взял на себя ответственность и на деле начал заниматься продвижением диалога между лидерами различных мировых и традиционных религий и конфессий. Свидетельством этому стала инициатива Н. Назарбаева провести Первый съезд лидеров мировых и традиционных религий в Астане, в столице нашего молодого государства, которая уже на протяжении нескольких лет становится бессменным местом встречи и востребованной диалоговой площадкой для религиозных лидеров всего мира.

Оглядываясь назад, можно проследить, как менялись темы форума, участники, но, главное, суть оставалась прежней – поддержание мира и спокойствия между представителями разных ве-роисповеданий.

Съезды, которым в мире нет аналогов

Благодаря поддержке глав государств и лидеров мировых и традиционных религий на казахстанской земле 23–24 сентября состоялся Первый съезд лидеров мировых и традиционных религий. Для участия в его работе в Астану прибыло 17 делегаций из 14 стран мира; ислам был представлен делегациями из пяти стран: Саудовской Аравии, Египта, Индии, Пакистана, Ирана. Христианство на форуме представляли делегации из четырех стран: Ватикана, Великобритании, Франции, Швейцарии. Делегации от буддизма возглавляли: заместитель председателя Буддистского общества Китая Цзямуян Лосанцзюмэй Туданьцюэцзинима, генеральный секретарь Азиатской буддистской конференции за мир Тумээхуу Булган из Монголии. Делегацию от иудаизма возглавлял главный ашkenазийский раввин Израиля Иона Мецгер, синтоизма – директор управления Синтоистских храмов Японии Минору Сонода, индуизма – ученый-теолог Шантилал Сомайя. В качестве почетных гостей в работе форума приняли участие такие известные политики, как: министр юстиции Саудовской Аравии, специальный

представитель короля – Аль Аш-Шейх, министр по делам вакуфов Арабской Республики Египет, экс-премьер-министр Японии Ц. Хата, специальный представитель Генерального секретаря ООН В. Сотирос.

Первый съезд лидеров мировых и традиционных религий, созданный в 2003 г. по инициативе главы государства, начал процесс духовного сближения между народами планеты. Позже к указанному процессу присоединились и другие форумы, исповедующие цель налаживания и продвижения межрелигиозного, межкультурного и межцивилизационного диалога и взаимопонимания, включая такие, как Альянс цивилизаций – форум, зародившийся по совместной инициативе Испании и Турции, Общество святого Эджидия, конференции межрелигиозного диалога в Дохе, Мекканская международная мусульманская конференция, Мадридский международный форум и др. Между участниками Форума состоялся открытый обмен мнениями о роли религии в современном мире и общечеловеческом характере основных моральных ценностей всех религий. Был поднят важный блок проблем, связанных как с выявлением причин конфликтов на религиозной почве, так и с необходимостью совершенствования межрелигиозной гармонии, взаимного уважения друг к другу, умения учиться на традициях других народов.

Таким образом, на Первом съезде был сделан решительный шаг на пути укрепления согласия и установления конструктивного диалога между цивилизациями, конфессиями, странами и народами. Второй съезд лидеров мировых и традиционных религий, который состоялся в Астане 12–13 сентября 2006 г., прошел уже в стенах Дворца мира и согласия, уникального архитектурного сооружения, автором проекта которого стал известный британский архитектор Норман Фостер. Четыре грани Дворца равномерно обращены к четырем сторонам света. В известном смысле это сооружение символизирует независимый Казахстан, дружеские объятия которого раскрыты для представителей всех наций и вероисповеданий. Дворец мира и согласия является символом дружбы, единения и мира на земле Казахстана. Открытие Дворца мира и согласия состоялось 1 сентября 2006 г. Идея строительства в молодой столице республики Дворца в виде пирамиды, который стал бы местом проведения съезда лидеров мировых и традиционных религий и олицетворял стремление молодого независимого государства к миру и согласию, принадлежит главе государства Н. Назарбаеву.

Мероприятие Второго съезда лидеров мировых и традиционных религий прошло под общей тематикой «Религия, общество и международная безопасность» по двум направлениям: «Свобода вероисповедания и уважение последователей других религий» и «Роль религиозных лидеров в укреплении международной безопасности». Для участия в работе форума в Астану прибыли 25 религиозных лидеров и 14 почетных гостей из 26 стран Европы, Америки, Азии, Африки и Ближнего Востока. В качестве почетных гостей были приглашены известные политические и общественные деятели, среди которых Генеральный директор ЮНЕСКО Коичиро Мацуура, заместитель Генерального секретаря ООН Сергей Орджоникидзе, экс-премьер-министр Малайзии Мухаммад Махатхир, Махмуд Закзук – министр вакуфов Египта, Ахед Видал Квадрас Рока – первый вице-президент Европейского парламента, Рене ван дер Линден – председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы, Страф Ниммегеерс – первый заместитель Председателя Сената Королевства Бельгия, Ким Вон Ки – депутат Национальной ассамблеи Республики Корея, экс-спикер, Эмери де Монтескью – сенатор Французской Республики, а также представители законодательных органов, неправительственных организаций из разных стран.

В рамках съезда была озвучена инициатива о создании Международного центра культур и религий. Сегодня центр активно способствует проведению международных мероприятий и содействует взаимопониманию между религиозными деятелями и политическими элитами различных стран. Наряду с религиозными и культурными вопросами центр занимается осуществлением образовательных, научно-исследовательских и гуманитарных проектов, изучением потенциально конфликтных аспектов религиозной ситуации в мире.

Со дня создания Центр принялся за осуществление инициатив по проведению съездов лидеров мировых и традиционных религий и принял активное участие в организации и проведении третьего и четвертого форумов, организовал мероприятие по случаю 10-летнего юбилея Первого съезда лидеров мировых и традиционных религий.

Третий съезд лидеров мировых и традиционных религий состоялся 1–2 июля 2009 г. По сравнению с предыдущими форумами уровень представительства участников Третьего съезда лидеров мировых и традиционных религий был наиболее высоким. Широкий круг приглашенных лиц был обусловлен значительностью и

масштабностью выдвинутых на съезде вопросов, и то, что многие общественные деятели и руководители представительных организаций откликнулись и приняли активное участие, свидетельствует о своевременности и важности проведенного мероприятия. Так, на съезд прибыли представители 77 делегаций более чем из 37 стран мира. Увеличилось количество представительств мировых религий: ислама, христианства и буддизма.

Авторитетность форуму придало присутствие на нем значимых действующих политиков в лице Президента Государства Израиль Шимона Переса, министров ряда стран, сенаторов, конгрессменов, советников глав государств и т.д. Наряду с участниками съезда – религиозными лидерами, их представителями, а также действующими и отставными политиками приняли участие в работе форума также общественные и научные деятели.

Одной из важных инициатив Третьего съезда является создание Совета религиозных лидеров для диалога и сотрудничества с другими форумами и международными организациями, работа которых была бы направлена на диалог культур и экономическое взаимодействие. Далее в ходе обмена мнениями было внесено предложение о создании Совета. На X секретариате съезда, состоявшемся в июне 2011 г. в Астане, была утверждена «Концепция Совета религиозных лидеров».

30–31 мая 2013 г. в Астане состоялся Четвертый съезд лидеров мировых и традиционных религий, прошедший под лозунгом «Мир и согласие как выбор человечества». На этот раз в съезде участвовали 85 делегаций из 40 стран мира: представители христианства, ислама, иудаизма, буддизма, даосизма, синтоизма, индуизма, зороастризма, а также гости – представители государств, общественных и международных организаций. Впервые на съезде участвовала делегация от Русской православной церкви на самом высоком уровне, в работе Четвертого съезда принял участие Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В ходе подготовки форума членами секретариата были выдвинуты инициативы участников по самым актуальным и ключевым вопросам современности: роль религиозных лидеров; религия и молодежь; религия и женщина; религия и мультикультурализм. Данная идея впоследствии послужила формированию направлений работы по секциям: «Мир и согласие как выбор человечества»; «Роль религиозных лидеров в достижении устойчивого развития»; «Религия и мультикультурализм»; «Религия и женщина: духовные ценности и современные вызовы»; «Религия и молодежь».

Проведение четырех съездов лидеров мировых и традиционных религий показал, что религиозные лидеры смогут занять ведущие позиции в деле упрочения основ мира во всем мире.

Мир – потребность человечества, требующая приложения усилий для его установления, обеспечения его условий и защиты его достижений. И это совместный процесс, который не возлагается на одну конкретную сторону, а достигается лишь путем согласия и взаимопонимания, что требует от религиозных лидеров и религиозных институтов стремления стать посланниками мира и посредниками, которые пользуются доверием и авторитетом для решения спорных вопросов путем диалога. Важным представляется осознание того, что любовь к миру – это, прежде всего, терпение, уважение других религий. Необходимо относиться с пониманием к любым вероисповеданиям. Только на путях диалога и взаимного согласия различные народы и культуры смогут достичь мира. Президент и народ Казахстана преуспели в этом, успехи нашей страны в обеспечении межконфессионального согласия и терпимости – это пример для всего мира. Различия между религиями не так важны, как взаимопонимание и толерантность, умение «разбивать» межконфессиональные барьеры и преодолевать вызовы мультикультурного мира. Именно такую возможность нам предоставляет форум в Астане, где президент Казахстана Нурсултан Назарбаев создал «новую ООН», объединившую не только народы, но и религии, культуры и общества с различными идеологией и мировоззрением, видящих построение мира через диалог.

Сегодня Казахстан сводит воедино группы из различных этносов, чтобы обеспечить конструктивный диалог. Мы живем в сложные времена – бедность, голод, болезни, конфликты и другие глобальные угрозы требуют международного ответа. Помочь решить эти проблемы в силах религиозных лидеров, которые могут объединиться для того, чтобы продемонстрировать силу в разнобразии, вне зависимости от того, какой веры придерживается человек.

Религиозные лидеры высоко оценили позицию Казахстана, как одной из развитых и преуспевающих стран мира. Большую поддержку получили инициативы съезда по созданию Совета религиозных лидеров, по улучшению религиозной ситуации в стране и в мире в целом.

Международное сообщество осознает важность общечеловеческих ценностей. Любое единство и взаимопонимание берет свое

начало с диалога. Следовательно, основная сущность и межрелигиозного диалога, и диалога между цивилизациями именно в этом.

Вклад в развитие межрелигиозного диалога повысил авторитет нашей страны в сообществе наций, в глобальных структурах. Казахстан стал узнаваем своими добрыми начинаниями. Сегодня эта страна с бурно развивающейся экономикой и обществом, сплоченным на основе взаимопонимания и взаимного уважения. В современных реалиях всемирной глобализации встреча лидеров мировых и традиционных религий открывает широкие перспективы и возможности для взаимного сотрудничества, способствует преодолению насилия, религиозного фанатизма, экстремизма и терроризма.

Наша республика исконно является естественной границей между крупнейшими мировыми религиями – исламом, христианством и буддизмом. Казахстан по праву называют «перекрестком цивилизаций». Веками здесь вместе жили и трудились представители разных народов и этносов. Здесь складывались прочные культурные и хозяйствственные связи, способствовавшие взаимному обогащению и процветанию. И это колоссальное богатство народ страны стремится сохранить и передать потомкам.

Природа и дух казахстанского народа

На протяжении веков казахский народ отличался веротерпимостью и толерантностью. Унаследованное из культурно-этических традиций казахов терпимое отношение к духовной жизни представителей других этносов, соседствующих на одной земле, является хорошей основой для сохранения гражданского мира в настоящем и будущем. Особенно наглядно отражаются идеи толерантности и духовного согласия в философских трудах таких казахских мыслителей, как Баласагуни, Х.А. Яссави, аль-Фараби, Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева, Машхур-Жусупа Копеева, Магжана Жумабаева, Ибрая Алтынсарина, русских деятелей – А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова.

И вот сейчас, оставляя в прошлом пережитые годы, можно с уверенностью сказать, что все положительные перемены, произошедшие в стране, успешно состоялись благодаря межэтническому спокойствию и гармонии всего народа Казахстана. Мир и покой вошли в каждый дом. Сейчас, когда весь мир обеспокоен событиями в Египте, Сирии, еще раз убеждаешься в мудрости и даль-

новидности Нурсултана Назарбаева, который утверждает, что тренды единства и многообразия при наличии ясной государственной стратегии и доброй воли не противоречат, а дополняют друг друга. И мы в этом уже убедились. Наша страна является неким противовесом розням и разногласиям. Казахстан всему миру демонстрирует образец дружбы и согласия. В своей книге «Критическое десятилетие» Нурсултан Абишевич Назарбаев пишет: «Казахстан является светским государством не только формально, но и фактически – по самой природе и духу всего казахстанского народа, сознание которого формируется на исторической веротерпимости».

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук,
член научного совета Московского центра Карнеги
ТУРКМЕНИЯ: БЫЛА ЛИ ОТТЕПЕЛЬ?

По сравнению с остальными странами Центральной Азии специфика Туркмении состоит в следующем. Во-первых, туркменское общество наиболее традиционно. Несмотря на высокую степень урбанизации (в Ашхабаде проживает 800 тыс. человек, еще в нескольких городах – свыше 200 тыс., а все население страны составляет примерно 5 млн.) и создание в советскую эпоху современных промышленных отраслей – газовой, строительной, текстильной, а также современной по меркам 1970-х годов системы образования, в Туркмении сохранились деление на племена, соответствующая иерархия, а также своего рода племенное «разделение труда». Например, высшие государственные посты занимают представители крупнейшего и влиятельнейшего племени ахалтеке (к нему принадлежал первый и принадлежит второй президент страны).

Разумеется, нельзя абсолютизировать племенную структуру. Первый президент Туркмении Сапармурат Ниязов обязан возвышением не только племенной принадлежности, но и работе в партийном аппарате, в том числе в ЦК КПСС. Однако он никогда не забывал свою родовую принадлежность, тем более что ахалтекинцы всегда были самыми многочисленными и могущественными

среди туркмен. В заслугу ему можно поставить то, что он стремился играть роль посредника в отношениях между племенами.

Ниязов был образцом советского политика, носителем советской политической культуры, притом что общество, которым он управлял, являлось квинтэссенцией традиционности. Это превратило постсоветскую Туркмению в симбиоз восточной деспотии и тоталитаризма. Термин «тоталитаризм» на постсоветском пространстве приемлем только для Туркмении при правлении Сапармурата Ниязова.

Именно в силу исключительной схожести своего режима с советской системой Ниязов пытался всячески отмежеваться от нее и предать забвению любую преемственность по отношению к советским временам. В 1998 г. на встрече с делегацией Госдумы России он объяснил это следующим образом: «У нас ни один человек не изъявил желания бороться за коммунистические идеи. Слова “коммунисты” и “коммунизм” в Туркмении никто и не произносит, они сами собой ушли из общественной лексики». Напомним, что эти два слова, как и соответствующие партии, сохранились, пусть даже не имея серьезного влияния, в Казахстане, Киргизии, Узбекистане. Ниязов же оказался наиболее последовательным хранителем советской коммунистической традиции, не допускавшей никакой оппозиции. Принятый им титул «Туркменбashi» («Отец туркмен») – это не просто отражение амбиций¹. В нем присутствует стремление превратить туркмен из совокупности племен в новую нацию. Туркменская нация начала создаваться еще при советской власти.

Туркменская Советская Социалистическая Республика как ядро туркменской государственности была образована в 1924 г. Нельзя не признать, что Ниязову-Туркменбashi удалось заметно продвинуться на этом направлении. Туркмения состоялась как национальное государство, а сам он стал ее безусловным, хотя и экс-центричным вождем.

По принятой в 1992 г. Конституции (впоследствии в нее пятикратно вносились поправки) президент Туркмении одновременно является премьером, формируя правительство. Парламент полномочен лишь рассматривать кандидатуры на посты глав МВД и Министерства юстиции. В 1999 г. Ниязов получил от высшего представительного органа страны Халк маслахаты (Народного со-

¹ Оппозиция и журналисты откликнулись на титул «Туркменбashi» термином «башизм».

вета) право исполнять полномочия главы государства без ограничения срока. В 1994–1995 гг. даже возникла идея наследственной монархии, и приближенные Ниязова были готовы преподнести ему титул шаха, а Туркмению объявить шахством. Он счел это излишним, очевидно, постеснявшись изdevательской реакции за рубежом. Однако пока обсуждали этот вопрос, из официального названия государства выпало слово «республика» (единственный случай в Центральной Азии), что предоставляло некоторую свободу маневра в будущем, на случай, если бы Ниязов все же рискнул принять титул монарха.

Главным принципом внешней политики был провозглашен нейтралитет. Туркмения осталась лишь членом СНГ, от участия в работе которого фактически устранилась. Страна не вошла ни в одну из организаций, которые создала и пытается создать Россия. Будучи последовательной в проведении внешнеполитического курса, Туркмения не вступила в Шанхайскую организацию сотрудничества. Туркменбashi стремился избавиться от любого влияния извне и закрепить за своей страной статус особого, равноудаленного и независимого от внешних сил государства.

Как и все диктаторы, с возрастом туркменский вождь становился все более подозрительным, часто менял людей в своем окружении, и некоторые чиновники даже стремились избежать высоких постов, падение с которых грозило немалыми неприятностями. По рассказам работавших с Ниязовым людей, в том числе министров, он не слушал ничьих советов, зачастую принимая спонтанные, непродуманные решения.

Ниязов скончался 21 декабря 2006 г., и вокруг его смерти до сих продолжаются споры – некоторые утверждают, что он был отравлен уставшими от его непредсказуемости приближенными. После кончины Туркменбashi в результате короткой и жесткой интриги Туркмению возглавил Гурбангулы Бердымухамедов, по профессии стоматолог, бывший личный врач Ниязова, с 1997 по 2001 г. занимавший пост министра здравоохранения, а с 2001 г. – заместителя Председателя Кабинета министров. Ниязов не оставил после себя преемника, да и не мог этого сделать – его смерть была внезапной.

Бердымухамедов выглядел фигуранткой неожиданной, компромиссной, хотя история учит, что «промежуточный» лидер зачастую оказывается долгожителем на политическом Олимпе. Вряд ли кто-либо рассчитывал, что второй президент Туркмении реши-

тельно изменит облик страны, но надежды на кое-какие перемены появились.

И перемены начались. Главная из них состояла в некоторой либерализации. Московский аналитик Андрей Грозин называет новый режим «более вегетарианским», а Себастьян Пейруз счел реформы косметическими, назвав их «иллюзиями хрущёвской оттепели». В самом деле, они носят даже не половинчатый, а формальный характер. Зато режим изменил имидж, перейдя из почти тоталитарных в жестко авторитарные, т.е. переместился из категории экзотических исключений (таких, как Северная Корея) в категорию типических.

Но движение в сторону либерализации оказалось формальным и не меняет политическую систему. 13 января 2012 г. был принят закон о политических партиях. Бердымухамедов одобрил создание многопартийной системы, заявив, что она «представляет актуальность и с точки зрения масштабных перемен в сфере государственного управления, и с позиций обновления политических механизмов, переосмыслиения роли и места социальных, гражданских институтов страны». Однако вряд ли кто поверит, что могущие возникнуть партии будут способны действовать вне контроля власти. Сегодня в Туркмении существует лишь одна партия – Демократическая (фактически это переименованная компартия советской Туркмении), которая полностью подчинена президенту.

В феврале 2012 г. состоялись очередные (вторые для Бердымухамедова) президентские выборы, на которых за него было дано 97,14% голосов. Причем если на предыдущих выборах в 2007 г. (он получил тогда 89,2%) у Бердымухамедова было пять «соперников», то сейчас их стало уже семь (поначалу общественные организации и группы выдвинули аж 15 кандидатов). Народная молва назвала этих кандидатов «семеро козлят», намекая на то, что роль Волка заведомо отведена президенту. И в самом деле, его конкуренты набрали от 0,16 до 1,07%¹. Повторяя путинскую предвыборную технологию, Бердымухамедов отказался от теледебатов с конкурентами, «подарив» им свое эфирное время.

Перед выборами власти закрыли для иностранцев сухопутные границы, а у прибывавших в аэропорт проверялось содержимое компьютерных дисков. Одновременно местные спецслужбы

¹ Существует мнение, что в качестве конкурентов Бердымухамедову были подобраны представители главных экономических отраслей и некоторых регионов Туркмении.

заблокировали два действовавших из-за рубежа оппозиционных сайта.

В 2011 г. Бердымухамедов заявил о возможности участия в выборах представителей зарубежной оппозиции – имелись в виду Республиканская партия и Общественно-политическое движение «Ватан». Однако этого не произошло, поскольку, во-первых, в стране нет условий для свободных выборов, а во-вторых, для участия в выборах оппозиционным политикам пришлось бы вернуться на родину, подвергнув себя риску ареста.

Туркмения впервые согласилась представить Комитету ООН по правам человека отчет о состоянии дел в этой сфере. Из тюрем были освобождены некоторые политики, в том числе бывший председатель парламента Оvezgельды Атаев¹, осужденный в связи с покушением 2002 г. Однако главный обвиняемый по этому делу, Борис Шихмурадов, остается в тюрьме, и о его судьбе, как и о состоянии здоровья, ничего не известно.

Бердымухамедов восстановил десятилетнее обучение в школах (при Ниязове в стране были школы-девятилетки), восстановил национальную Академию наук, вернул «отмененный» ранее Театр оперы и балета, разрешил интернет-кафе, которые, правда, находятся под жестким контролем властей. Одним из наиболее примечательных шагов нового президента стала ликвидация, пусть и неполная, культа личности Туркменбashi. В этом отношении его действительно в какой-то степени можно уподобить Никите Хрущёву.

Туркмены были освобождены от публичного чтения и изучения по утрам сочиненной Ниязовым «Рухнамы», которую придворные мыслители и политики ставили в один ряд с Кораном. Имя Ниязова больше не упоминается в национальном гимне, ушла в прошлое клятва-присяга Туркменбashi. Восстановлены названия месяцев по григорианскому календарю.

Однако стиль правления в стране принципиально не изменился. К тому же, осуществляя «детуркменбализацию», новый президент ни разу не усомнился в величии своего предшественни-

¹ Атаев был арестован по обвинению в разжигании межклановой вражды, а заодно и в связи с малопонятными обстоятельствами его семейной жизни. На самом деле Атаев, по Конституции, должен был после смерти Туркменбashi исполнять обязанности президента до президентских выборов и таким образом становился конкурентом Бердымухамедову, почему и был отстранен от участия в политической борьбе.

ка. Бердымухамедов и остальные политики прекрасно понимают, что развенчание Ниязова нанесет удар по ним самим, его соратникам. Так что ожидать при нынешнем главе государства серьезных разоблачений прежнего режима не приходится, а настоящая трансформация системы власти может начаться только после этого.

Тем временем постепенно складывается «скромный» культ самого Бердымухамедова. Он уже обзавелся собственным титулом – «Аркадаг», т.е. «Покровитель», не столь претенциозным, как «Отец туркмен».

Провозглашенный Туркменбashi «Золотой век» сменен на более скромную и адекватную «Эпоху возрождения». Одновременно было провозглашено наступление «Эры могущества и счастья», в университетах, на других публичных площадках проводятся конференции «Страна здоровья и счастья – мое отчество Туркменистан». В восьми километрах от Ашхабада в горах Копетдага сооружена бетонная «Тропа здоровья». На смену ниязовской «Рухнаме» пришла «Туркменнама» («Книга о туркменах»), которая лишена нравоучительности и посвящена утверждению величия туркмен. «Туркменнама» более типична в контексте националистической идеологии, творимой приближенными к власти научными работниками. Характерным ее атрибутом является признание за туркменами избранности. В соответствии с этим посыпом библейский Ной высадился в Туркмении. По утверждению местного академика Одекова, от туркмен ведут происхождение ацтеки и викинги, выходцем из Южной Туркмении был Заратуштра. В туркмены записан герой русского эпоса богатырь Илья Муромец. Во всем этом нет ничего оригинального: подобные изыски имеют место во многих странах, особенно на постсоветском пространстве, где многие народы стремятся повысить «качество» своей идентичности.

Вновь можно видеть изобилие портретов президента, что способно удивить постороннего человека: внешне Бердымухамедов очень похож на Туркменбashi (существует легенда, что он незаконный сын Ниязова), и начинает казаться, что все эти годы страной правил один и тот же человек.

После смерти Туркменбashi произошла десакрализация власти. У Бердымухамедова нет харизмы, перед ним нет преклонения, как было в эпоху Туркменбashi. Его кличка ГБ,озвучная с известной во всем мире аббревиатурой «КГБ», идет от чувства юмора, а не от страха. Очевидно, Бердымухамедов осознает, что ему не дано стать вторым Туркменбashi, да он к этому и не особенно

стремится, создавая себе имидж «либерального деспота». Пока это ему удается.

Туркменское общество – мусульманское. Однако какую роль играет в нем ислам, сказать непросто. У кочевников ислам синкретичен, его влияние ограничивается семейными отношениями, поведением в быту, воздействие же на политику незначительно. К туркменскому исламу подходит широко использовавшийся в советской литературе 1970–1980-х годов термин «бытовой ислам».

В то же время, несмотря на аполитичность, даже бытовой ислам оказывает влияние на общее мировоззрение мусульманина, в частности, на восприятие власти. К тому же бытовой ислам на редкость устойчив. Он сохранился при советской власти, приспосабливаясь к ее требованиям, существуя параллельно навязывавшемуся атеистическому воспитанию. В советские времена исследователи отмечали «пережитки ишанизма-шаманизма», т.е. суфийского ислама, который сохранял свои позиции среди туркмен.

В постсоветской Туркмении ислам, на первый взгляд, мало изменился. Его влияние сосредотачивается на семье, обрядности, он как будто отстранен от общественно-политической жизни. Во всяком случае, страну почти не затронул начавшийся на излете СССР исламский «ренессанс». Тем более ее не коснулась политизация ислама. Попытки создать исламскую партию или движение, как это произошло в соседних бывших советских республиках, не увенчались успехом, в том числе по причине репрессий. Во время визита президента одного из мусульманских государств в самом начале 1990-х годов в дома членов Исламской партии возрождения Туркменистана (их было всего четверо) были присланы милиционеры, чтобы не пускать их на улицу.

Ниязов не обращал внимания на ислам, не видя в нем угрозу власти. В 1992 г. он говорил, что «вероятность исламизации Туркменистана не стоит преувеличивать». Поддерживая замкнутость общества и закрытость государства (идея «нейтральной Туркмении» была направлена на поддержание такой герметичности), Туркменбashi в какой-то степени следовал советским образцам. Культ Ленина он сменил на свой собственный. И поначалу там не находилось места исламу. Однако уже в середине 1990-х годов Ниязов пришел к выводу, что официальная апелляция к исламу необходима и это также должно способствовать укреплению его власти. К тому же Туркменбashi стремился расширить контакты с

мусульманскими государствами, рассчитывая на их финансовую помощь.

В Туркмении развернулось строительство мечетей, имамы в проповедях стали славить главу государства. В этих проповедях, в религиозной литературе, наконец, в официальной пропаганде сложился симбиоз религии и идолопоклонства. При этом Ниязов не допускал ни малейшей критики в свой адрес со стороны духовенства. За критику чрезмерного почитания Туркменбashi был заключен в тюрьму главный муфтий, самое авторитетное в стране духовное лицо Насрулла ибн Ибадулла (до этого служивший имамом мечети Ташауза, кадием в Марыйской области), который на рубеже 1980-х и 1990-х годов попытался инициировать в стране процесс исламского возрождения.

Ниязов «монополизировал» ислам, искреннее считая себя его знатоком. Здесь напрашивается сравнение с некоторыми другими политиками постсоветского пространства, например, с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и лидером Чечни Рамзаном Кадыровым. В 2000 г. Ниязов велел сжечь 40 тыс. экземпляров Корана из-за того, что ему не понравился перевод Священной книги на туркменский язык.

Гурбангулы Бердымухамедов к исламу индифферентен и исходит из того, что политизация ислама в Туркмении невозможна. Разговоры о том, что в стране может начаться формирование религиозно-политической оппозиции, пока не подтверждаются. В то же время есть мнение о существовании так называемого «параллельного ислама». По рассказам покинувших Туркмению, в некоторых населенных пунктах, даже в сельской местности, существует «по две мечети» (собственное выражение респондента), одна из которых является подпольным молельным домом, в котором читаются протестные проповеди. Вряд ли Туркмении удастся полностью самоизолироваться от происходящих в мусульманском мире событий, так же как невозможно соорудить «китайскую стену» на границах со странами, где идет активизация радикального ислама. Если Бердымухамедову придется столкнуться с исламскими протестными настроениями, то он к этому, очевидно, не готов.

Краеугольным камнем, на котором зиждется туркменский режим, являются углеводороды. В 2009 г. 70% валового национального продукта страны составляла продажа газа. Газ поддерживает сносный уровень жизни населения и дает правящему слою возможность демонстрировать людям свою заботу. Газ обеспечивает устойчивость режима и успех идеологии популизма. С при-

ходом к власти Бердымухамедова бесплатное предоставление газа, электричества, а также воды и соли не было отменено. Более того, с 2008 г. владельцы частных автомобилей получают в год бесплатно 120 л бензина, собственники автобусов – 200 л, а мотоциклистов – 40 л.

Туркмения занимает четвертое место в мире по запасам газа. Однако вопрос об общем его количестве остается предметом инженерных, экономических и политических дискуссий. Власти говорят о доступных для разработки 20 трлн. м³. Для сравнения: стоящая на первом месте по доступным для разработки запасам газа Россия располагает 44,8 трлн. м³. По данным компании BP, доказанные запасы газа в Туркмении за 2000–2011 гг. увеличились всего с 2,6 до 8 трлн. м³. Доступные же для разработки месторождения ограничиваются 3 трлн. м³. Причем запасы называемого туркменскими властями крупнейшим (6 трлн. м³) Иолотаньского месторождения на самом деле в несколько раз ниже. К тому же в иолотаньском газе велико содержание сероводорода, что усложняет добычу.

Туркменские власти всегда сознательно завышали газовые ресурсы страны, предлагая большие контракты самым разным зарубежным партнерам сразу на нескольких направлениях – Европа, Китай, Иран, Россия, что далеко не всегда имеет под собой реальную основу. С другой стороны, такая игра поддерживала в покупателях газа постоянный интерес, позволяла Ашхабаду привлекать средства для строительства соответствующей инфраструктуры.

За последние 20 лет в Туркмении отмечался семикратный перепад добычи газа, так что судить о ее реальном уровне непросто. Перепады обусловлены как мировой экономической конъюнктурой, так и технологическими возможностями Туркмении. Например, в 2000–2008 гг. добыча выросла с 42 до 66 млрд. м³, но в 2010 г. снизилась до 45 млрд. Экспорт газа в том же году составил всего 22,6 млрд. м³. В 2012 г. оценочная добыча газа составит 66,5 млрд. м³. Сейчас идет освоение месторождений Гарабиль, Гуррукбиль, в Центральных Каракумах, на правобережье Амударьи.

На протяжении долгих лет главным покупателем туркменского газа была Россия, однако с 2008 г. отношения между Москвой и Ашхабадом обострились. В 2008 г. Туркмения продала «Газпрому» 50 млрд. м³ газа на 7 млрд. долл. Однако в конце 2008 г. из-за глобального кризиса «Газпром» не согласился повысить контрактные цены на газ, на чем настаивала Туркмения. Это вызвало конфликт, в результате которого глава «Газпрома» Алексей Мил-

лер в 2009 г. перекрыл российский газовый маршрут. Тогда же на газопроводе произошел взрыв (который, по мнению «Газпрома», имел чисто технические причины, тогда как в Ашхабаде утверждают, что его устроил сам «Газпром»), в результате которого до конца 2009 г. Туркмения вообще была лишена возможности поставлять газ в Россию. Продажи возобновились только в 2010 г. и ограничивались 11 млрд. м³. Остающиеся по прежним контрактам 40 млрд. м³ Москва не выкупает, и ее отказ становится рычагом давления на Ашхабад.

Европейский рынок более не нуждается в прежних количествах туркменского газа, «Газпром» справился с выполнением поставок газа в Европу собственными силами. Это обстоятельство держит туркмено-российские отношения в напряжении. Естественно, в таких условиях Ашхабад наращивает усилия по диверсификации газовых маршрутов. Он уже несколько лет поставляет газ в соседний Иран. По разным данным эти поставки в 2011 г. составили от 8 до 14 млрд. м³ газа. Иран предложил Туркмении строительство еще одного газопровода с выходом на Персидский залив.

Туркмения вновь проявила интерес к строительству трубопровода «Набукко», однако это невозможно без сооружения 300-километрового Транскаспийского газопровода, против чего возражает Россия, а с недавних пор такой перспективой недовольна и Индия. «Набукко», у которого имеются два варианта – трансанатолийский и трансадриатический (Турция – Греция – Италия), является главным конкурентом российско-турецкого «Южного потока», на который Москва возлагает большие экономические и политические надежды. При этом инвестиции под строительство подводного трубопровода пока никто не дает (существует мнение, что в случае крайнего обострения ситуации Россия готова помешать строительству Транскаспия любыми средствами, в том числе с помощью своей самой мощной на Каспии военной флотилии).

Главным покупателем туркменского газа становится Китай. Газопровод на китайском направлении был открыт в 2009 г., и уже в 2010 г. поставки туркменского газа в Поднебесную составили приблизительно 5 млрд. м³ по цене 192 (или 170–180) долл. за кубометр, притом что «Газпром» в то время платил за него 240 долл. В 2012 г. эти поставки могут достигнуть 15 или даже 30 млрд. м³, а к 2015 г. – 65 млрд. Уже начато строительство второй ветки в Китай.

Особые надежды в Ашхабаде возлагают на проект трубопровода Туркмения–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ) общей длиной 1735 км, с пропускной способностью 30–33 млрд. м³, который наряду с китайским вектором рассматривается как основная альтернатива сотрудничеству с Россией. Соглашение о ТАПИ было подписано в 2010 г. Предварительная стоимость проекта – 7,6 млрд. долл., однако называют и куда большие суммы – вплоть до 12 млрд. долл. Начало строительства запланировано на 2013 г., а пуск – на 2016 г.

По мнению Ашхабада, ТАПИ может способствовать стабилизации ситуации в Афганистане. Однако в то же время нельзя исключать, что для некоторых талибских группировок газовая труба, точнее ее сохранность, станет как поводом для давления на афганские власти, так и инструментом для вымогательства у заинтересованных в ее бесперебойной работе государств и компаний. Так что поддержание сохранности газового трафика будет способствовать росту влияния радикальной оппозиции (что, кстати, имело место в России во время чеченских войн). Интерес к ТАПИ проявили не только страны, заинтересованные в получении туркменского газа, но и «Газпром», который все чаще участвует в энергетических проектах, не имеющих непосредственного отношения к российскому газу.

ТАПИ наталкивается на целый ряд препятствий. Во-первых, партнеров Туркмении продолжает беспокоить отсутствие при решении финансовых вопросов надлежащей транспарентности. Как и при Туркменбаши, продажа газа остается под непосредственным контролем главы государства. 80% доходов Бердымухамедов кладет в свой кошелек, тем самым продолжая традицию Туркменбashi, который замкнул на себя все энергетические контракты, что можно считать специфической чертой туркменской теневой экономики. В соответствии с законодательством в государственный бюджет поступает только 20% доходов от экспорта газа и нефти. Бердымухамедов лишь развел коррупционные схемы. Таким образом, можно считать, что заключаемые Туркменией контракты с зарубежными покупателями – это по сути контракты между ними и собственно главой страны. Во-вторых, сохраняется нестабильность в Афганистане. В-третьих, успешность ТАПИ зависит от непредсказуемо складывающихся отношений между Пакистаном и Индией. Наконец, вечным остается вопрос, хватит ли у Туркмении газа на все ее амбициозные проекты. К 2020 г. планируется повысить добычу до 230 млрд. м³, а экспорт – до 180 млрд., из которых

в Китай пойдет 65 млрд., по ТАПИ – 33 млрд., в Иран – 20 млрд., в Европу – 10 млрд., а в Россию – 42–52 млрд. м³.

После конфликта с Россией основными направлениями экспорта газа будут восточное (Индия, Пакистан, Китай) и южное (Иран) направления. Экспорт на Запад и в Россию скорее будет играть подсобную роль, тем более что на европейском направлении у Туркмении найдется немало конкурентов.

Исключением остается Китай. В 2010 г. Пекин дал Ашхабаду кредит в 4,1 млрд. долл. на развитие месторождений в Южной Йолотани. Однако это настолько привязывает Туркмению к КНР, что создает повод (как и в случае Таджикистана) говорить о превращении страны в «китайскую провинцию».

Трудным вопросом в отношениях между Туркменией и Россией является статус русского населения. Точное количество русских в Туркмении неизвестно. По данным российского МИДа, в 2005 г. они составляли 3,5% населения, в 2001 г. Ниязов говорил о 2%. Очевидно, русских в стране насчитывается от 120 до 150 тыс. человек.

Отношение властей Туркмении к русским неоднозначно. Русское и русскоязычное пространство сокращается. Единственной газетой на русском языке остается «Нейтральный Туркменистан», которая не содержит сколько-нибудь интересной информации и является скучным символом присутствия русского языка в СМИ. В 2002 г. были запрещены ввоз и распространение российских газет, с 2004 г. якобы по техническим причинам была прекращена трансляция российской радиостанции «Маяк» (доступной во всех бывших советских республиках), а доступ к Общественному российскому телевидению (OPT) ограничен двумя часами.

В конце 1990-х годов была ликвидирована «Русская община Туркменистана», ее руководители Нина Шмелёва, Вячеслав Мамедов, Анатолий Фомин получили тюремные сроки, а затем высланы из страны. Если в остальных странах Центральной Азии русские общины имели хотя бы минимальные возможности вести общественную деятельность, в том числе для защиты прав русскоязычного населения, то в Туркмении они были ее полностью лишены.

Русские в Туркмении брошены на произвол судьбы российским руководством, которое вплоть до 2010 г. не проявляло к ним внимания. Государственные интересы России лежали в плоскости энергетического сотрудничества, закупок и транзита газа, а все, что не было с этим связано, пребывало на периферии политики или вообще находилось за ее пределами.

Еще в 1993 г. между Туркменией и Россией было подписано соглашение об урегулировании вопросов двойного гражданства, которое устанавливало порядок получения такого гражданства, и русские в Туркмении пользовались одинаковыми правами с этническими туркменами. Однако в 2011 г. Ашхабад заявил, что граждане с двойным гражданством станут невыездными, если не сделают выбор в пользу только одного туркменского гражданства; кроме того, если они не откажутся от российского гражданства, то будут вынуждены покинуть страну. 1 апреля 2012 г. вступил в силу новый закон, в котором изменены условия выезда за рубеж. Теперь это можно сделать только по новому заграничному паспорту, который лицам с двойным гражданством не выдается. Россия не признала законным выход Туркмении из соглашения 1993 г., но изменить ситуацию не смогла. Тем временем в Туркмении возникла проблема невозможности приватизации жилья. Появились слухи, что цены, по которым русские смогут выкупить жилье, будут завышены настолько, что сделать это станет невозможно.

Будет ли Россия более энергично защищать права русских в Туркмении, сказать сложно. Как и в других странах Центральной Азии, речь идет о выработке и претворении в жизнь целой концепции, идеологии защиты прав русских. Для стратегии России в этом регионе данный вопрос по-прежнему неактуален.

Относительно будущего Туркмении существуют полярные мнения. Одно из них, высказанное в докладе общественной международной организации «Crude Accountability», состоит в том, что «рано или поздно режим Бердымухамедова столкнется с проблемами, приведшими к краху ближневосточные и североафриканские страны». Вопрос в том, будет ли это мягкий, «тунисский» вариант или события станут развиваться по ливийскому сценарию, т.е. через гражданскую войну.

Однако один из лучших знатоков Центральной Азии, журналист и эксперт Аркадий Дубнов, полагает, что «солнце Бердымухамедова будет светить долго». Скорее прав российский аналитик, поскольку общество в Туркмении явно не способно на массовый протест. По организации его действительно можно сопоставить с ливийским. Однако ливийцы по сравнению с туркменами проживают в качественно ином geopolитическим окружении. Туркмения десятилетиями оставалась на периферии мировых политических и культурных процессов. Она, так сказать, слишком «заторможена». Так что «солнце» Бердымухамедова и, шире, «солнце диктатуры» действительно будет светить долго.

Что касается внешней политики, то вряд ли и здесь следует ожидать существенных перемен. Режим не собирается отказываться от продекларированного в начале его существования нейтралитета, от которого он уже приобрел немало выгод и который признан его международными партнерами. На территории Туркмении вряд ли появятся военные базы – слухи о том, что Соединенные Штаты рассчитывают получить в свое распоряжение бывшую советскую базу ВВС в городе Мары, не оправдываются (заметим, однако, что марыйский аэродром очень удобен для нанесения ударов по Ирану).

Чисто формальным является присутствие Туркмении в СНГ. Символично, что в Ашхабаде никогда не проводились саммиты Содружества. Не имеют под собой основы намеки на возможность вступления Туркмении в Организацию Договора о коллективной безопасности. Не может быть и речи о ее приобщении к Таможенному союзу, не говоря уже о Евразийском союзе. Пожалуй, единственное объединение, к которому в будущем она может присоединиться (на особых условиях), – это Шанхайская организация сотрудничества. Однако решение Ашхабада зависит в первую очередь от его заинтересованности в развитии отношений с Китаем.

«Московский Центр Карнеги. Брифинг»,
М., 2012 г., т. 14, вып. 4, июнь.

Виталий Воробьёв,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
(МГИМО (У) МИД РФ)
СУММА СХОДЯЩИХСЯ ИНТЕРЕСОВ.
НАДО ЛИ БОЯТЬСЯ РОСТА КИТАЙСКОГО
ВЛИЯНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

По мере перемещения центра тяжести мирового развития в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона политическая значимость Центральной Азии как geopolитической сердцевины евразийского континента только возрастает. Быстро развивающееся сотрудничество Китая с данным регионом все заметнее принимает облик тесной связи. В чем состоят интересы, которые движут процессом? И сколь долговременным может быть такое взаимодействие?

Значимость региона для КНР

Центральная Азия стратегически важна для обеспечения национальной безопасности Китая. Наряду с Россией КНР рассматривает этот регион в качестве глубокого тыла, беспрогрышной опоры перед лицом все более тревожной переориентации военных акцентов Соединенных Штатов на Тихоокеанский бассейн, где китайско-американская конкуренция явно нарастает. Заметна и обеспокоенность Китая активизацией Запада в отношении Центральной Азии на фоне неопределенности будущего Афганистана.

КНР, испытывающая ощутимый ресурсный дефицит и проблемы со сбытом продукции, связывает серьезные планы со странами Центральной Азии, богатыми недрами и остро нуждающимися в идеологически не зацикленных финансово-торговых партнерах. Решение Пекина закрепиться в регионе – не тактическое маневрирование, а долгосрочный выбор. КНР умело пользуется тем, что центральноазиатские страны хотят разнообразить географию сотрудничества, а нередко даже сталкивают внешних конкурентов, чтобы извлечь всевозможные выгоды. После распада СССР необходимость экономических контактов с Китаем диктовалась отсутствием альтернативы, поскольку Россия надолго забросила регион. В этот период оживились западные правительства. Но их правозащитный и демократизаторский уклон настораживал новообразовавшиеся элиты.

За неимением серьезных промышленных товаров центральноазиатские страны занялись в этот период капитализацией территорий, т.е. выставлением на рынок источников минерального и энергетического сырья, отводом земель для прокладки крупных трубопроводов, железных и автомобильных дорог, созданием инфраструктурных объектов. Пекин не преминул грамотно и расчетливо воспользоваться этим. Он буквально ворвался в государства Центральной Азии, предлагая свои и подхватывая местные проекты. Таким образом, сегодня весь регион становится для Китая транзитным пространством в расчете на сухопутный выход в Закавказье и дальше в Европу, на Ближний Восток к Средиземному морю, через Иран к Персидскому заливу и через Пакистан к Индийскому океану (по сути, Великий шёлковый путь возрождается на новой технологической основе). Иными словами, создаются перспективные для Китая евразийские коридоры, более скоростные и дешевые, чем северные российские маршруты, которые работают уже на пределе пропускных возможностей.

Кроме того, в лице центральноазиатских стран Пекин получил крупных поставщиков ресурсов на длительную перспективу и гарантированных получателей разнообразных изделий с маркой «сделано в Китае». Так, значительные объемы нефти и цветных металлов, более половины импорта газа Китай ввозит из этого региона по удобным для него ценам.

Интересы КНР и стран Центральной Азии в торгово-экономической сфере совпали, и довольно плотно. Пекин продвигает программу построения «приграничного пояса открытости», что означает поощрение субрегиональной интеграции де-факто. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) находятся около 30 КПП, что гораздо больше, чем на всей российско-китайской границе. Торговый оборот за последние 20 лет вырос более чем в 100 раз, что создает материальный фундамент связки Китая и Центральной Азии. Чтобы его упрочить, Пекин будет действовать напористо и жестко, играть по-крупному, исходя из собственных стратегических потребностей. Похоже, что материальная составляющая связки становится в глазах КНР не внешним довеском для экономики, а весомой частью внутренних программ устойчивого роста и развития.

Деятельность КНР в целом способствует социально-экономическому развитию центральноазиатских стран, повышению занятости и образовательного уровня населения, исподволь содействует «тягиванию» региона, все еще разъедаемого центробежными тенденциями. С другой стороны, китайцы отнюдь не альтруисты, хотя и прибегают к адресной безвозмездной помощи. Крупные инвестиции и кредиты, как правило, обусловливаются приобретением оборудования и техники, т.е. работают на поддержание сравнительно высоких темпов роста китайской экономики.

Значение китайской модели

Специфическим компонентом связки Китай–Центральная Азия является политico-экономическое устройство КНР, «социализм с китайской окраской». По своей природе эта модель напоминает идеи новой экономической политики в Советской России первой половины 1920-х годов. Не зря, очевидно, в Китае на рубеже 1980-х годов, наряду с ожесточенными спорами об истории КПК после 1949 г. и роли Мао Цзэдуна, заинтересованно обсуждались взгляды Владимира Ленина, Николая Бухарина, их сторонни-

ков и оппонентов по вопросам НЭПа и путей строительства советского государства. Ленин, выдвигая в свое время тезис о неизбежности длительного периода «мирного сожительства» Советской России с государствами иного устройства, стыковал этот аспект «коренного пересмотра взглядов на социализм» с провозглашением НЭПа внутри страны «всерьез и надолго» и отсюда – с необходимостью применения «купеческого подхода» к торговово-экономическим связям с внешним миром. Созидательные процессы в духе адаптации идей НЭПа под китайскую специфику, развернувшиеся на развалинах «культурной революции», современные реалии и представления синтезировались в целостную конструкцию, имеющую три составляющие.

Во-первых, выборочное и дозированное во времени использование рыночных рычагов в экономике, широкое включение в мировое разделение труда и осмотрительное заимствование иностранного опыта, формирование привлекательных условий для привлечения зарубежных инвестиций. Такой образ действий позволил Китаю совершить «большой рывок» и стать одним из лидеров мирового развития. Достаточно напомнить, что в острокризисные 2008–2009 гг. «обвалом» в экономике Китая и не пахло, а в 2011 г. китайский ВВП прибавил 9,2% (российский – 4,3%), правда, имеет место связанные с общемировой конъюнктурой понижающаяся плавная тенденция.

Во-вторых, сохранение командных высот в руках государства, в том числе преемственность механизма долгосрочного планирования, при направляющей роли компартии со значительно осовремененной идеологией. Реформированию в политической сфере присуща заметно меньшая динамика, чем в экономике. Все делается в манере «осторожно переходить через реку, нашупывая камни на дне», что объяснимо задачей обеспечения социальной стабильности среди почти 1,5-миллиардного населения в ходе крупных перемен в материальной сфере и при неизбежном воздействии факторов открытости и глобализации в нематериальной.

В-третьих, определяемый двумя вышеназванными моментами и обслуживающий их внешнеполитический курс. Его исходным пунктом является идеология практицизма и рациональности (переложение китайского философского принципа «шишиюши», который с подачи Дэн Сяопина обрел полновесное гражданство в пылу тех же дискуссий конца 1970-х годов).

По существу, речь идет о принципе мирного сосуществования, трансформированном в соответствии с современными усло-

виями и международно-правовым полем. Его основы – невмешательство во внутренние дела, уважение выбора народами социального строя и методов развития, равенство и взаимная выгода, решение проблем политическими средствами, поощрение добрососедства – стали стержневым моментом китайской стратегии партнерства, в том числе в отношении стран Центральной Азии. С недавних пор эта политика пополнилась установкой на «гармонизацию» общества и международного взаимодействия.

Позитивная направленность китайской политики партнерства нашла отклик в правящих элитах среднеазиатских стран. Многие элементы «триады» китайской модели до некоторой степени стали для них ориентирами. Что здесь было от ощущения заброшенности после скоропалительного распада Советского Союза, что от собственного мироощущения в качестве самостоятельных, но малоопытных игроков, что от осознания в разы возросшей ответственности – все это заслуживает отдельного разбора. Поставленные перед жесткой необходимостью «учиться плавать в процессе плавания», правящие круги увидели, что Китай не отворачивается и не пользуется моментом, чтобы назидательно вмешаться, а наоборот, как бы протягивает руку, если не дружбы, то помощи. Встречного движения просто не могло не возникнуть. Настороженность сохранялась, но предубеждения стали отодвигаться на второй или третий план, а вот интересы начали сближаться.

Создание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества, политического образования несоюзного характера, придало связке Китай–Центральная Азия институциональный оттенок. Интересы шести стран-основателей (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) сошлись благодаря пониманию острой необходимости соединения усилий как в противодействии транснациональным вызовам и угрозам (международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик), так и в обеспечении условий максимально возможной стабильности для развития Центральной Азии. Побудительным мотивом послужила резко возросшая опасность, исходившая тогда из Афганистана.

Через ШОС Пекин легитимировал свой голос в делах, касающихся этого региона. Это вытекает из уставных и ряда других документов организации, из самого механизма и стиля ее функционирования. Взять, например, Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве (2007). В нем, помимо взаимных гарантий территориальной целостности, невмешательства во внутренние

дела, неиспользования своих территорий во враждебных для других участников целях, заложены далеко идущие обязательства политической направленности. Их потенциал, видимо, будет раскрыт в среднесрочной стратегии дальнейшего развития ШОС, первые шаги к разработке которой сделаны в 2012 г. на саммите организации в Пекине.

Китай в центре системы организаций

Китай настроен на то, чтобы его голос в делах Центральной Азии звучал вполне определенно, а фокус внимания ШОС, приходящийся на этот регион, не оказался размытым. Об этом свидетельствуют его позиции по нескольким актуальным проблемам.

Во-первых, Пекин отчетливо понимает, что Афганистан вновь становится головной болью для ШОС. Организация не может отстраниться от проблемы, о чем свидетельствует наделение Афганистана в 2012 г. статусом наблюдателя при активном содействии Китая. Но должна ли ШОС брать на себя роль основного внешнего актора в афганском урегулировании после 2014 г., тем самым неоправданно стимулировать перевод этой проблемы с глобального – ооновского – на региональный уровень? Ответ на этот вопрос важен как сам по себе, так и в плане связки Китай–Центральная Азия. Хотя бы потому, что речь заходит о диспозиции Запад – среднеазиатские государства, которая может оказаться неоднозначной для интересов Китая в процессе эвакуации основных американских и коалиционных сил из Афганистана через эти страны. Кроме того, Пекин, судя по всему, реально опасается дестабилизации региона из-за двигающейся с Ближнего Востока волны хаоса и воинствующего ислама. (Здесь не в последнюю очередь сказывается фактор СУАР.)

Во-вторых, взвешенный подход, который КНР демонстрирует в вопросе о расширении основного «ядра» ШОС. В немалой степени его можно объяснить резонной озабоченностью тем, что, однажды начавшись, данный процесс неизбежно выльется в непрерывные изменения расклада сил внутри «ядра».

В-третьих, если обратиться к экономической составляющей ШОС, за активизацию которой ратует Китай, тут пока много непроясненного. Пять стран – основателей организации (без КНР) входят в СНГ. С учетом уже имеющегося у Белоруссии статуса наблюдателя в ШОС и заявленного желания Украины, Армении и

Азербайджана подключиться к организации получается, что она может охватить практически всех участников СНГ, в рамках которого начато обустройство зоны свободной торговли. Россия, Казахстан и Белоруссия шагают по пути формирования Евразийского экономического союза к 2015 г. (к ним могут присоединиться некоторые среднеазиатские члены ШОС). В ходе последнего саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. подтвержден курс на создание зоны свободной торговли Тихого океана, согласован список товаров, импортные пошлины на которые снижаются на 5% (среди участников – Россия и Китай). Москва получила много предложений о создании зон свободной торговли, в том числе с Китаем и Индией. Пекин заговорил о валютном союзе в рамках АТЭС.

А как все это соотносится с программой ШОС о поэтапном создании к 2020 г. условий для свободного движения капиталов, товаров и услуг, которую пока никто не отменял и не пересматривал? Сомнительно, чтобы Китай пассивно ожидал для себя какого-то «приставного стула» при сторонних для него интеграционных объединениях и согласился с размыванием материального измерения связки Китай–Центральная Азия.

А еще есть Афганистан, Индия, Пакистан, Монголия, Иран, Турция, Шри-Ланка. Чтобы все в ШОС могли активно участвовать в деловом сотрудничестве, уже недостаточно деклараций о намерениях и документов общего плана. Шоссовскому пространству требуется взятое понимание, какие страны присутствуют в конкретных проектах, а какие разрабатывают интеграционные схемы (здесь речь может идти только о государствах-членах), как финансируются предпроектные усилия (Фонд поддержки – российская идея) и уже отобранные проекты (Банк развития – китайская инициатива). Пока этого не будет, соответствующие механизмы ШОС вряд ли станут работать с ожидаемой отдачей. Причем не только в многостороннем плане. С течением времени затруднения могут сказаться и на двустороннем уровне.

Как эти, так и целый ряд других аспектов актуализируют необходимость внутренней наладки ШОС в целях ее преимущественно интенсивного развития. Расширение географических параметров, многообразие реалий внешней обстановки уже сейчас делают насущной качественную перенастройку управляемого аппарата. Прежде всего это касается головного органа – секретариата, пребывающего в законсервированном виде с первых дней существования. Из чисто исполнительного органа с учетно-

регистрирующим акцентом ему пора становиться функциональным интегратором, сводящим воедино работу всех структурных подразделений (региональная антитеррористическая структура, будущий антинаркотический механизм, деловой совет, межбанковское объединение, научный форум, молодежная организация, а также Комитет дружбы и добрососедства, с плодотворной идеей создания которого выступил недавно Пекин). Связка Китай–Центральная Азия будет весьма важна для определения направлений дальнейшего развития организации.

Могут ли центральноазиатские государства отказаться от этой связки? Совокупно – вряд ли, в индивидуальном порядке не исключены те или иные трения. Градус взаимодействия может незначительно колебаться. В целом все эти страны заинтересованы не только в ровных отношениях с Пекином, но и в их развитии по восходящей. Негативные прогнозы, а они тоже есть, предполагают два варианта, но с одним финалом – неминуемая китайская агрессия. Первый исходит из того, что рост комплексной мощи любого государства направлен на создание материальной основы для проведения наступательной силовой политики, в том числе вооруженных захватов территорий. То есть все мирные внешнеполитические декларации китайского руководства, его дипломатическая практика, подписание обязывающих политических соглашений – лишь прикрытие, которое Пекин по своему усмотрению всегда может отбросить. Таким образом, КНР заведомо отказывают в доверии. Считается, что превращение ее в первоклассную мировую державу по определению таит в себе опасность глобального масштаба, а для сопредельных стран это чуть ли не угроза блицкрига уже не в столь отдаленной перспективе.

Несомненно, проецирование мощи государства вовне всегда имеет место, тем более в случаях, когда оно отстаивает свои национальные интересы. Разумеется, каждая страна должна быть бдительной и осмотрительной, располагать военным потенциалом разумной достаточности, поддерживать его в постоянной и надлежащей готовности. Чем крупнее и значительнее государство, тем больше по объему и более технологически разнообразен этот потенциал. Но, как показывает опыт, в современных условиях не так просто и не столь однозначно выигрышно решать вопросы обеспечения собственного влияния путем военных авантюр. Что касается КНР, то каких-либо очевидных потребностей и убедительных симптомов ее отказа от политики партнерства не обнаруживается, в том числе на примере отношений с Центральной Азией. Непо-

нятно, зачем Пекину это было бы нужно, что даст ему дополнительно? А вот невосполнимые репутационные и разрушительные материальные потери неминуемы.

Второй вариант предполагает, что Китай подвигнет к внешней экспансии нарастание кризисных явлений внутри страны. Подобные прогнозы звучат уже без малого 30 лет, еще со времен Дэн Сяопина. Особенные обострения наблюдаются накануне крупных перемен в высшем эшелоне китайского партийно-государственного руководства, которые происходят каждые десять лет. В последний период сложности подготовки к XVIII съезду КПК (ноябрь 2012 г.) наложились на отрицательные для народного хозяйства аспекты мирового финансово-экономического кризиса. То, что серьезные меры назрели, вполне понимают в Пекине. Это видно из дискуссий, которые идут открыто и широко, а также из регулирующих шагов, предпринимаемых руководством. Однако никто и нигде не ставит вопрос об отходе, тем паче об отказе от базовых установок по причине того, что они-де исторически не оправдали себя. Звучащие предложения и принятые меры не выходят за рамки частных, пусть даже серьезных по смыслу и намерениям, корректировок все той же модели, которая по-прежнему не носит мобилизационного характера. Диаметральный разворот означал бы отказ не столько от ее внешнеполитического измерения – политики партнерства, – сколько от всех сущностных черт этой модели. Получилась бы ситуация, когда лекарство от болезни – военная экспансия – оказалось бы гибельным для самого больного. Независимо от того, каким окажется персональный состав руководства Китая, крайне сомнительно, чтобы оно потеряло ориентацию во времени и пространстве.

Несмотря на некоторое торможение экономического развития и рост социальной напряженности, резервы прочности КНР значительны. Преимущество модели видится в способности постоянного самосовершенствования, в высоких адаптационных возможностях, в умелом использовании «мягкой силы» (ей придается большое значение). Все это подразумевает умеренность во внешней политике, приоритетность укрепления добрососедства по «тыловому» периметру. В этом контексте связка Китай–Центральная Азия, наряду с российским направлением, выглядит важным фактором, способствующим удержанию китайской модели в состоянии динамической стабильности. В политическом плане эта модель, взятая в неразрывном комплексе ее главных

составляющих, стратегически выгодна и для Китая, и для его соседей.

Другой сценарий предлагает рассматривать ШОС как ступень к предполагаемому созданию Евразийского военно-политического союза, который бы служил внешней формой для некоего неоимперского российского сверхдержавного проекта. Об этом в августе 2012 г. говорил генерал-полковник Леонид Ивашов на первом заседании «Изборского клуба». Утопичность идеи не отменяет вредоносности самой постановки вопроса для судеб ШОС, для позиций России в ней и для российско-китайских отношений. Ни по составу, ни с точки зрения своей философии организация добровольно не в состоянии и не захочет развернуться на 180°, с тем чтобы превратиться в механизм подчинения интересам одного государства, в объединение с ярко выраженной конфронтационной, антизападной подоплекой. Несомненно, при таком раскладе связке Китай–Центральная Азия просто не может быть места. Но на деле продвижение идеи подобного союза, напротив, решительно укрепит связку как средство противодействия потугам изменить природу ШОС. В итоге шоссовское политическое пространство окажется повернуто против России, поскольку тогда соседние страны будут видеть в сотрудничестве с Китаем страховку против нового напористого курса Москвы.

Неизбежны ли противоречия?

Российская Федерация в последние годы целенаправленно обозначает серьезность намерений возобновить активное присутствие в Центральной Азии как политически, так и экономически. Регион оказывается одновременно в двух связках – с Китаем и с Россией. Противоречат ли они друг другу? Политическая озабоченность вопросами безопасности и стабильности Центрально-Азиатского региона у России и Китая совпадает. Это показывает их тесное и плодотворное взаимодействие по всему спектру деятельности ШОС. И здесь незаметны какие-либо признаки антагонизма. В культурном плане регион есть и будет контрастно самобытным по отношению к обеим державам, а потому вряд ли следует ожидать российско-китайского противостояния в данной сфере. Намечаются две области, в которых Москва и Пекин могут оказаться конкурентами. Экономическая, что неизбежно и естественно. И в области «мягкой силы», т.е. мирного соревнования имиджей двух стран (здесь Россия пока только раскачивается).

Правда, в обоих случаях вовсе не исключается российско-китайское объединение усилий в конкретных начинаниях и проектах, будь то в рамках ШОС или в иных форматах.

Искусственное проведение подобия демаркационных или разделительных линий никуда не ведет, необходимо уживаться друг с другом, избегая открытых претензий на роль гегемона. Отношения стратегического доверительного партнерства между Россией и Китаем позволяют надеяться на такую возможность. Что до центральноазиатских стран, то и они вовсе не статисты, поскольку играют роль взаимодополняющих факторов, служащих подтверждением их суверенной самоценности и позволяющих формировать выгодные условия социально-экономического развития в рамках собственных представлений.

«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., т. 10, № 6, ноябрь–декабрь, с. 154–162.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Р. Сикоев,

востоковед

АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ АФГАНИСТАНА

Возникновение формы народовластия – демократии, предусматривавшей участие каждого гражданина в управлении государством, никогда не было реальным. Власть государства над личностью всегда оставалась более сильной. Главное, на что следует указать, это то, что с появлением государства как института управления обществом борьба между авторитарией и демократией не прекращается и по сегодняшний день.

Рассмотрение этой весьма обширной темы мы ограничим рамками афганского исторического опыта начиная со времени образования империи Дуррани (1747) до наших дней. На протяжении более чем двух веков в этой стране менялись правящие династии (садозаев сменили баракзай (мухаммадзай)). Абсолютную монархию основателя империи Дуррани Ахмад-шаха и его наследников в начале XX в. сменила конституционная монархия Амануллыхана, однако сохранявшая тенденции к авторитаризму. Республиканский строй при Мухаммаде Дауде, ликвидировавший в 1976 г. монархию Захир-шаха, на деле представлял собой авторитарную власть президента М. Дауда. Захватившая в результате государственного переворота 1978 г. власть в стране промарксистская Народно-демократическая партия установила в стране диктатуру одной партии. В конце XX – начале XXI в. власть в ходе длительной гражданской войны перешла к лидерам военно-политических группировок муджахидов, установивших в Исламском Государстве Афганистан фундаменталистский теократический режим, который в свою очередь в 1996 г. был свергнут радикальным исламистским движением «Талибан», создавшим на большей части

территории Исламский эмират с военно-теократической формой правления на основе средневековых норм шариата.

Отметим, что при всех указанных режимах главной движущей силой было стремление правителей к авторитаризму, подкрепленному этническим и религиозным факторами.

Полагаем здесь вкратце остановиться на одной важной тенденции, восходящей к глубокой древности, – стремлении к сакрализации верховной власти, что укрепляло власть, представляя верховного правителя как ставленника Бога, наделенного сверхъестественной силой, и даже как его земное воплощение. Сошлемся на авторитетное мнение Джеймса Фразера. В «Золотой ветви» он отмечал, что «соединение царского титула с отправлением жреческих обязанностей было в Древней Италии и Греции обычным делом», и далее он добавлял к этим государствам и Древний Египет, Малую Азию, Китай, Восточную Африку и Центральную Америку, в которых верховный правитель считался божеством.

Подобная тенденция к сакрализации власти была свойственна и афганским монархам. Так, эмир Абдурахман-хан, типичный автократ, чье слово было законом, в 1895 г. принял звание «светоч народа и веры» и «выступал отныне в качестве высшего духовного авторитета». Британский журналист А. Гамильтон, посетивший Афганистан вскоре после смерти эмира, подчеркивал, что «...только Абдурахман, установив автократию, окончательно уп-рочил абсолютизм эмира». Его сын и наследник эмир Хабибулла, также принявший титул «царя ислама», узурпировал религиозные функции, взяв на себя роль первосвященника (шейх уль-ислама), одновременно обладая высшей военной и судебной властью. Король Аманулла-хан, наследник Хабибуллы-хана, объявленный духовенством «царем ислама», взойдя на престол, в своем первом указе от 1919 г. заявил: «Не с легким сердцем я возлагаю на себя это тяжелое бремя имамата (духовной власти) и эмирата (светской власти)». Добавим, что формальным признанием афганского абсолютизма явились: упоминание имени монарха в пятничной молитве (хутбе), выпуск денег от его имени и передача власти по наследству.

Прежде чем перейти к вопросу о демократии в исламе и в Афганистане в частности, следует учитывать следующее обстоятельство. Современное афганское общество с началом гражданской войны вот уже более 30 лет расколото на два противоположных лагеря по этноконфессиональному и идейно-политическому

признакам, в том числе относительно устройства государства и формы управления им. По определению кабульской газеты «Пайаме муджахид», общество, особенно его политическая элита, разделилось условно на «автократов» и «демократов». Процесс поляризации сил «Пайаме муджахид» иллюстрировала на примере подхода указанных групп к следующим актуальным вопросам. Так, если «демократы» выступают за «единство религии и политики», – указывает газета, то «автократы» – за «отделение религии от политики»; если «демократы» хотят видеть Афганистан «парламентской республикой», то «автократы» стремятся к единоличной авторитарной власти и выступают за «президентскую форму правления». В административной сфере – «демократы» отстаивают принцип «выборности губернаторов», а «автократы» – принцип назначаемости их президентом. В области судопроизводства «демократы» за то, чтобы «кандидатуры судей предлагались президентом, но утверждались бы парламентом, а «автократы» считают, что назначение судей должно быть только прерогативой президента. Далее, «демократы» выступают за «бесплатное высшее образование и медицинское обслуживание народа», а «автократы» – за платные услуги в обеих сферах; «демократы» – за признание всех национальных языков страны «равными и официальными»; «автократы», хотя и признают пушту и дари официальными языками государства, выступают за то, чтобы только пушту получил статус «национального» языка страны.

Остановимся на этом вопросе более подробно. Унитаристы утверждают: федерализм – это чужеродное явление, оно не подходит к традиционному укладу жизни афганцев, эта система только усилит этнические и конфессиональные противоречия, что в конечном счете приведет к распаду страны и утрате Афганистаном суверенитета. Кроме того, федерация отнюдь не означает демократии. Что касается формы правления, то они за сильную президентскую власть.

Со своей стороны, сторонники федеративного устройства государства заявляют: унитаристы мечтают восстановить этнократию – единоличное господство пуштунов времен авторитарного правления «железного эмира» Абдурахман-хана и сконцентрировать все ветви власти в руках диктатора. Унитаризм с его властной вертикалью порождает диктатуру и тоталитаризм, подавляет права человека. Федералисты же за парламентскую республику, при которой, по их мнению, только и возможно воплотить в стране демократические принципы.

Что касается вопроса о демократии в исламе, и в Афганистане в частности, прежде всего следует напомнить следующее. Пожалуй, ни одна форма государственной власти не получала столько эпитетов, как демократия. В разные времена ее называли «чистой», «буржуазной», «революционной», «социалистической», «западной», «суворенной», «ущербной», «дефектной», «номинальной», «имитационной» и т.д. Наконец, следует упомянуть о концепциях «исламской демократии», «теодемократии» и т.п.

Все атрибуты этого понятия, как нам представляется, определялись в разные периоды истории и на разных участках ее культурно-цивилизационного пространства прежде всего конъюнктурными политическими или этноконфессиональными интересами. Остановимся на трактовке понятия «исламская демократия». Можно привести множество мнений и определений, высказанных мусульманскими религиозно-политическими авторитетами, в частности о том, что принцип иджма (консенсус) является основой исламской демократии. Ограничимся мнением Абу Ала Маудуди – известного пакистанского религиозно-политического деятеля XX в. Согласно утверждению Маудуди, в исламе нет места для демократии западного образца, она вообще неприемлема для религии ислам. «В идеальном исламском государстве, – говорил он, – суворенитет принадлежит только Богу, в общественной жизни действуют законы шариата – это и есть подлинная Конституция, дарованная Всевышним, а не написанная людьми». Со времен Пророка в исламе были заложены и действовали принципы подлинной демократии, а образцом исламской демократии была эпоха правления пророка и «праведных халифов». Маудуди, как и все исламские идеологи, перечислял принципы социальной справедливости в исламском демократическом государстве: недопущение дискриминации по расовым, языковым, территориальным и иным признакам; гарантия обеспечения народа продовольствием, жильем, трудом, медицинским обслуживанием и т.п. Гражданам в таком государстве гарантировалась безопасность жизни, чести и имущества, свобода вероисповедания и отправления обрядов, личная свобода, свобода слова, передвижения и прочие равные возможности. Заметим, однако, что все эти законы обходили стороной права иноземцев (зимми) и женщин.

«В исламском обществе, – пишет один из современных идеологов исламского радикализма Фатхи Якан, – власть принадлежит не народу, как в “демократическом обществе”, не партии, как в “коммунистическом” и прочих “социалистических” обществах».

вах, и не отдельному лицу, как это бывает в условиях диктатуры. Она принадлежит Аллаху – Создателю и Властителю всего существующего. В исламе нет места дискриминации, пристрастности, эгоизму, авторитарности, партийности, властности. Все перед законом Аллаха равны».

Главным преимуществом «исламской демократии» современная афганская газета «Муджахид» считает два принципа: бейат (присяга на верноподданность верховному правителю) и шура (совет или парламент, чьи функции исключительно сводятся к исполнению норм шариата и закона Божьего, и контролю за тем, чтобы народ следовал этим установкам). «Важно то, что в политической системе ислама, – подчеркивает дальше газета, – главенствует принцип выборности имама или эмира. Выборы четырех первых халифов проходили при участии народа, где каждый правоверный мог высказать свое мнение о кандидате на звание халифа». При этом «Муджахид» цитирует слова халифа Абу Бакра, якобы сказанные им после его избрания: «Если я буду совершать добрые дела – поддержите меня, если я совершу неправильные действия – направьте меня на правильный путь».

Суммируя, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, исторический опыт Афганистана свидетельствует, что все существовавшие политические системы государственного управления неизменно тяготели к авторитаризму. Эта тенденция сохраняется и поныне, завуалированная такими институтами, как парламент и Лояйа Джирга – всеафганское собрание. Утверждение сторонников «демократии по-исламски» о том, что в исламе заложены институты, играющие роль противовеса тенденции к авторитаризму («шура» – совет, кораническое предписание советоваться с общиной), сегодня трактуется мусульманскими улемами по-разному: одни, настроенные более либерально, считают, что шура, действительно, является основой для установления демократических норм в обществе, поскольку дает свободу волеизъявления народу при выборе лидеров государственных институтов, отражающих интересы народа; другие – сторонники консервативного подхода – считают, что шура, основывающийся на безоговорочном признании божественного суверенитета, является лишь инструментом воплощения в жизнь законов традиционного ислама, без элементов демократии. Обращаясь вновь к афганским реалиям, считаем, что в Афганистане при всех режимах шура, или шурайи мелли, так же как и Лояйа Джирга всегда играли роль консультативно-совещательных органов и не влияли, или влияли крайне

слабо, на решения сильной исполнительной власти. По мнению афганского ученого Сейида Абдуллы Казема, причина неспособности подобных институтов добиться прекращения войны и у становления мира, прежде всего, обусловлена утратой доверия к ним народа и некомпетентностью их участников. Как отмечала кабульская газета «Джамаа», в парламент всегда попадают те представители партий, которые никогда не думают о благе народа, никогда не исполняют своих предвыборных обещаний и не дают дорогу молодым и беспартийными. А еженедельник «Кабул» прямо заявлял, что в парламент попадают лишь те, кто поддерживает президента и работает в интересах США. «Ключевые посты в структурах власти занимают прежние полевые командиры муджахидов, – пишет афганская эмигрантская газета «Машал». – Большинство министров и губернаторов назначаются под давлением определенных военно-политических группировок и под именем «героев джихада» используют силу, чтобы набивать карманы, и не собираются уступать власть на местах».

И последний вопрос, на котором следует остановиться, заключается в следующем: почему демократия (в форме так называемой классической модели) не приживается в Афганистане?

Во-первых, в исламе, где отсутствует разделение религии и политики, по мнению мусульманских богословов, все сферы жизнедеятельности мусульманина определяются от рождения до смерти не рукотворными конституциями, а ниспосланным свыше Священным Кораном и шариатом, в которых закреплены все основные принципы подлинного народовластия, и необходимости в иных его формах нет.

Во-вторых, принципы демократии в ее классическом понимании не отвечают устоявшимся принципам патриархального, традиционного общества, представляющего сочетание родоплеменных и феодальных отношений и привыкшего жить по своим национальным обычаям и понятиям. Особенно наглядно это видно на примере пуштунского этноса, который считает свой кодекс чести «Пуштунвали» высшим регулятором жизни пуштунских племен и образцом народовластия.

Остановимся вкратце на вопросе «народной» или «племенной» демократии. В течение веков в результате совместного проживания общество выработало собственные нормы поведения, морали и быта, определявшие роль индивида и общины в целом. Пуштунские племена воплотили в «Пуштунвали» – неписаном кодексе чести – обычай, нравы, традиции и морально-нравственные

понятия. В числе основных принципов этого кодекса находится и понятие равенства и демократии (мосават). По мнению пуштунов, другим демократическим племенным институтом является джирга – «сход», на котором важнейшие политические, правовые, военные и другие жизненные проблемы решаются на основе консенсуса.

Ныне в условиях войны обострилась борьба между той частью общества, которая выступает за демократические перемены, и консерваторами-ретроградами, особенно религиозными деятелями, которые противятся любым попыткам изменения общественных отношений. Так, например, в октябре 2010 г. афганское телевидение показывало известную игру «Кто хочет стать миллионером», расценив ее как проявление прогресса в общественной жизни. Однако выступивший затем мулла назвал это безнравственным занятием, лишь отвлекающим мусульман от изучения религиозных догм и разжигающим страсть к наживе.

Добавим к этому высказывания кабульских газет. Если газета «Армане мелли» после парламентских выборов 2004 г. писала, что наконец-то открылся путь для демократии и отныне демократические нормы начнут претворяться в жизнь, то другая газета «Фаджре Омид» призывала сделать выбор: или остаться верными принципам ислама, или пойти по пути секуляризма, либерализма и демократии, что, по сути, представляет собой поощрение к образу жизни без морально-этических правил (призыв к отказу от чадры, сексуальную распущенность, популяризацию алкоголя и т.п.). «Подобная демократия, – заключила газета, – это власть без социально-политических и морально-культурных ограничений, и она есть оскорбление ислама».

Вопрос о форме государственного правления и дискуссия о том, какая из них (авторитаризм или демократия) более необходима и полезна обществу на определенном этапе его развития, начались не сегодня и закончатся не завтра. Сошлемся еще на один факт. Скотт Спер – адъюнкт-профессор политических наук Казахстанского института управления, экономики и стратегических исследований опубликовал статью «Позиция в отношении демократии и авторитаризма в мусульманском мире», в которой утверждает, что в ряде мусульманских стран (Ирак, Египет, Иордания, Марокко) наблюдается тенденция к демократизации общества. Особый интерес представляет его высказывание о том, что в Турции и Иране, в большей или меньшей степени, применяется демократическая практика. Оставляя эти его выводы без комментариев, мы скорее согласимся с теми, кого он называет пессимистами.

«Пессимисты утверждают, – говорит С. Спер, – что демократия никогда не сможет возникнуть в арабских обществах, поскольку демократическая практика несовместима с арабскими верованиями и ценностями».

«Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии», М., 2012 г., с. 128–134.

Александр Аксененок,
кандидат юридических наук
**ЕГИПЕТ: ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

Беспрецедентные по своему размаху и численности народные выступления в Египте в январе-феврале 2011 г. создали ту критическую массу, которая смела казавшийся незыблемым режим Хосни Мубарака. С отречением египетского президента от власти Египет, как это было не раз в его истории, совершил «прыжок в неизвестность». Полный обвал политической конструкции авторитарного государства, каким Египет по сути оставался после свержения монархии в 1952 г., знаменовал собой, при отсутствии созревшей альтернативы, начало качественно новой, во многом непредсказуемой эпохи в современном развитии этой ключевой страны Ближнего Востока. На протяжении всей современной истории Каир был лидером арабского мира, центром, от которого расходились круги политических перемен. От того, какая модель развития возобладает в Египте, во многом будет зависеть ход трансформационных процессов и в других арабских странах.

Уличные демонстрации, митинги и другие проявления масового протesta сотрясали арабский мир и раньше. Особенно часто в период четырех арабо-израильских войн, непрерывной смены режимов и внутренних потрясений 50–70-х годов прошлого столетия. Отдельные протестные выступления носили экономический характер. Теперь старый режим был свергнут не в результате военного переворота, внешнего или внутреннего «дворцового заговора». Впервые верховная власть, освященная в Египте веками ореолом если не божественности, как при фараонах, то во всяком случае непререкаемости, пала в одночасье под давлением снизу. В этом главное отличие «арабской весны» в Египте от предыдущих верхушечных перемен.

Начиная с 50-х годов, в период националистического подъема, энергия внутреннего протesta была направлена вовне, против, по арабской терминологии тех лет, «англоамериканского империализма» и «сионистского образования» – Израиля. Такая психологическая атмосфера создавалась самими властями вначале под влиянием иллюзий о возможности военной победы над Израилем, а затем искусственно, для создания образа внешнего врага, отвлекающего общество от проблем национального развития. Квинтэссенцией такого подхода был лозунг, часто повторявшийся еще Садатом: «Нет голоса выше голоса битвы». За более чем три десятилетия после заключения мирного договора с Израилем и установления тесных отношений с Соединенными Штатами «голос битвы» значительно угас, а внутренние проблемы Египта все более обострялись, особенно по мере быстрого роста народонаселения.

Режим Мубарака оставил после себя политический вакуум, который стал быстро заполняться политическими силами в самом широком диапазоне – от радикальных исламистов до интеллектуалов либерального толка, левых националистов и даже анархистов. Страна была в шаге от послереволюционного хаоса, если бы египетская армия, воздержавшаяся от силовых действий против народа, не взяла на себя роль стабилизатора. Другой сколько-нибудь влиятельной силы на эту роль в Египте к тому времени не было. Традиции обновления сверху при консолидирующей роли армии были заложены еще в правление мамлюков (XIII–XVI вв.), получили свое развитие при основателе последней египетской династии Мухаммеде Али, а затем закрепились во время Г.А. Насера и при его преемнике А. Садате, когда военные находились в «короле славы» после октябрьской войны 1973 г. На эти традиции опирался и Х. Мубарак, занимавший в то время пост командующего ВВС Египта и считавшийся одним из героев войны.

Армия, являвшаяся в Египте не только военной организацией, но и политической корпорацией, источником верховной власти, пользовалась авторитетом в народе как гарант и охранитель национального суверенитета. При этом, внешне не подменяя собой гражданские институты, она всегда в решающие моменты сохраняла за кулисами решающее слово. Многие генералы в отставке возглавляют государственные и частные компании, правительственные агентства, местные органы власти, образуя как бы «внутренний круг» политического влияния.

Выход армии на авансцену был вынужденным, предопределенным самим ходом обвальных событий января-февраля 2011 г. В тех особых условиях логика действий в конечном итоге свелась к необходимости принести «крупную фигуру» в жертву разгневанной толпе ради сохранения основ государственной управляемости в качестве спасения от анархии и хаоса. После отставки Х. Мубарака 11 февраля верховная власть в стране перешла к Высшему военному совету (BBC), состоящему из 24 военных чинов во главе с министром обороны, маршалом Х. Тантауи. Первым шагом армии, взявшей на себя ответственность за судьбы страны, было объявление о приостановке действия Конституции и о роспуске парламента. Наряду с этим по договоренности с ведущими политическими силами Совет обязался передать бразды правления (первоначально в течение полугода) демократически сформированным законодательным и исполнительным органам власти после всенародного одобрения новой Конституции и проведения президентских выборов.

Таким образом, было положено начало переходному периоду к становлению постмубараковской государственности и соответствующей ей новой политической системы. То есть начало «четвертой республике», если вести отсчет от свергнутого монархии военного переворота 1952 г. С тех пор в Египте сменилось три президента – Г.А. Насер, А. Садат и Х. Мубарак¹. При этом характер политической власти и государственного устройства, несмотря на различие в идеологической терминологии, по существу не менялся. Египет продолжал оставаться государством с сильной президентской властью и авторитарными методами правления.

¹ В короткий период после революции 23 июля 1952 г. на первый план была выдвинута фигура генерала М. Нагиба, который 8 сентября 1952 г. возглавил правительство, а 18 июля 1954 г. в связи с провозглашением республики занял пост президента. Насер и его ближайшие сподвижники рассчитывали направлять действия этого офицера, известного своей храбростью и патриотизмом, но не имевшего политического опыта. Однако этим расчетам не суждено было осуществиться. В разгоревшейся внутренней борьбе среди революционного офицерства вокруг дальнейших шагов – сохранять власть в руках армии или переходить к гражданскому правлению – М. Нагиб стал претендовать на самостоятельную роль. Пользуясь поддержкой политических партий, в том числе «Братьев-мусульман», он открыто выступил за проведение парламентских выборов и созыв Учредительного собрания. В феврале 1954 г. кризис в верхах достиг высшей точки. Верх взяло большинство военных, возглавляемых Насером. В двадцатых числах февраля Нагиб подал в отставку, которая была принята Советом революционного командования 24 февраля.

При А. Садате вначале была декларирована концепция «контролируемой демократии». В 1970–1980-е годы началась некоторая либерализация политической жизни. В рамках созданной при Насере аморфной политической организации Арабский социалистический союз (АСС) было разрешено создавать «трибуны». Затем был принят закон, легализовавший многопартийность, поставленную в строго регламентированные рамки. Насеровский АСС был заменен на образованную Садатом Национально-демократическую партию (НДП). Ей «противостояла» ручная оппозиция в лице Социалистической партии труда. Введение многопартийной системы лишь украсило режим демократическим фасадом, не придав, однако, гибкости всей политической системе. Партии не были допущены к механизму принятия государственных решений, а реальная власть все больше сосредотачивалась в руках президента. В сентябре 1981 г. по его личному указанию в тюрьмы были брошены видные представители практически всех политических течений египетского общества – левых сил, патриотически настроенной интеллигенции, либералов правого толка, мусульманских экстремистов. Это была, по выражению известного египетского журналиста М.Х. Хейкала, настоящая «осень гнева», которая вылилась в драматические события на военном параде 6 октября 1981 г. (в этот день Садат был убит мусульманскими экстремистами).

«Третья республика» Мубарака в этом смысле не претерпела серьезных новаций. Вначале Мубарак вернулся к политике ограниченной либерализации. Объявлена амнистия политическим заключенным и разрешено создание новых партий, кроме религиозной направленности. Вместе с тем регистрация партий обставлялась такими формальностями, которые давали властям широкие возможности для отказа. Новые партии все же постепенно воссоздавались, в том числе распущенная ранее правая партия Вафд, Арабская демократическая (насеровская) партия и левая «Тагамму» («Объединение»). «Братья-мусульмане» получили негласное разрешение баллотироваться на выборах под флагом легальных партий. Но на результатах парламентских выборов такая жестко управляемая сверху многопартийность не отражалась. Правящая партия долгое время получала от 80 до 98% голосов избирателей. Продолжало оставаться в силе и чрезвычайное положение, введенное с 1967 г.

Насеровский Арабский социалистический союз и правящая Национально-демократическая партия Садата и Мубарака не вы-

держали испытания временем. Это были созданные сверху громоздкие политические образования, представлявшие интересы узкого слоя коррумпированной государственной бюрократии и связанного с ней крупного капитала. Революционный взрыв 25 января соединил все его движущие социальные слои одной целью – свержение Мубарака. Именно на фигуре египетского президента и его окружения фокусировалось в тот момент острие народного недовольства. С этим символом связывались все пороки власти: огромная пропасть между богатством меньшинства и нищетой подавляющего большинства населения, коррупция, безработица среди молодежи, подавление гражданских прав и свобод в государстве, называемом в народе «государством спецслужб». С течением времени единство цели, как это не раз было в истории мировых революций, сменилось размежеванием среди самих революционеров. Переход к гражданскому правлению был в общих чертах согласован военными с ведущими политическими силами. «Дорожная карта» предусматривала вначале как бы четыре этапа: проведение свободных и демократичных парламентских выборов; формирование органа по выработке проекта новой конституции; принятие конституции всенародным референдумом; проведение всеобщих президентских выборов.

Одна из особенностей египетской революции состояла в том, что это был мощный всплеск массовых протестов без явного политического лидерства. Хотя социальная почва для народных выступлений зрела давно, события развивались подобно снежному кому, но вначале во многом спонтанно. Костяк протестующих составляли: безработная молодежь, преимущественно образованная и либерально настроенная, мелкие торговцы, материальное положение которых сильно ухудшилось вследствие мирового финансового кризиса, представители профессий среднего класса, недовольные коррупцией в верхах, непотизмом власти и авторитарными методами правления. Главным мобилизующим началом выступили новые молодежные группировки, такие как «Движение 6 апреля», «Кифая» («Довольно») и «Коалиция революционной молодежи». Сила и размах народного гнева застигли врасплох не только правящую партию, но и оппозицию. Хотя сегодня много написано о так называемых «сетевых революциях», все же главным мобили-

зующим инструментом, на наш взгляд, по-прежнему оставалась мечеть¹.

После отставки Мубарака и достижения договоренностей о параметрах переходного периода политический вакуум стал быстро заполняться старыми и новыми политическими партиями светской и религиозной направленности. Началась перегруппировка политических сил в преддверии парламентских выборов.

Другой особенностью революции 25 января было разрозненное состояние самой оппозиции. Ее широкий многоцветный спектр простирался от старейшей правой буржуазной партии «Вафд» до радикального крыла находившейся вне закона организации «Братья-мусульмане». Действовавшие легально при Мубараке светские оппозиционные партии, скомпрометированные сотрудничеством с прошлым режимом, не представляли из себя реальной силы в борьбе за власть. Они были немногочисленны и к концу правления Мубарака воспринимались в народе скорее как демократический фасад, прикрывавший диктаторскую власть. В атмосфере послереволюционных свобод на арену политической жизни вышли десятки новых партий либерального, социально-демократического и националистического толка («Свободные египтяне», Демократическая социальная партия, Народная социалистическая коалиция и др.). Однако эти образования, находящиеся на стадии становления, имели недостаточно времени, чтобы подготовиться к избирательной кампании организационно и идеологически.

Проведению парламентских выборов, разделенных по времени на три этапа (с ноября 2011 по январь 2012 г.), предшествовала ожесточенная политическая борьба. События не раз выплескивались на улицы, что грозило хаосом и неконтролируемыми последствиями уже для самого переходного периода. Главными действующими факторами на политическом поле Египта, столь неожиданно открывшимися для всех игроков, стали три центра силы – армия, набирающие силу исламистские течения и светские партии, в том числе молодежное движение, переживающее сложный этап самоорганизации и идеологической самоидентификации.

¹ Конечно, такие социальные сети, как Facebook, мобильная связь и другие средства современных информационных технологий, играли определенную роль, особенно в координации действий восставших. Однако новый импульс массовые уличные выступления получали, как правило, после пятничных проповедей.

При этом и исламисты, и младореволюционеры каждый раз в поддержку своих требований прибегали к тактике давления на военных, выводя на улицы многочисленные толпы своих сторонников.

В этих условиях Высший военный совет избрал тактику маневрирования. С одной стороны, данные народу обещания в целом выполнялись, что несколько разрядило обстановку: отменено чрезвычайное положение, распущена правящая партия НДП, проведен референдум по изменению антидемократических статей Конституции, начаты коррупционные процессы над бывшими министрами и бизнесменами, приближенными к прошлому режиму. К суду были привлечены также Мубарак и его сыновья. В то же время армия строго давала понять, что больше не может допустить «диктата улицы» ввиду нависающей угрозы экономического хаоса, роста преступности и конфессиональных междоусобиц.

За время, прошедшее после крушения «третьей республики», площадь Тахрир, ставшая символом революции, заставляла военных действовать осмотрительно, идти на дозированные уступки то одной, то другой стороне. Можно полагать, что их главная задача на переходном этапе состояла в том, чтобы создать условия для реформ и изменения характера политической системы без коренного слома вековых устоев национальной государственности. Такая тактика «балансирования на грани» позволяла путем дозированного применения силы гасить вспыхивающие волнения и переводить их в плоскость диалога и компромиссов. Вместе с тем авторитет армии не раз подвергался серьезным испытаниям.

Если в январе 2011 г. демократы скандировали: «Народ и армия – одна рука», то по мере обострения политической борьбы вокруг ключевых вопросов будущего Египта настроение улицы начинало меняться. С июля 2011 г. все чаще стали звучать лозунги: «Долой военное правление», «Армию в казармы», выдвигались требования передать власть правительству национального единства или какому-то гражданскому переходному органу. Отношения BBC с исламистами, с одной стороны, и младореволюционерами – с другой, развивались от кризиса к кризису. Военные как бы получали сигналы: «Народ не забыл дорогу на площадь Тахрир».

В ходе жарких политических баталий, сопровождавшихся непрекращавшимися всплесками массовых волнений, стали вырисовываться и ведущие фигуры на многоцветном политическом ландшафте послереволюционного Египта. По мере того как в практическую плоскость вставали ключевые вопросы конституционно-политической трансформации (сроки проведения парламент-

ских и президентских выборов, выработка новой конституции, определяющей основы государственного строя), становилось понятным: на первый план в заполняющемся политическом вакууме выходят исламистские течения.

Движения, использовавшие ислам в политических целях, имеют в Египте давнюю историю. Ассоциация «Аль-Ихван аль-Муслимум» («Братья-мусульмане») ведет свое начало с 1927 г., когда ее основатель и лидер Хасан аль-Банна начал проповедовать необходимость широких реформ в стране на основе возрождения «чистого ислама». Традиционные проповедники того времени лишь провозглашали общие религиозные постулаты и призывали вернуться к «подлинному» исламу времен Пророка Мухаммеда. В отличие от них новое учение требовало проведения серии религиозных, социальных, экономических и политических реформ, которые превратили бы страну в мусульманское теократическое государство. Расширению влияния «Братьев-мусульман» в массах способствовала также социальная деятельность среди египетской бедноты: открытие школ, больниц, кооперативов для своих последователей; распределение благотворительной помощи. Уже к началу Второй мировой войны «Братья-мусульмане» превратились в массовую политическую организацию, отличавшуюся фанатичностью, сплоченностью и дисциплинированностью членов. В 1940 г. ими была создана тайная военная организация, призванная проводить террористические акты против своих противников. С тех пор от рук террористов – членов этой организации или ее последующих многочисленных ответвлений погибли многие видные египетские государственные деятели и иностранные граждане. В их числе премьер-министр Египта Ан-Нукараши, объявивший 8 декабря 1948 г. о роспуске «Братьев-мусульман», и президент Египта А. Садат, заключивший в 1979 г. мирный договор с Израилем.

Несмотря на то что до революции 1952 г. организация «Братья-мусульмане» была под запретом, она оставалась наиболее массовой и дисциплинированной политической силой. «Свободные офицеры» во главе с Г.А. Насером, прия к власти, не случайно в первый период революции стремились привлечь «Братьев» к сотрудничеству. У многих в то время даже сложилось впечатление, что революция – дело рук «Братьев-мусульман». Однако тогда они явно переоценили свои возможности, посчитав, что могут повести за своими лозунгами неискушенных в политике молодых офицеров. Обострившиеся отношения с новой военной властью быстро переросли в конфликт, завершившийся в пользу

Г.А. Насера. Организация «Братья-мусульмане» вновь была запрещена, а после неудавшегося покушения на Насера 26 октября 1954 г. были произведены массовые аресты ее членов, захвачены большие тайные склады оружия, шестеро обвиняемых по приговору суда были повешены. «Братьям-мусульманам» был нанесен сокрушительный удар, от которого эта организация смогла оправиться только в 80-е годы.

В правление президента Садата и при Мубараке исламисты умело пользовались относительными политическими свободами при «управляемой» многопартийной системе, хотя запрет на регистрацию политических партий по религиозному признаку по-прежнему сохранялся. Наряду с восстановлением нелегальной организационной структуры, они продвигали в парламент близких к ним политических деятелей под флагом легальных партий или в качестве «независимых» кандидатов. Так, на парламентских выборах 2005 г. «Братья-мусульмане», выступавшие по одномандатным округам как «независимые», получили 20% депутатских мест.

Вместе с тем следует отметить, что на начальном этапе массовых выступлений в январе 2011 г. исламистские лозунги полностью отсутствовали. Исламисты, как и другие, в том числе легальные политические силы, были застигнуты врасплох силой и размахом народного гнева. Сама организация в то время переживала внутренние трудности, пытаясь преодолеть раскол по линии «поколенческого разрыва» между традиционалистами и молодыми современными исламистами, выступавшими за приоритет политических методов борьбы с использованием всех доступных легальных каналов.

Поначалу руководство движения «Братьев-мусульман» предпочло действовать совместно со светскими партиями, присоединившись к спонтанно образованной, но потом развалившейся коалиции оппозиционных сил, возглавить которую пытался бывший Генеральный секретарь МАГАТЭ М. Аль-Барадеи. Далее, в обстановке победной эйфории исламисты сумели поймать революционную волну и быстро выдвинуться на ведущую роль в трансформационном процессе. Само движение быстро преобразовалось в политическую партию «Свобода и справедливость», представляющую его более или менее умеренное крыло. Наиболее консервативные исламисты, относящиеся к салафитам, сумели объединиться в свою легальную партию под названием «Ан-Нур». К ней примкнули и члены ранее действовавших в Египте террористических организаций, таких как «Аль-Джихад Аль-Исламий»,

«Ат-Такfir валь-Хиджра» и др. В целом на парламентские выборы исламистское движение вышло несколькими партиями с религиозной окраской, но разной степенью радикализма выдвигавшихся требований.

На другом фланге политического спектра предпринимались усилия по объединению левых и либеральных сил в отдельные партии и партийные коалиции на блоковой основе. Однако светские партии, традиционные и новые, в итоге не смогли найти привлекательную альтернативу лозунгам исламского обновления и социальной справедливости.

С отстранением от власти «диктаторского» режима революционные активисты, особенно в среде египетской молодежи, связывали надежду на лучшую жизнь. Одержанная победа на площади Тахрир вернула египтянам попранное национальное достоинство, придало им уверенности в способности определять собственную судьбу. Чувство гордости вызывало и то, что египетская революция, поднявшая демократические лозунги, получила поддержку ведущих мировых держав и вновь вывела Египет в центр международного внимания.

Однако вскоре все больше стали давать о себе знать противоречия между ожиданиями, порой завышенными, и отсутствием возможностей для их быстрой реализации. Послереволюционный экономический спад сопровождался значительным ухудшением материального положения большинства населения (цены на продовольствие выросли на 50%). Участившиеся забастовки рабочих госсектора только усугубили надвигающийся кризис. Развал правоохранительной системы (полиция скомпрометировала себя, применив чрезмерную силу против демонстрантов в начале январских событий 2011 г.) привел к беспрецедентному для Египта разгулу преступности. Начались столкновения на конфессиональной почве, в то время как отношения между мусульманами и христианами-коптами традиционно отличались миролюбием и взаимной терпимостью.

В этих условиях эйфория от одержанной победы постепенно стала уступать место разочарованию и политической апатии. Молодежные движения, не сумев нацелиться на перспективу, пытались поддержать протестную энергию требованиями решительного разрыва с «прошлым». Отношения активистов молодежных движений и правозащитников с военным руководством складывались крайне сложно. Революционная молодежь в ответ на жесткие действия по восстановлению порядка обвиняла военных в попыт-

ках «украсть революцию» и восстановить прежний режим в новом обличье. Военные подвергались критике за попытки восстановить действие некоторых чрезвычайных законов, введение практики военных судов над гражданскими лицами, за преследования журналистов, хотя в целом со временем смены режима египетские средства массовых коммуникаций стали пользоваться беспрецедентной свободой. Выдвигались требования провести реформирование полицейского аппарата и всей системы МВД, не ограничиваясь преданием суду бывшего министра внутренних дел и увольнением ряда высших офицеров по обвинению в превышении полномочий в период январских народных выступлений 2011 г.

Особенно острый кризис между обеими сторонами, военными и молодежными организациями, возник в ноябре-декабре 2011 г., когда властям для нейтрализации очередной волны массовых протестов пришлось применить силу. BBC даже обвинил организаторов уличных выступлений в попытках «разрушить страну» при подстрекательстве извне (Financial Times, December. 20.2011).

В отличие от младореволюционеров, исламисты в отношениях с военными властями вели себя более осмотрительно. Конфликт с Насером после революции 1952 г. и последовавшее за этим поражение «Братьев-мусульман», видимо, не были забыты. Сразу был взят курс на победу в ходе парламентских выборов и выработана действенная тактика. Исламистское движение сумело использовать богатый организационный опыт, открытость информационного пространства и, конечно же, мечеть, чтобы привлечь к себе симпатии населения, разочаровавшегося в традиционных политиках. Важную роль при этом играли такие формы работы в массах, как участие в благотворительной, культурно-просветительской деятельности, в программах социального обеспечения египетской бедноты (около 40% населения), в финансовой поддержке малого бизнеса через неправительственные организации и профессиональные ассоциации.

Вместе с тем по принципиальным вопросам исламисты последовательно вели свою линию на постепенный захват властных рычагов, доходя порой до грани конфликта в отношениях с военными. Это касалось в первую очередь ключевых положений новой Конституции.

Вначале казалось, что генералы настроены примирительно по отношению к умеренному исламизму, рассматривая «Братьев-мусульман» как реальную силу, способную нейтрализовать улич-

ные страсти. BBC не прислушался к мнению светских партий отсрочить проведение парламентских выборов и одобрил выгодную для исламистов схему – вначале парламентские выборы, а затем формирование на этой основе Конституционного собрания по выработке проекта конституции. Но к лету стало понятно, что, получив большинство мест в парламенте, исламисты смогут взять под контроль весь конституционный процесс. Тогда военными был подготовлен проект базовых конституционных принципов, допускающих уход армии из-под парламентского контроля и ее право как «гаранта конституционной законности» вмешиваться в законотворчество путем отмены тех законодательных актов, которые, по ее оценке, противоречат Конституции. В ответ исламисты прибегли к уличным протестам и угрозам «второй революции», достигшим своего пика в июле-августе. Военные в тот момент вынуждены были отступить.

Таким образом, накануне парламентских выборов, первый этап которых начался 29 ноября 2011 г., большинство египетских экспертов и политологов с уверенностью прогнозировали успех обновленному исламистскому течению в египетской политике. Весь вопрос был в том, каков окажется масштаб этого успеха. Сами «Братья-мусульмане» скромно заявляли, что не претендуют более чем на 30% мест в нижней палате парламента. В ходе избирательной кампании обстановка была настолько накалена, что рассматривался даже такой сценарий, как отсрочка выборов по соображениям безопасности. В конце концов военными было принято решение не менять своих обязательств во избежание дальнейшей эскалации напряженности. Против претензий армии на продление переходного периода решительно восставали как светские партии, так и исламисты, и армия чутко улавливала настроение египетского общества.

Три тура выборов в нижнюю палату парламента, проведенные в период с 29 ноября 2011 г. по 11 января 2012 г., принесли «ожидаемую неожиданность». Уже в первом туре партия «Свобода и справедливость» («Братья-мусульмане») получила 36,6% голосов избирателей. Однако поистине ошеломляющими, даже для самих египетских политиков, стали результаты голосования по кандидатам от партии «Ан-Нур». Эта партия, представляющая крайне жесткое направление в исламском политическом течении, так называемых салафитов, получила 24,4% электоральной поддержки. Если к этому прибавить голоса, собранные другой сравнительно умеренной исламской партией «Аль-Васат», то по итогам уже пер-

вого тура египетские исламисты набрали в целом около 65% голосов. Блок светских партий сумел заручиться поддержкой только 15% избирателей, а объединения «революционной молодежи» провели в законодательный орган лишь менее десятка своих представителей. Серьезное поражение потерпели также «независимые» кандидаты, известные своей принадлежностью к распущенной бывшей правящей партии или близостью к прежней власти. Во втором и третьем турах исламисты упрочили свои лидирующие позиции, получив в общей сложности более двух третей мест в нижней палате египетского парламента (46% – партия «Свобода и справедливость» и 25% – партия «Ан-Нур»). Остальные 29% были поделены между «независимыми» депутатами и партиями-аутсайдерами, представляющими светские демократические течения.

Итоги первых послереволюционных выборов показали, что большинство избирателей выказалось в пользу религиозного традиционализма, связывая именно с этой идеологией своего рода нового национализма понятия социальной справедливости, национального достоинства, а также надежды на лучшую жизнь. С другой стороны, это было безусловным выражением вотума недоверия в адрес тех политиков, которые выступали как с либерально демократических, так и с левых или традиционно националистических позиций. Триумф исламистов на выборах, позволивший им поставить под свой контроль законодательную власть, хотя и явился индикатором послереволюционных настроений простого египтянина, мало что изменил в общей расстановке политических сил. Реальные рычаги власти по-прежнему оставались в руках армии, которая начала принимать меры к тому, чтобы адаптироваться к новой ситуации. Тем более что временные рамки переходного периода и последовательность демократических процедур четко определены не были. Главные болевые точки, вокруг которых развернулась острая борьба после парламентских выборов, сводились к достижению договоренностей о порядке выработки новой конституции и о сроках проведения президентских выборов.

Получив по сути дела квалифицированное большинство в парламенте, исламистские партии вопреки их предвыборным заявлениям об уважении многопартийности и прав меньшинства с самого начала нацелились на формирование практически в том же соотношении и Конституционного собрания – так называемого Комитета-100. Это позволило бы им решить в свою пользу такие ключевые вопросы будущего государственного строя, как форма правления и роль ислама в общественной жизни. Однако все по-

пытки исламистов монополизировать конституционный процесс встретили сопротивление военных, поддержанных в этом случае большинством светских партий и коптским меньшинством. Конституция как Основной закон государства, говорили они, – документ длительного действия. Поэтому она должна отражать не буквальные итоги выборов, а неизменные политические принципы и механизмы осуществления государственной власти, являясь плодом усилий всего общества, символом общенационального согласия. Союзником BBC в этих дискуссиях выступала и такая авторитетная сила, как выступающий с позиций умеренности исламский университет «Аль-Азхар», традиционно считающийся в Египте толкователем исламских канонов.

По итогам выборов сложилось такое положение, при котором поле внутриполитической борьбы пролегало не только между военными, светской частью общества и исламистами. Неожиданный успех египетских салафитов изменил ситуацию. Многие египетские политологи прогнозируют усиление внутренней борьбы в самом исламистском политическом движении.

Программы «Братьев-мусульман» и салафитов далеко не совпадают. Лидеры салафитских группировок, действовавшие до революции в глубоком подполье, в своих проповедях вообще отвергали демократию представительного типа. Сами люди, утверждали они, не могут принимать законы, подменяющие законы Аллаха. Приняв участие в парламентских выборах через спешно созданную партию «Ан-Нур», салафиты несколько смягчили эти акценты. Но суть их программных требований осталась прежней: добиваться принятия такой конституции, которая гарантирует «исламскую идентичность» Египта, исламизацию, хотя и постепенную, всех сторон общественной жизни. В этом смысле египетский салафизм берет за основу саудовскую модель государства и общественного устройства. По данным официальной египетской печати, благотворительные организации этого толка получили в прошлом году более 65 млн. долл. США финансовой помощи от доноров из арабских государств Персидского залива.

Руководство более умеренных «Братьев» опасается, что ультраконсервативное крыло исламистов будет теснить их на религиозном фронте, вынуждая занимать излишне жесткие позиции. В этом случае они окажутся перед дилеммой: либо рисковать потерей влияния среди своей социальной базы, либо поставить под угрозу отношения с Западом, в первую очередь с США, в финансовой помощи которых Египет сильно нуждается. В первую

очередь это касается таких вопросов, как пределы и скорость введения в общественную жизнь строгих шариатских норм, регулирующих положение женщин, употребление алкоголя, судопроизводство, личные свободы граждан. «Братья-мусульмане», программа которых строится на принципах социально ориентированной рыночной экономики, видят в жесткой исламизации серьезные преграды для иностранных инвестиций и угрозу для туристического сектора Египта, одного из главных источников валютных поступлений. Умеренные исламисты не одобряют участившиеся провокации мусульманских фанатиков против египетских коптов, исходя из того, что межконфессиональная рознь подрывает усилия по выводу страны из экономического кризиса.

Разногласия среди египетских исламистов имеют также серьезный внешнеполитический аспект, причем не только в региональном, но и в глобальном масштабе. На Египте, этой первой арабской стране, заключившей мирный договор с Израилем, покоятся вся, пока еще шаткая, система региональной стабильности. Велика была и его роль в сдерживании исламского экстремизма и великодержавных амбиций Ирана. Теперь, когда исламисты становятся доминирующей силой в египетской политике, возникают вопросы, какова будет судьба мирного договора, как будут складываться отношения Египта с палестинцами, особенно с близким к «Братьям-мусульманам» по идеологии радикальным крылом «Аль-Хамас», какие корректировки в целом претерпит египетская дипломатия в Ближневосточном регионе. Конечно, быстроеозвращение Египта в мировую политику в качестве влиятельного игрока в скором времени вряд ли возможно. Слишком тяжел груз внутренних проблем.

Вместе с тем уже сейчас прослеживаются признаки, позволяющие прогнозировать более самостоятельную и нюансированную внешнеполитическую линию Египта, особенно на региональном направлении. При любом внутриполитическом раскладе новая власть не может не считаться с тем сигналом, который дала египетская революция. Хотя ее причины имели преимущественно внутреннее происхождение, все же свою роль сыграли такие общественные настроения, как недовольство слишком большой зависимостью от США и Израиля и принижением ведущей роли Египта на Ближнем Востоке. Исламисты пока не определились, как дальше выстраивать отношения с Израилем. На этапе, когда переход к гражданскому правлению не завершен, они поспешили успокоить Запад заверениями о намерении соблюдать мирный до-

говор. В то же время они дают понять, что речь может идти о пересмотре его некоторых, невыгодных для Египта положений. Так, например, в программе «Братьев-мусульман» говорится о необходимости начать переговоры об изменении условий газовых контрактов с Израилем: «Унизительное падение статуса Египта и его роли на международной арене зашло настолько далеко, что Египет продавал газ и нефть сионистским оккупантам Палестины и Иерусалима по самым дешевым (ниже рыночных) ценам, в то время как сами египтяне остро нуждались в топливе» (The new Egypt, Financial Times, special report, Thursday December, 22, 2011, p. 4).

После парламентских выборов противостояние двух ведущих центров силы – армии и набиравших политический вес исламистов – проходило на фоне массовых выступлений с требованиями ускорить переход к гражданскому правлению и не допустить реставрации прежнего режима. Между тем к маю 2012 г. стало понятно, что конституционный процесс зашел в тупик и дискуссии вокруг состава Конституционного собрания раскололи египетское общество. В этих условиях ВВС обратился к судебным рычагам, переведя политическую борьбу в юридическое поле. 10 апреля Административный суд Каира принял решение о роспуске «Комитета-100» на том основании, что его состав не отражает социально-политическое разнообразие египетского общества.

Вопрос о сроке президентских выборов приходилось решать в обстановке периодических всплесков уличной активности с нарастающими требованиями к военным не затягивать с передачей власти. Изначально ВВС планировал их проведение на осень 2012 г. Но быстро меняющаяся ситуация заставила военных пойти навстречу политикам, объединившимся на платформе «армия, уходи в казармы». Давление снизу было настолько сильным, что обстановка в любой момент могла выйти из-под контроля. В то же время военные старались не допустить такого усиления исламистского движения, которое могло бы радикально изменить баланс сил и поставить под угрозу корпоративные интересы самого армейского истеблишмента. Подозрения в отношении реальных планов «Братьев-мусульман» усилились после того, как в нарушение их прежних обязательств не участвовать в президентских выборах генеральный секретарь движения М. Хусейн 20 марта объявил о решении руководства «Братьев» выставить своего кандидата. Это решение мотивировалось изменением обстоятельств в связи с тем, что ВВС отказался предоставить парламенту полномочия формировать правительство. Представители партий радикальных исла-

мистов приветствовали эту инициативу и заявили о готовности начать консультации о выдвижении единого кандидата. Таким образом, возникала опасность, что к моменту перехода к гражданскому правлению вся полнота законодательной и исполнительной власти сосредоточится в руках исламистов.

К президентским выборам, назначенным на 23–24 мая, Египет подошел в обстановке политической неопределенности и бурлящих уличных страстей. Если первоначально президентские выборы планировались как заключительная фаза переходного периода, то после принятого под давлением решения о переносе выборов на более ранний срок возник своеобразный юридический казус: страна получала президента без конституционных полномочий.

По мере приближения президентских выборов, когда недоверие между военными и исламистами быстро нарастало, достижение договоренности о поддержке компромиссного кандидата стало практически невозможным. Вместе с тем ни одна из сторон не прибегала к вооруженному насилию. Борьба за властные рычаги по-прежнему велась юридическими средствами, через судебные инстанции и Центральную избирательную комиссию, состав которых со временем падения режима Мубарака не претерпел изменений.

Уже в разгар избирательной кампании ЦИК дисквалифицировал десять кандидатур на президентский пост. Среди них был кандидат от «Братьев-мусульман» мультимиллионер Хейрат Шатер и его соперники: бывший шеф египетской разведки Омар Сулейман и консервативный исламист, пользующийся поддержкой салафитов, Хазель Абу Исмаил. Предвидя возможность отстранения Х. Шатера от участия в выборах (при Мубараке он был приговорен к тюремному заключению на четыре года и был освобожден после февральских событий 2011 г. без формального снятия с него обвинения), «Братья-мусульмане» задействовали запасной вариант. На пост президента была выдвинута кандидатура другого видного исламистского деятеля, лидера партии «Свобода и справедливость» и бывшего парламентария М. Мурси. Главными фаворитами на выборах от военных считались бывший премьер-министр (был при Мубараке также командующим ВВС) Ахмед Шафик и, в качестве второго номера, бывший министр иностранных дел и генсек ЛАГ Омар Муса.

Это решение по формальным юридическим мотивам продемонстрировало как бы политическую беспристрастность ЦИК и

позволило выбить из «игры» самых одиозных кандидатов (О. Сулейман являлся «правой рукой» Мубарака, а Х. Абу Исмаил – наиболее консервативным исламским деятелем, ратовавшим за исламизацию).

Первый тур президентских выборов не выявил победителя. Сложилась ситуация, когда избиратели оказались перед трудным выбором. Во второй тур вышли кандидаты, представляющие две полярные части египетского общества – находящуюся под влиянием политического ислама и светскую, для которой исламизация означает подрыв традиционных египетских традиций веротерпимости, социальной свободы и открытости перед внешним миром. Между этими двумя полюсами опросы общественного мнения показывали большое количество (до 40%) не определившихся избирателей, колеблющихся между страстным желанием перемен и боязнью дальнейшей дестабилизации обстановки. Для многих египтян обе альтернативы – возврат к прежнему режиму и неопределенность будущего в случае монополизации власти исламистами – представлялись одинаково неприемлемыми.

За время, прошедшее после парламентских выборов, психологическая атмосфера в египетском обществе во многом изменилась. Прежний революционный энтузиазм, несмотря на продолжавшиеся уличные выступления, значительно угас, уступив место усталости от политики и разочарованию. В условиях ухудшения материального положения большинства населения на первый план вышли насущные проблемы жизнеобеспечения. Быстро нарастила безработица, ползла вверх инфляция, что вынудило переходное правительство истратить 2/3 валютных резервов на поддержание египетского фунта (Financial Times, June 20, 2012). Отток капитала в условиях сохраняющейся неопределенности, резкого повышения уровня преступности и межрелигиозной розни привел к замораживанию деловой активности, а получение внешних кредитов оказалось в зависимость от политической стабилизации.

Помимо вышеуказанных факторов военные рассчитывали, что успех своему кандидату, хотя он и был частью прежнего режима, может быть обеспечен и за счет ошибок, допущенных исламистами. Получив большинство в парламенте, «Братья-мусульмане» не воспользовались этой возможностью, чтобы поставить на повестку дня жизненно важные для всех египтян проблемы экономики, безопасности, межконфессиональных отношений. Вместо этого, вопреки предвыборным заявлениям о готовности сотрудничать с другими политическими силами, исламист-

ское течение встало на путь монополизации власти. Тем самым исламисты оттолкнули от себя те социальные слои, преимущественно часть среднего класса, которые «делали революцию».

16 июня, накануне второго тура президентских выборов, BBC издал указ о роспуске нижней палаты египетского парламента в соответствии с принятым двумя днями раньше решением Конституционного суда о том, что выборы прошли с нарушениями избирательного законодательства. Через два дня было объявлено о принятии Советом дополнений к конституционной декларации, наделяющих BBC такими полномочиями, как контроль над военным бюджетом, право вето на те или иные положения в проекте будущей Конституции, а также прерогативы президента по вопросам войны и мира. Согласно этим положениям BBC получил также право формировать состав будущего Конституционного собрания. Таким образом, вплоть до выборов нового парламента в отведенный для этого Конституционным судом двухмесячный срок военные намеревались оставить за собой и законодательную власть.

Решительные и довольно неожиданные действия военных вызвали новый всплеск массовых протестов с обвинениями армии в «мягком перевороте» против «революции», в попытках затянуть переходный период и ползучим путем реставрировать прежний режим. Площадь Тахрир вновь начала набирать ту критическую массу, которую невозможно контролировать мирным путем. С этим армия не могла не считаться. Сами «Братья-мусульмане», впрочем, воздерживались от агрессивных призывов, стараясь не провоцировать ее. Со своей стороны BBC принял превентивные меры путем усиления мер безопасности. На улицы в крупных городах страны была введена военная техника. В обращении BBC к народу было заявлено, что армия «твердо» ответит на любые попытки «нанести ущерб общественным и частным интересам».

Второй тур президентских выборов, состоявшийся 16–17 июля, принес победу кандидату от «Братьев-мусульман» М. Мурси¹. С минимальным отрывом (51,7% против 48,3%) он

¹ Мурси родился 20 августа 1951 г. в семье зажиточного крестьянина. В 1978 г. закончил инженерный факультет Каирского университета и продолжил учебу в США. В 1982 г. получил степень доктора наук в университете Южной Калифорнии и три года проработал в Калифорнийском университете в Нотбридже. В 1985 г. вернулся в Египет, хотя перед ним открывалась успешная научная карьера в США. С 2000 по 2005 г. был депутатом египетского парламента. За участие в политической деятельности запрещенного движения «Братья-мусульмане» дважды подвергался тюремному заключению.

опередил бывшего премьер-министра – генерала А. Шафика. Высший военный совет признал победу исламистского кандидата, который в отсутствие парламента был приведен к присяге перед Конституционным судом. Избрание М. Мурси президентом Египта (первый с 1952 г. президент – выходец не из военной среды) по первоначальным договоренностям не должно было стать заключительным актом переходного периода. Окончательная передача власти от военных гражданским институтам планировалась после разработки проекта новой Конституции Египта и проведения новых парламентских выборов в отведенный для этого двухмесячный срок.

Однако двоевластие в Египте, сопровождавшееся тягучим противоборством в политико-правовом поле, продолжалось не более двух месяцев после президентских выборов. 12 августа президент Египта, считавшийся недостаточно сильной фигурой даже в руководстве «Братьев-мусульман» и урезанный военными в своих властных прерогативах, сделал неожиданно сильный ход. Логика внутриполитического развития на протяжении переходного периода не предвещала такого развития событий.

М. Мурси издал президентские указы об отставке главы ВВС, министра обороны М.Х. Тантауи и начальника Генерального штаба С. Аннана. Теми же указами была отменена принятая ранее военными конституционная декларация, предоставлявшая армии расширенные полномочия. Кроме того, в отставку были отправлены командующие ВВС, ПВО и ВМС и произведен ряд новых назначений среди генералитета. Маршал Тантауи и генерал Аннан представлены к высшей награде Египта – ордену Ниля и назначены советниками президента. Объясняя свои решения, М. Мурси заверил, что действует «во благо народа и страны» и призвал армию сосредоточиться на выполнении своей главной задачи – «священной миссии по защите родины». Тем самым в отсутствие парламента, распущенного военными накануне президентских выборов, к президенту перешли все рычаги законодательной и исполнительной власти, а египетские исламисты получили практически неограниченные возможности держать под своим контролем выработку проекта новой Конституции.

Возникают вопросы: в чем причины такого ускоренного развития событий, хотя передача власти новой правящей элите – победившему исламистскому течению – была по сути дела предрешена; почему армия, взявшая на себя роль хранителя светских

устоев государства и гаранта упорядоченного течения переходного периода, так быстро сдала свои позиции?

В основе решения президента взять на себя всю полноту верховной власти лежал, по нашим оценкам, целый ряд факторов внутреннего и внешнего порядка. Безусловно, это, казалось бы, смелое и в то же время драматическое по своим возможным последствиям решение не было спонтанным. Президентские указы от 12 августа не могли быть приняты без достижения предварительных закулисных договоренностей о взаимных обязательствах. Как сообщало агентство Рейтер со ссылкой на заместителя министра обороны Мухаммеда аль-Асара, этому предшествовали консультации с Высшим военным советом, в том числе по вопросу гарантий со стороны новой власти от уголовного преследования военных в будущем и сохранения за ними ряда прежних позиций в органах исполнительной власти и бизнесе. Опасения в египетских политических кругах относительно вероятности военного путча по подобию событий в Алжире января 1992 г., приведших к кровавой десятилетней гражданской войне, оказались напрасными. Армия не могла не считаться с той массовой поддержкой, которую получил демократически избранный президент, обратившийся напрямую к народу на площади Тахрир. Немедленный переход к гражданскому правлению стал с тех пор лозунгом дня среди широкого круга политических сил. Свою роль сыграло и то, что итоги выборов получили всеобщее признание, а движение «Братья-мусульмане» приобрело международную легитимность, особенно со стороны США и Евросоюза, в финансовой помощи которых Египет на этом этапе сильно нуждается.

Реформаторы, составляющие ядро «Братьев-мусульман», заверили внешний мир в своей готовности «играть» по демократическим правилам и проводить линию на интеграцию в мировую экономику. Сразу после избрания на пост президента М. Мурси заявил о своем выходе из партии, чтобы стать «президентом всех египтян». В своем первом обращении к нации он призвал сограждан к национальному единству «вне зависимости от партийной принадлежности», подчеркнув, что Египет является правовым государством, и подтвердил намерение соблюдать все взятые им на себя международные обязательства. Позднее пресс-секретарь главы государства со всей определенностью заявил, что Египет не намерен пересматривать мирный договор с Израилем.

На руку новому президенту пришла также резкая эскалация напряженности на Синайском полуострове после того, как

исламистские боевики нанесли удар по египетским военнослужащим на КПП между Египтом и сектором Газа и прорвались на территорию Израиля. Это явилось удобным поводом для президента продемонстрировать свою власть, отдав приказ о начале антитеррористической операции на Синае против тех исламистов джихадистского толка, с которыми «Братья-мусульмане» ранее поддерживали контакты. Положив конец двоевластию и неопределенности в порядке принятия политических решений, августовские события де-факто подвели черту под затянувшимся переходным периодом, негативные последствия которого все сильнее сказывались, особенно на экономическом положении страны. Завершающая фаза этого периода была проведена в чисто египетских традициях. Военным дали возможность «сохранить лицо», а новая власть, не отказавшись полностью от ранее согласованных «контролей», возможно, и не без участия внешних посредников, получила возможность консолидировать свои позиции. Вместе с тем следует иметь в виду, что по итогам президентских выборов исламистский кандидат победил с небольшим перевесом голосов. Другая довольно значительная часть египетского общества с большим подозрением относится к новой монополизации власти и имеет возможности для самоорганизации. Какую бы форму ни приобрело гражданское правление в Египте, в течение длительного времени новая власть будет находиться под постоянным давлением снизу. Народ хочет быстрее получить материальные дивиденды от «революции», в то время как финансовые средства и резервы для популистских мер исчерпаны. В любом случае риски для пришедших к власти исламистов настолько велики, что нельзя исключать тех или иных поворотов в соотношении политических сил, в том числе в ходе готовящихся новых парламентских выборов. Кроме того, списывать со счетов такой фактор, как влияние армии, представляется преждевременным.

В перспективе можно ожидать теократизации демократически избранных институтов, хотя возможность исламской, но демократической по своей сути модели остается. Причем не иранского образца радикального исламского государства и даже, возможно, не турецкого.

Жесткая президентская форма правления, по-видимому, себя исчерпала. Свержение режима Мубарака показало, что эта модель отвергается обществом, как ассоциирующаяся с диктатурой. В то же время с учетом многовековых исторических традиций Египет трудно представить себе и парламентской республикой европей-

ского типа. Политические традиции и склад ментальности в арабском обществе отличаются крайней живучестью. Итоги президентских выборов показали, что М. Мурси не располагает подавляющей поддержкой среди избирателей. Это делает вероятным формирование со временем влиятельной оппозиционной силы в составе коалиции либеральных и умеренных националистических партий социал-демократической направленности, пользующейся негласной поддержкой неисламизированной части египетского генералитета.

Новая египетская власть оказывается перед серьезным вызовом. Ей предстоит найти баланс между своими религиозными принципами, с одной стороны, и pragmatismом во внутренней и внешней политике – с другой. Если такой баланс будет найден, Египет, можно полагать, со временем вернет себе самостоятельную инициативу и немалую часть авторитета в арабском и исламском мире.

«Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия:
Что дальше?», М., 2012 г., с. 204–220.

Сергей Хенкин,

доктор исторических наук, профессор МГИМО (У)
МИД РФ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

**МУСУЛЬМАНЕ В ИСПАНИИ:
МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ**

Резко возросшее присутствие мусульман в европейских странах остро ставит вопрос об их социально-политической роли и порождает широкую общественную дискуссию. Способны ли мусульмане интегрироваться в западные общества или останутся их своеобразной «непереваренной» частью? Что ожидает Европу – мирное сосуществование христиан и мусульман или конфликт цивилизаций? В этом свете крайне интересен опыт Испании – единственной европейской страны, часть территории которой расположена в Африке. Пограничные города Испании – портовые города-анклавы Сеута и Мелилья, Канарские острова – одновременно южная граница Евросоюза. В Испании проживает значительная по масштабам мусульманская община, ее взаимодействие с государством и коренными жителями порождает немало проблем.

Примечательно, что история отношений мусульман и христиан в этой стране отнюдь не исчерпывается современностью.

Проникновение мусульман в Испанию началось еще в VIII в. В течение семи столетий они владели вначале почти всей ее территорией, а затем отдельными частями. Испания – единственная страна в Европе, где в Средние века мусульманская и христианская общины мирно сосуществовали, хотя этот мир перемежался с ожесточенным и кровопролитным противостоянием. Конечным результатом стало изгнание мусульман из Испании в XVI–XVII вв. Современная мощная волна мусульманской иммиграции сюда рассматривается некоторыми исламскими радикалами как «возвращение на свою землю».

В условиях нынешней острой полемики между сторонниками и противниками диалога христиан и мусульман богатый и крайне неоднозначный опыт средневековой Испании чрезвычайно актуален. И «толерантные», и «отторгающие» находят в нем подтверждение собственной позиции, используя как важный инструмент в политической и идейной борьбе.

В испанской историографии полярные позиции представлены двумя известными учеными – Америко Кастро и Клаудио Санчес-Альборносом, вокруг которых группируются приверженцы обоих лагерей. А. Кастро глубоко позитивно оценивает мирное сосуществование христиан, мусульман и иудеев в средневековой Испании, видя в нем фактор, способствовавший формированию испанской идентичности. Напротив, К. Санчес-Альборнос полагает, что Реконкиста спасла Испанию, мусульмане были изгнаны «во благо страны, ее духовной и материальной жизни».

Мусульмане в средневековой Испании

В 711 г. мусульманские армии, состоявшие из арабов и берберов (в Испании тех и других именовали либо маврами, либо арабами), пересекли Гибралтарский пролив и за несколько лет почти полностью захватили Пиренейский полуостров, сокрушив существовавшее здесь Вестготское государство. Захваченные ими земли арабы стали называть «Аль-Андалус». В 718 г. отряд воинов-христиан разбил мусульманскую армию в горной долине Ковадонга на северо-западе Испании, положив начало Реконкисте – отвоеванию христианами испанских земель у мусульман. В течение семи веков, на протяжении которых шла Реконкиста, обстановка на Пиренейском полуострове отличалась невероятной сложностью и динамизмом. Военные действия, то прекращавшиеся, то возобновлявшиеся (не только между христианами и мусульманами, но

и между мелкими властителями в обоих лагерях за территории и влияние), сочетались с лояльными и толерантными отношениями представителей разных конфессий. Вместе с тем политика сменявших друг друга правителей – и христианских, и мусульманских – в центре и разных регионах порой заметно различалась по степени веротерпимости.

Если взять за критерий сдвиги в соотношении сил между христианами и мусульманами, то в развитии Реконкисты можно выделить три этапа:

– VIII–X вв. – господство мусульман на Пиренейском полуострове. Христианам принадлежат только территории на его северо-западе – Астурия, Галисия, баскские земли;

– X – первая половина XIII в. Христиане переходят в наступление, отчасти связанное с внутренними распрями в стане мусульман. Сфера господства последних резко сокращается;

– вторая половина XIII в. – 1492 г. Мусульмане господствуют только на юге Андалусии – Гранадский эмират, а также владеют небольшими площадями на юге Португалии. Взятие Гранады знаменует завершение Реконкисты.

К середине VIII в. арабы сформировали свое государство – Кордовский эмират (с X в. халифат) со столицей в городе Кордова, которое два века спустя заняло центр и юг Пиренейского полуострова. Переживавшая период экономического расцвета мусульманская Испания превратилась в политический и культурный центр Европы. Кордовский халифат прославился выдающимися достижениями в области философии, медицины, поэзии, музыки, архитектуры. Свой след в Испании навсегда оставили Кордовская мечеть (VIII в.), минарет бывшей мечети Хиральда в Севилье (XII в.), ансамбль Альгамбра в Гранаде (XIII–XIV вв.).

Арабы не ломали жизненный уклад, сложившийся на Пиренейском полуострове до них. Хотя покоренное население и церковь платили завоевателям различные виды налогов, гарантировалась неприкосновенность имущества испанцев. Земли были отобраны только у церкви, лиц бежавших или оказавших сопротивление. Завоеватели не покушались на прежнее управление, верования и обычай. Преследования, порой имевшие место, не носили долговременного характера. Основная масса населения, находясь под владычеством мусульман, во многом сохранила независимость и управлялась прежними графами, судьями и епископами, пользовалась своими церквами. Испанцев можно было встретить в различных сферах мусульманского управления. В му-

сульманской армии использовались христианские наемные войска. Больше всего пострадала католическая церковь. Ее имущество конфисковывалось, часть церквей превращалась в мечети. Арабские халифы присвоили себе право назначать епископов и созывать соборы.

Мусульмане не стремились силой обращать испанцев в ислам, руководствуясь прежде всего материальными соображениями. В соответствии с установленными правилами вновь обращенные платили государству меньше налогов, чем приверженцы старой веры. Что же касается испанцев, то для них переход в ислам означал освобождение от уплаты подушной подати, возможность получить престижную должность, а для христиан-рабов – еще и обретение личной свободы. «В исламском обществе “дешевле” было быть мусульманином, чем христианином или иудеем», – отмечает испанский автор Х.Л. Санчес Ногалес.

Параллельно с военными действиями между мусульманами и христианами, контролировавшими некоторые северные области Пиренейского полуострова, в Кордовском халифате имело место их активное общение. По словам известного испанского историка Р. Альтамира-и-Кревеа, «христиане и мусульмане часто посещали друг друга, оказывали друг другу помощь в гражданских войнах, торговали между собой и даже вступали в союзы, заключая династические браки». Арабы и испанцы оказали друг на друга значительное влияние.

В мусульманском государстве проживало множество мосарабов – испанцев, которые восприняли арабский язык и культуру. Мосарабы продолжали исповедовать христианскую религию. Некоторые христианские праздники справляли совместно мосарабы и мусульмане. Был случай, когда одно и то же здание использовалось как мечеть и христианская церковь. Поддерживая постоянные контакты с мусульманами, мосарабы обычно селились в отдельных кварталах.

Важной социальной группой были также ренегаты – христиане, обращенные в ислам (это были либо испанцы, отрекшиеся от своей веры, либо родившиеся в смешанном браке мусульман и христиан). Хотя в руках ренегатов сосредотачивались промышленность и торговля, «их положение в государстве было неизмеримо ниже, чем арабских аристократов».

Арабы также испытывали влияние христиан. Появилось множество латинизированных мавров или ладинов – мусульман,

язык которых воспринял латинские термины, особенности, свойственные речи мосарабов и ренегатов.

Лояльные отношения продолжали сохраняться и после того, как инициатива в Реконкисте перешла к испанцам, и они все дальше оттесняли арабов на юг Пиренейского полуострова. По условиям капитуляции ряда городов маврам гарантировалась личная безопасность и неприкосновенность имущества. Правда, нередко эти обязательства нарушались. Так, мечети в Толедо и Кордове были превращены в христианские церкви. Большинство эмиров платили дань испанским монархам. В основном же мусульмане, покоренные христианами (их называли мудехарами), сохраняли полностью или частично свои законы и религию. В одних случаях мудехары жили рядом с христианским населением, в других – им выделялись отдельные кварталы.

Победители исходили из того, что преследование многочисленного мусульманского населения привело бы к появлению на отвоеванных территориях многочисленных врагов, а это замедлило бы ход Реконкисты. Гонения на мусульман представлялись невыгодными и экономически, поскольку заселение и эффективное использование отвоеванных земель было очень сложной задачей. Принимался в расчет также факт многовекового благожелательного отношения мусульман к мосарабам.

Вместе с тем по мере отвоевания христианами новых земель война приобретала характер крестового похода, на смену терпимости приходил религиозный фанатизм. С середины XIII в. христианские хроники начали изображать мусульман не просто как неверных, но и как людей, связанных с сатаной. Агрессивное отношение к мусульманам инспирировалось испанской церковью, опасавшейся, что общение христиан с мудехарами будет стимулировать распространение ересей и религиозного индифферентизма. Латеранские соборы 1179 и 1215 гг. запрещали христианам проживать совместно с маврами и евреями. Указывалось, что те и другие должны отличаться от христиан покроем и цветом одежды. Тем не менее общественное мнение весьма благосклонно относилось к контактам с маврами и евреями. Более того, законодательство объявляло христиан, мавров и евреев равными перед лицом закона. Меры ограничительного характера, принимавшиеся против мусульман, то действовали, то либо не соблюдались, либо вообще отменялись (например, запрет 1295 г. на приобретение имущества христиан позже был отменен). Некоторые испанские короли

покровительствовали мудехарам, что способствовало развитию добрососедских отношений между ними и христианами.

В отношении мавров к испанцам толерантность также сочеталась с возросшей агрессивностью. В мусульманских хрониках того времени христиане изображались как «неверные враги аллаха», им приписывались «предательство, обман и жестокость».

Тем не менее до конца Реконкисты в отношениях сторон превалировало лояльное отношение друг к другу. По условиям договора о капитуляции Гранады мусульманам предоставлялись широкие права: свободно проживать в той местности и в тех домах, где они жили до сих пор; свободно выражать религиозные взгляды при сохранении мусульманского культа, мечетей; христианам запрещалось входить в жилища мусульман и совершать какие бы то ни было насилия по отношению к ним; за маврами сохранялось право назначать собственных правителей и судей; все военнопленные получали свободу и т.д. Договор создавал благоприятные возможности для мирного сосуществования христианского и мусульманского населения.

Вскоре, однако, победители забыли об условиях капитуляции мавров. Католические короли Фердинанд и Изабелла (1479–1516 гг.) перешли от умеренной пропаганды христианизации к насильственному обращению мусульман в христианство. Не желавших принять новую веру власти бросали в тюрьмы и там продолжали добиваться своих целей. На одной из площадей Гранады было сожжено множество экземпляров Корана и других религиозных книг. В результате в 1499 г. 50 тыс. мавров крестились. Но так было не везде. В ряде районов Испании доведенные до отчаяния мусульмане поднимали восстания, с трудом подавлявшиеся властями.

11 февраля 1502 г. король и королева издали грамоту, предписав всем мудехарам Кастилии и Леона либо креститься, либо покинуть Испанию (немного раньше, в 1492 г., аналогичные действия были предприняты против евреев). Однако в полном объеме королевское решение не было проведено в жизнь. В ряде мест (Арагон, Каталония, частично Валенсия) кортесы и сеньоры добились от верховной власти обещания не изгонять мудехаров: феодалы не хотели терять трудолюбивых и платежеспособных вассалов. Многие из мудехаров крестились, превратившись в морисков – обращенных мусульман. Новоокрещенные мавры так же, как и евреи, находились под надзором инквизиции, поскольку их подозревали в том, что они продолжают тайно исповедовать свою

прежнюю религию. Власти и инквизиция отслеживали «чистоту крови»: чтобы получить чиновничью должность или повышение в звании в армии, следовало доказать, что среди предков не было мавров. Политика этнической дискриминации привела к возникновению в испанском обществе атмосферы враждебности между «новыми» и «старыми» христианами. В 1609–1614 гг. мориски были изгнаны из страны. Власти предприняли попытки вытравить из общественного сознания память о мусульманской Испании.

Вместе с тем на протяжении веков Мадрид не прекращал поддерживать отношения с арабским миром. Они интенсифицировались после поражения страны в войне с США (1898). В прошлом великая колониальная империя потеряла последние заморские владения. Взоры Мадрида обратились к ближайшему соседу – Марокко. В 1912 г. был установлен испанский протекторат над северной частью Марокко. Стремясь добиться здесь полного контроля, испанская армия потерпела ряд поражений от местных племен (наиболее серьезным было поражение под Ануалем в 1921 г., потери превысили 11 тыс. человек), вызвавших рост антимусульманских настроений в Испании.

Однако отношение испанских политиков к мусульманам и исламу было отнюдь не однозначным. В годы гражданской войны в Испании (1936–1939) генерал Франко подошел к «проблеме мусульман» с прагматических позиций, использовав марокканских наемников (по разным оценкам, от 60 до 150 тыс. человек) в борьбе против Республики. Ислам превратился в союзника верующих христиан для борьбы с «атеистическим коммунизмом». Франко запретил на контролируемой его войсками территории распространение негативных представлений о марокканцах.

Политико-юридический статут иммигрантов и мусульманских организаций в современной Испании

Новая страница в истории отношений испанцев с мусульманами открылась в последние десятилетия XX в., когда страна вступила на путь демократии. В эти годы Испания, из которой столетиями в массовом порядке эмигрировали коренные жители, сменила переселенческую парадигму, превратившись в страну иммиграции. С тех пор в Испанию прибывает все больше чужестранцев. С 2000 по 2010 г. ее население увеличилось с 40,2 до 47,2 млн. человек, а количество иностранцев, легально прожи-

вающих здесь, возросло с 0,9 до 5,7 млн. человек (с 2,3 до 12,2% населения). Испания выдвинулась на лидирующие позиции среди европейских стран, принимающих иммигрантов.

В мощном потоке переселенцев весьма заметно присутствие выходцев из мусульманских стран, прежде всего марокканцев. В 2011 г. в Испании насчитывалось 794,3 тыс. марокканцев. Они занимали второе место, отставая от румын (901,4 тыс.) и опережая эквадорцев (375,5 тыс.), колумбийцев (226,9 тыс.) и англичан (232 тыс.). Далее со значительным отрывом шли выходцы из других стран, в том числе мусульманских – Алжира, Сенегала, Пакистана, Гамбии, Нигерии, Мавритании, Мали, Бангладеш и т.д. Следует упомянуть и о сотнях тысяч нелегальных иммигрантов, прежде всего мусульман из африканских стран, попадающих в Испанию разными путями – либо переплывая на утлых лодках Гибралтарский пролив, либо после штурма заградительных сооружений в пограничных с Марокко испанских городах Сеута и Мелилья, либо пересекая Атлантический океан в направлении Канарских островов.

Многие мусульмане уезжают с родины из-за тяжелых условий существования, ограниченных возможностей социального продвижения. Испания представляется им страной, где мечта об обеспеченном и стабильном будущем может осуществиться. Однако реалии новой родины зачастую оказываются весьма суровыми. Большинство мусульман становятся в Испании неквалифицированными рабочими или чернорабочими и занимают те рабочие места, которые не спешат занимать коренные жители. Тем не менее в политико-юридическом плане легальные переселенцы отнюдь не изгои. После принятия в 1985 г. первого современного Закона о свободах и правах иностранцев иммиграционное законодательство в Испании постоянно обновляется и корректируется, ставя своей целью упорядочить их пребывание в стране. Испанское законодательство признает равенство многих прав и свобод легальных иммигрантов и коренного населения. Переселенцам предоставляется, в частности, право на жилище, защиту семьи, образование, забастовку (хотя и ограниченное), гарантируются юридические услуги, защита прав малолетних. Официально признаются различные общественные организации в защиту иммигрантов.

Важной мерой, облегчающей развитие межкультурных коммуникаций, стало предоставление иммигрантам в 2011 г. права голосовать на автономных и местных выборах. Однако эта ини-

циатива затронула лишь меньшинство переселенцев. Право голоса имеют: иммигранты из стран ЕС, выходцы из тех стран вне пространства ЕС, с которыми Испания заключила двусторонние соглашения (это девять стран, в основном латиноамериканских, где иммигранты из Испании также имеют право участвовать в региональных и местных выборах), и, разумеется, переселенцы, получившие испанское гражданство. Власти «не замечают» сотни тысяч легальных переселенцев, добросовестно работающих, платящих налоги, уважающих испанское законодательство и содействующих экономическому прогрессу Испании, но не имеющих права участвовать в местных выборах.

Примечательно, что в погоне за голосами избирателей партии включают в свои избирательные списки кандидатов-мусульман. Расчет делается на голоса избирателей-мусульман, получивших испанское гражданство.

Меньше прав у нелегальных иммигрантов. Законодательство в отношении этой категории переселенцев, первоначально предоставившее им множество прав, в дальнейшем то ужесточалось, то вновь смягчалось. В разные годы они лишились права на помощь в приобретении жилья, получении образования (кроме самого необходимого). С 2012 г. оказание им медицинских услуг ограничивается только экстренными случаями (роды у женщин, уход за детьми). Опасаясь потерять контроль над нараставшим потоком нелегальных иммигрантов, власти усиливали преграды для их въезда в страну, а также расширили возможности для депортации, если иммигранты нарушают закон. Совместно с другими государствами ЕС Испания патрулирует африканское побережье Атлантического океана. Заключены соглашения с некоторыми странами Африки о высылке туда выходцев из этих стран, нелегально оказавшихся в Испании. Вместе с тем нелегалы имеют право на участие в объединениях, профсоюзах, ассоциациях, забастовках и манифестациях, на бесплатную юридическую помощь.

Параллельно с развитием иммиграционного законодательства определялся политico-юридический статус ислама и мусульманских организаций Испании. Первые организации приверженцев ислама появились здесь в конце 60-х годов, при франкистском режиме, вставшем на путь ограниченной либерализации. В годы демократии возможности для создания мусульманских организаций заметно расширились. Действующая Конституция гарантирует религиозную и культовую свободу индивидуумов и сообществ. Согласно Конституции, «никакая религия не может быть государст-

венной. Публичные власти должны принимать во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживать соответствующие отношения сотрудничества с католической церковью и другими вероисповеданиями».

Во многих странах Западной Европы регулирование «отношений государства с исламом» – это выстраивание отношений с организациями мусульман-иммигрантов. В Испании изначально дело обстояло иначе. Еще до массового притока переселенцев из мусульманских стран здесь были созданы две мусульманские организации. В 1989 г. испанцы, обратившиеся в ислам, сформировали Испанскую федерацию исламских религиозных обществ, а в 1991 г. студенты и специалисты, эмигрировавшие в Испанию еще в 60–70-х годах с Ближнего Востока и получившие испанское гражданство, создали Союз исламских обществ Испании. Вскоре эти две организации объединились в Исламскую комиссию Испании, представлявшую мусульман на переговорах с испанским государством.

Активизация мусульманских организаций поставила испанские власти перед необходимостью определить свою позицию в отношении ислама. В 1989 г. ислам был квалифицирован «как признанная религия, имеющая глубокие корни в Испании» (за пять лет до этого аналогично были определены христианство и иудаизм). Эта констатация имела историческое значение, поскольку пересматривала сложившееся на официальном уровне со времен Средневековья негативное отношение к исламу. В апреле 1992 г. власти и Исламская комиссия Испании заключили Соглашение о сотрудничестве. В соглашении говорилось, что «исламская религия, имеющая в нашей стране вековые традиции, сыграла заметную роль в формировании испанской идентичности».

В соответствии с соглашением мечети и культовые учреждения мусульман признаются неприкосновенными, им предоставляется благоприятный налоговый режим. Имамы включаются в национальную систему социального обеспечения, они приравниваются к работающим по найму. В Испании могут создаваться исламские образовательные центры всех уровней. Государство гарантирует детям мусульман получение дошкольного, начального и среднего образования в государственных и частных колледжах (в последнем случае осуществление этого права не должно вступать в противоречие со спецификой учебного заведения), если они, их родители или сам колледж ходатайствуют об этом. Испанские университеты могут предоставлять помещения и выделять средст-

ва для организации курсов по исламу. Работающим мусульманам облегчается исполнение их обрядов.

Соглашение о сотрудничестве между испанским государством и Исламской комиссией Испании, приравнивающее права мусульман к правам христиан, эксперты считают одним из лучших в европейском контексте в плане уважения прав религиозных меньшинств. Однако из-за позиции властей оно во многом осталось на бумаге. К тому же, казалось бы, призванное сплотить мусульманское сообщество Испании, соглашение лишь стимулировало его разобщенность. Исламская комиссия Испании действует, за некоторыми исключениями, в отрыве от мусульманской иммиграции последних десятилетий. Ряд ее деятелей считают, что представлять мусульманское сообщество могут только «люди, сформировавшиеся в условиях испанской культуры и традиций». В частности, таковыми должны быть имамы, проповедующие в мечетях. Только так местная разновидность ислама не потеряет своей испанской сущности. Отчасти поэтому представители иммигрантов не участвовали в заключении соглашения 1992 г. с испанским государством. Впрочем, как свидетельствуют некоторые авторы, они и не стремились к этому, поскольку в первые годы иммиграции не интересовались проблемами религиозного характера.

Между недавно прибывшими мусульманами-иммигрантами и мусульманами, группирующимися вокруг Исламской комиссии Испании и представляющими образованные слои общества, существуют принципиальные различия. «Для первых главное – удовлетворение основных религиозных прав в государстве, где они иностранцы, в то время как вторые стремятся к признанию своей специфики в государстве, в котором они являются гражданами. Различия в позициях предопределяют и различия в используемых средствах отстаивания своих интересов».

Развитие большинства иммигрантских организаций происходит вне рамок, определяемых соглашением 1992 г. Исламская комиссия Испании представляет интересы примерно 150 организаций, официально зарегистрированных Министерством юстиции. Около же 100 объединений мусульман-иммигрантов существуют «за пределами официального ислама», олицетворяемого Исламской комиссией Испании. Многие из этих объединений имеют мечети и молельни, созданные за счет пожертвований верующих и перечислений из мусульманских стран. Вместе с тем есть и организации иммигрантов на местах, которые значатся в списках Министерства юстиции и связаны с Исламской комиссией Испании.

Множество организаций, не включенных в орбиту Исламской комиссии Испании, действуют прежде всего на местном уровне, защищая интересы переселенцев и помогая им адаптироваться к испанским реалиям. В ряду организаций, функционирующих на национальном уровне, выделяется Ассоциация марокканских трудящихся иммигрантов (АМТИ, в ней насчитывается 12 тыс. членов). Хотя финансовые возможности АМТИ довольно скромные, она содействует своим членам в вопросах получения разрешения на работу и предоставлении жилья, оказывает услуги по социальному обеспечению, поддерживает несовершеннолетних марокканцев, эмигрировавших в Испанию в одиночку.

Постоянно контактируя с властями в качестве представителя мусульман-иммигрантов, АМТИ многие годы не участвовала в «управлении исламом». Ситуация изменилась после терактов в Мадриде 11 марта 2004 г., в ходе которых был обнаружен «мусульманский след». АМТИ заявила о необходимости своего участия в «контроле над имамами», аргументируя это «проникновением в мечети экстремистов, призывающих к насилию». Возросшие амбиции АМТИ вызывают неодобрительную реакцию Исламской комиссии Испании, считающей, что только ей принадлежит право представлять всех мусульман, живущих здесь.

Итак, мусульманское сообщество в Испании разобщено и фрагментировано, что определяется многими обстоятельствами: самим фактом переселения в Испанию, происходившим в разное время в различных условиях, разнообразным национальным происхождением мусульман, их территориальной распыленностью, конфликтами между руководителями мусульманских организаций.

Проблемы адаптации иммигрантов

Ключевой проблемой для мусульман-переселенцев становится интеграция в испанское общество в качестве полноправных членов. На этом пути необходимо решить множество проблем, прежде всего культурно-религиозного плана. Мусульмане, многие из которых придерживаются заповедей Корана, приезжают в общество, далеко продвинувшееся в плане секуляризации и превращения религии в личное дело каждого гражданина. Нормы и образ жизни секуляризованного испанского общества вызывают не только непонимание, но порой и отторжение у части мусульман. Они резко критикуют гонку за материальными благами в «секуляризованной и обмирщенной Испании», «духовное падение»

общества потребления, что приводит к расшатыванию структуры семьи и отсутвию уважения к старшим. «В испанском обществе забыты жизненные ценности, – заявил один из опрошенных марокканцев. – В Марокко нельзя сказать своему отцу “замолчи”, как это бывает в Испании. Отец для меня бог, несмотря на все его недостатки, его мачизм». Показательно и заявление иммигрантки из Марокко. Ее отец не хочет, чтобы «невестка – испанка и христианка – приходила в его дом, поскольку она носит обтягивающее платье с декольте, а летом юбку».

Особняком стоят мусульмане, занимающие радикальные позиции. Они считают Испанию «своей землей», на которой их предки проживали семь веков назад. А теперь они «вернулись на историческую родину Аль-Андалус». Наиболее радикально настроенные из них «одержимы идеей, что Испания находится в историческом долгу перед ними, поскольку раздавила былое величие самой известной цивилизации из существовавших на Западе в Средние века. Эта группа мусульман считает себя наследниками мусульман из Аль-Андалус и полагает, что в праве предъявлять претензии, так как убеждена в своих естественных и исторических правах на эту землю».

Но так реагируют на испанские реалии далеко не все мусульмане. У значительной их части начинает размываться ощущение мусульманской идентичности, они – с разной степенью глубины и последовательности – усваивают западные ценности и привычки. В этом отношении показательны данные репрезентативного социологического обследования, проведенного в 2008 г. по заказу правительства Испании, министерств культуры, юстиции, труда и иммиграции в мусульманской переселенческой общине. 76% респондентов сказали, что им «нравится в Испании» (29% из этого числа «очень нравится»). Примечательно, что на степень удовлетворенности жизнью в Испании влияет продолжительность пребывания здесь. Если среди мусульман, проживших в Испании менее года, доля «довольных» составляла 70%, то среди тех, кто провел здесь более 10 лет, эта доля возросла до 83%.

В сознании большинства переселенцев сложился глубоко позитивный образ Испании. 87% опрошенных считают, что здесь «много свободы», 70% – что «очень высокий уровень жизни» (правда, в предкризисном 2007 г. эта цифра была выше – 83%). 75% признают, что люди в Испании «порядочные и внушают уважение», 68% утверждают, что к иммигрантам здесь «хорошо относятся». Сравнивая страны Запада с исламскими, опрошенные по

всем проблемам отдавали предпочтение первым. Так, они считали, что в странах Запада высокий уровень жизни (73 против 6%), эти страны «очень развиты в техническом отношении» (69 против 5%), здесь «высокий уровень свободы и терпимости» (69 против 6%), «меньше дискриминация женщин» (60 против 8%), «больше внимания уделяется самым бедным и незащищенным» (41 против 17%).

86% опрошенных заявили, что адаптировались к испанским обычаям. Но при этом на первом месте в шкале социальной само-идентификации продолжала оставаться страна, где они родились. Об уровне социально-культурной интеграции переселенцев можно судить по степени их идентификации со своей старой и новой родиной. Если взять шкалу, на которой 0 баллов соответствует отсутствию идентификации, а 10 ее максимальному выражению, то средний уровень идентификации мусульман-иммигрантов со страной происхождения составлял 8,7 балла, а с Испанией – 7 баллов.

24% респондентов так или иначе не удовлетворены жизнью в Испании (20% из этого числа заявили, что здесь «так себе», а еще 4% тут вообще «не нравится»). Среди аргументов неудовлетворенных на первом месте стояло отсутствие работы (56%). Далее следовали: тоска по семье / друзьям (30%) – трудности в получении необходимых документов, а также «дискриминация, оскорбления от людей расистски настроенных» (по 17%) – тоска по родине (15%) – проблемы с приобретением жилья (10%) – языковые проблемы (неумение говорить по-испански) – отсутствие друзей (3%).

Опрос зафиксировал высокий уровень религиозности мусульман. По 10-балльной шкале оценок, где 0 означает отсутствие религиозности, а 10 – ее максимальный уровень, средний балл опрошенных мусульман составлял 7,7. 49% респондентов считали себя активно верующими, посещающими мечети и молельные дома, 36% – отправляющими религиозные обряды нерегулярно, а 13% – вовсе не верующими. Высокий уровень религиозности отнюдь не свидетельствует о том, что мусульмане-иммигранты стоят на фундаменталистских позициях. Напротив, они исповедуют ислам толерантный и открытый. 80% мусульман-иммигрантов согласны с утверждением, что «исламская вера полностью совместима с демократией и правами человека». 78% опрошенных согласны с утверждением, что «три монотеистические религии (иудаизм, христианство и ислам) одинаково уважаемы и ни одна не должна рассматриваться как стоящая выше другой». Те же 78%

полагают, что в современной Испании «мусульмане и христиане стремятся к взаимопониманию и взаимоуважению».

Лишь 17% респондентов заявили, что в своей религиозной практике «сталкиваются в Испании с препятствиями». Напротив, подавляющее большинство – 80% – утверждают, что «ни с какими препятствиями не сталкиваются». Примечательно, что во Франции доля последних была в 2005 г. заметно ниже – ненамного больше половины мусульман – участников социологических исследований.

Безусловно, приведенные данные могут вызвать изумление, и относиться к ним следует сдержанно. Они, как и любой опрос, дают представление об установках и настроениях лишь некоторой части мусульманского населения. Так, они «не улавливают» взглядов экстремистски настроенных мусульман, тех, в чьей среде нашли своих сторонников организаторы чудовищных терактов в Мадриде в марте 2004 г. И тем не менее эти данные вполне достоверны. Опросы, проведенные среди других групп иммигрантов-мусульман теми же экспертами в предшествующие 2006 и 2007 гг., дали сходные результаты.

Следует также иметь в виду, что существуют принципиальные различия между восприятием Запада мусульманами в самих исламских странах и мусульманами-иммигрантами. Если первые в целом воспринимают западные реалии негативно, то вторые позитивно. Испания же в этом контексте вообще особый случай. Марокканцы, составляющие здесь львиную долю мусульман-иммигрантов, настроены к Западу весьма благожелательно. Марокканская община Испании выделяется в ряду западноевропейских мусульманских общин своим заметно выраженным позитивным отношением к западному обществу и его ценностям. Сказывается специфика марокканской разновидности ислама. В Марокко соблюдение правил этой религии не является обязательным, «планка» религиозных запретов по сравнению со многими другими исламскими странами снижена. Радикальных проявлений ислама не наблюдается. Дают знать о себе и либеральные реформы, проводившиеся в последнее время (например, отмена многоженства). Некоторые марокканки одеваются по-европейски. Конституция 1972 г. в соответствии с Декларацией прав человека провозгласила равенство прав марокканцев без различия полов. В обществе, точнее в его образованных слоях, стало распространяться представление о том, что женщины могут занимать любые должности и участвовать во всех сферах частной и общественной

жизни. Однако на практике их участие в публичной деятельности оставалось незначительным.

В Испании у перебравшихся сюда мусульманок возможностей для достижения экономической независимости и свободы самовыражения значительно больше. Уже сам факт эмиграции в чуждую социокультурную среду рассматривается ортодоксальными исламистами как нарушение традиционных культурных норм (впрочем, это же распространяется и на мужчин). Для мусульманок нарушением становится и необходимость работать вне дома, выходить на улицу одной. В данном случае традиционные нормы поведения переселенок вступают в противоречие с европейским культурным контекстом, в котором роли мужчин и женщин дифференцированы в значительно меньшей степени, чем в Марокко. Оправданием работы вне дома (и самооправданием для женщины) становится необходимость поддержать семью (отсутствие работы у мужа, долги и т.д.).

Иммигрантки из Марокко нередко имеют большие, чем мужчины, возможности для соприкосновения с испанской социокультурной средой. Работая домашней прислугой, встречая детей из колледжей, присутствуя на родительских собраниях, они как бы «изнутри» узнают реалии западного общества. Особенно восприимчивы к западным ценностям и образу жизни молодые, образованные и незамужние мусульманки, кredo которых – женское равноправие.

Влияние новой социокультурной среды не обходит и перебравшихся в Испанию марокканцев. Так, для мужчины, привыкшего быть защитником и хранителем семейного очага, согласиться с тем, что его жена работает вне дома – серьезная психологическая ломка, переосмысление традиционных представлений о распределении ролей в семье. Не следует забывать, что в ортодоксальной мусульманской среде мужчина, неспособный обеспечить свою семью, рассматривается как неудачник. Но воспринимая некоторые западные ценности, мусульмане остаются в целом приверженцами многих традиционных норм поведения. Они высказываются против внебрачных связей, абортов. Часть мусульманок, в том числе молодых, не отказывается от ношения хиджаба.

Одним из наиболее эффективных средств интеграции марокканцев в испанское общество могли бы стать смешанные браки. Однако культурная традиция марокканцев, выражаяющаяся в тяге к эндогамии, препятствует их заключению. Для марокканца жениться на испанке означает разорвать семейные, религиозные и

культурные связи. Для марокканки выйти замуж за испанца означает нарушить установленные испанской традицией права отца или брата определять ее будущего мужа. Кроме того, в этом случае дети марокканки не будут признаны законными членами ее патрилинейной семьи.

Ориентация на браки только с мусульманами, верность патрилинейной семье очерчивают пределы сдвигов в менталитете многих иммигрантов из Марокко. По существу, в их практических действиях переплетаются элементы традиционализма с адаптацией к некоторым западным культурным нормам (у женщин – это работа вне дома, ориентация на равенство полов в повседневной жизни, следование за испанками в одежде и макияже).

84% опрошенных мусульман считают, что мусульманская вера вполне совместима с испанской идентичностью, можно быть «одновременно примерным мусульманином и примерным испанцем». Этот гибридный тип сознания определяется влиянием двух социокультурных общинностей, между которыми находятся мусульмане: они живут, потребляют, вкладывают деньги и строят планы на будущее в Испании. И вместе с тем они хотят оставаться марокканцами и мусульманами: с интересом следят за тем, что происходит на их родине, проводят там летние отпуска, переводят часть сбережений родственникам и помогают им перебраться в Испанию. Они хотят, чтобы их дети, получив хорошее образование в испанских учебных заведениях, остались вместе с тем примерными мусульманами в своих привычках. В этом плане решающую роль, по их мнению, призваны сыграть соблюдаемые в семье нормы ислама и родной язык.

Свообразие позиции многих мусульман состоит в том, что, позитивно относясь к испанским и западным реалиям, они тем не менее предпочитают жить обособленной от коренного населения жизнью, своего рода параллельным миром, что, в числе прочего, может быть связано с негативным отношением к ним части коренного населения.

Отношения между представителями первого и второго поколений мусульман не обходятся без конфликтов, и разрешаются они разными способами. Один из наиболее распространенных – сокрытие от родителей изменившегося восприятия действительности и новых манер поведения. К примеру, в присутствии отца, провожающего ее в школу, девушка идет в хиджабе. Но когда отец уходит, снимает его. Некоторые отцы, рассерженные поведением

дочерей, отправляют их обратно в Марокко, чтобы те «испытали голод и нищету».

Дети и внуки иммигрантов, находящиеся «на перекрестке» разнообразных влияний – семейного воспитания, образования в испанской школе, общения с испанскими сверстниками, средств массовой информации, – готовы в большей степени, чем их отцы и деды, к культурному сосуществованию с коренным населением. Вместе с тем, хотя молодые марокканцы высказываются против беспрекословного подчинения отцовской власти, уважение к родителям остается для них незыблемой ценностью.

Состояние гибридности, своего рода «разорванности» сознания многих мусульман, передает фраза одной из иммигранток: «Я уважаю традиции, но знаю и другие вещи».

Взяв за критерий отношение мусульман-иммигрантов к исламской религии, испанские авторы выделяют в их среде четыре основные группы.

1. Активно верующие – в основном мужчины, которые укрепляются в своей вере «из-за боязни, что их дети будут поглощены секуляризацией, господствующей в принимающем обществе».

2. Мусульмане второго поколения, в рядах которых религиозные практики резко ослабевают. Не отказываясь от мусульманской культуры, они под влиянием своего окружения адаптируют ее к новым реалиям, «пытаясь сохранить неустойчивую и плохо структурированную идентичность».

3. «Социологические мусульмане». Воспринимают ислам в культурном измерении; начинают проводить разграничительную линию между религией и культурой. Лишь небольшой процент их обращается к традициям типа Рамадана.

4. Радикально настроенные исламисты-активисты. Небольшое, но очень активное меньшинство, занимающее агрессивную позицию как по отношению к «отклонившимся от курса» умеренно настроенным единоверцам, так и к принимающему обществу. Опираются на покровительство и финансовую поддержку исламистских групп из-за рубежа.

Коренное население: Отношение к мусульманам

В политическом мире Испании, СМИ, научных изданиях идет оживленная и острые полемика об отношении к исламу и мусульманским странам, иммигрантам-мусульманам как их предста-

вителям. Приверженцам традиционной антимавританской интерпретации испанской истории, твердящим о «мусульманском вторжении» и возможности «исламского реванша», противостоят сторонники уважительного и дружелюбного отношения к мусульманам, их интеграции в испанский социум.

Первое течение достаточно сильно и влиятельно. В коллективной исторической памяти испанцев сохраняется стереотип, существующий со времен Реконкисты, о негативной роли ислама. На восприятии марокканцев сказываются также часто обострившиеся отношения Испании с соседней страной. Среди мотивов неприязни к иммигрантам можно назвать также восприятие их как конкурентов в борьбе за рабочие места, боязнь утраты культурной гомогенности, просто отторжение «других».

Многое объясняется также западноцентристскими представлениями, идеей превосходства Запада над Востоком, в частности над мусульманским миром, которая сформировалась после открытия Америки и изгнания мусульман из Испании. В соответствии с этой точкой зрения богатое научное и культурное наследие мусульманского мира игнорируется, он воспринимается как закрытый и не подлежащий реформированию, что предопределяет его отсталость и подчиненное положение, делает его носителем иррационализма и агрессии. Отсюда – представление о мусульманах-иммигрантах как «существах низшего порядка», маргиналах, неспособных интегрироваться в испанское общество.

Испанские авторы отмечают существующее на уровне массового осознания недоверчиво-пренебрежительное отношение к исламу и выходцам из мусульманских стран, которое носит поверхностный характер и «основывается скорее на умозрительных представлениях, чем на реальных знаниях».

Главное, что резко отделяет немалую часть испанцев от мусульман, – это отношение к исламу как к агрессивной религии, отождествление мусульман с экстремистами. По словам одного из коренных жителей, «арабы живут обособленно: дело в проклятой религии. Они представляют собой самую закрытую общину. Большинство, если не все, создают свои кланы, группы и обособляются».

Раздражающим фактором в отношении коренного населения к арабам-мусульманам стала проблема мечетей. В испанской печати неоднократно сообщалось о выступлениях протеста против их строительства, которые инициировали испанцы, живущие поблизости. Нередко для мечетей отводятся подвалы или гаражи, что

унижает религиозные чувства мусульман. Позиция части местных жителей во многом объясняется тем, что некоторые мечети, как установлено испанскими правоохранительными органами, становятся прибежищем террористов, из них звучат призывы к борьбе с «неверными». Вероятно, многие противники строительства мечетей не задумываются о том, что отнюдь не все имамы призывают к борьбе с «неверными» и далеко не все мечети укрывают террористов.

Наглядное представление об отношении испанцев к социальным контактам с марокканцами дает ответ на вопрос: «Спокойно ли вы отнесетесь к тому, что ваш сын или дочь вступят в брак с гражданином этой страны?» Увердительный ответ на этот вопрос, предполагающий высокую степень близости мусульман с коренными жителями, дали 54% респондентов, а это существенно меньше, чем доля давших положительный ответ в отношении граждан ЕС, Латинской Америки и Восточной Европы (соответственно 73, 69 и 68%).

Показательны отношения между коренными жителями и марокканцами в смешанных по составу населениях кварталах городов. Особенность Испании состоит в том, что марокканцы, как и другие переселенцы, отнюдь не всегда живут большими общинами. Чаще они рассеяны по территории того или иного населенного пункта. Таким образом, в смешанных городских кварталах уже сейчас закладывается прообраз завтрашней Испании. Эксперты выделяют три возможные модели взаимоотношений различных этнических общин.

1. Совместное проживание. Соседи разного происхождения активно взаимодействуют при уважении базовых ценностей, моральных и юридических норм каждой из сторон.

2. Сосуществование. Общение сводится к необходимому минимуму и носит чисто прагматический характер. Люди идентифицируют себя только со своей этнической группой, существует скрытое недоверие к другим и потенциально конфликтная обстановка.

3. Вражда. Напряженная ситуация конфронтации. Конфликт может вспыхнуть при отсутствии механизмов его регулирования. Существует всеобщее недоверие. Во всем обвиняют «другого», в нем видят угрозу.

Социологические исследования свидетельствуют, что в реальной жизни встречаются все три модели, однако преобладает сосуществование. Коренные жители и марокканцы (равно как и

представители других этнических групп) живут параллельными мирами, открыто не враждую, но и общаясь только по необходимости. Характерны высказывания жителей кварталов: «мы сосуществуем, не смешиваясь», «мы движемся к разобщенным общностям».

Все больше коренных жителей отождествляют интеграцию арабов-мусульман в испанское общество с их ассимиляцией. Испанские социологи описывают смысл крепнущего среди коренных жителей мироощущения следующим образом: «Интегрироваться – значит, стать такими, как мы. И если они к этому не приходят, значит, этого не хотят. Они приехали в нашу страну и находятся здесь в меньшинстве, а потому должны прилагать усилия, чтобы интегрироваться».

Антииммигантские настроения особенно усилились в условиях глобального экономического кризиса, сильно ударившего по испанской экономике (так, по числу безработных, составлявших в 2012 г. 26% самодеятельного населения, Испания лидирует в Западной Европе). В 2008 г. 46% испанцев оценили численность иммигрантов в стране как «чрезмерную», 31% – как «повышенную». Только для 19% опрошенных это число было «приемлемо» и для 1% – «недостаточно». В повседневных разговорах испанцев, касающихся иммигрантов, обыденными стали слова «нашествие», «лавина», выражения типа «мы становимся иностранцами», «наступит время, когда иностранцев станет больше, чем испанцев» и т.д.

Нетерпимость части коренного населения к арабам-мусульманам выражается в ограниченности возможностей для социального продвижения, в их дискриминации при приеме на работу (неравенство возможностей с испанцами, сверхэксплуатация на рабочем месте); при аренде жилья (квартиросъемщики нередко отказывают им или предлагают жилье по явно завышенной стоимости). Марокканцев и других африканцев нередко не пускают в бары и на дискотеки, владельцы которых отказываются обслуживать их наряду с другими посетителями. На африканцев совершают разбойные нападения на улицах, их жилища поджигают. Задокументированы случаи убийства иммигрантов.

Теракты 2004 г. в Мадриде усилили у части общественности антипатию к выходцам из Марокко и Алжира. После этих преступлений испанские спецслужбы неоднократно арестовывали группы или отдельных марокканцев или алжирцев по обвинению в террористической деятельности и в связях с «Аль-Каидой». Противники мусульманской иммиграции стали даже видеть в мусуль-

манах-иммигрантах «пятую колонну, стремящуюся воссоздать в интересах ислама Аль-Андалус». Действия «Аль-Каиды» были, в числе прочего, «ответом на потерю Аль-Андалуса, 500 лет спустя после завершения Реконкисты», заявил Х.М. Аснар, председатель правительства Испании в 1996–2004 гг., тогдашний лидер консервативной Народной партии. Примечательно, что часть марокканских иммигрантов, обличая организаторов терактов, провела в Испании демонстрации под лозунгом «Они террористы, а не марокканцы».

Наиболее яркий пример массового взрыва ксенофобии в современной Испании – открытые расистские выступления в местности Эль-Эхидо в провинции Альмерия 5–7 февраля 2000 г. Этот традиционно ничем не примечательный регион за несколько десятилетий превратился в процветающий – во многом благодаря безжалостной эксплуатации африканцев, живших по существу в рабских условиях. После убийства психически больным африканцем испанской девушки в Эль-Эхидо началась настоящая охота на мусульман. Расистски настроенные толпы избивали и поджигали жилища, останавливали и переворачивали автомашины. Полиция зачастую бездействовала, выступая как пособник расистов. Тысячи переселенцев вынуждены были спасаться бегством.

Негативному отношению к переселенцам, их отторжению в Испании исторически противостояло уважительное восприятие представителей других национальностей, вероисповеданий и рас, которому благоприятствовал сам многонациональный характер испанского государства, смешение на Пиренейском полуострове разных народов. В период позднего франкизма (конец 1960-х – первая половина 1970-х годов), когда режим «открылся» внешнему миру (миллионы испанцев в эти годы начали ездить за границу, а страну стали посещать многочисленные иностранные туристы), и особенно на постфранкистском этапе, после вступления Испании в ЕС, традиция толерантности окрепла. Опросы выявляют, что не мало коренных жителей позитивно относятся к иммиграции и мультикультурализму, воспринимают разнообразие и диалог культур как «богатство» все более глобализирующегося мира. По словам одного из опрошенных испанцев, присутствие иммигрантов – положительный фактор. «Благодаря им мы познаем другие культуры, изучаем их обычай, а они изучают наши. Это и есть процесс взаимной адаптации». Испанцы – участники опросов высказываются за необходимость «смешения культур», «метисации», признают, что «многому научились у иностранцев». Сторонники

мультикультурализма разделяют мнение, что «равноправие коренного населения и иностранцев не требует культурной ассимиляции иммигрантов».

Примечательно, что Х.Л. Родригес Сапатеро, председатель правительства Испании в 2004–2011 гг., лидер Испанской социалистической рабочей партии, выступая в сентябре 2004 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выдвинул идею «альянса цивилизаций» – сотрудничества между христианской и мусульманской цивилизациями для борьбы с международным терроризмом и экономическим неравенством, развития межкультурного диалога. Эта инициатива была поддержана 120 странами и международными организациями, сформировавшими Группу друзей альянса.

В целом доли сторонников и противников толерантного co-существования испанцев и мусульман-иммигрантов не очень различаются. В 2008 г. 39% респондентов заявили о своем «очень» или «достаточно» толерантном отношении к мусульманской культуре. Напротив, для 50% эта культура «мало приемлема» или «не-приемлема». 44% опрошенных коренных жителей согласились с тем, что иммигранты «обогащают нашу культуру», 46% с этим не согласились. Показательно, что в отличие от ряда стран Западной Европы в Испании не сформировалась влиятельная праворадикальная националистическая партия и нет соответствующего лидера харизматического типа.

Отметим и то, что в последние десятилетия тысячи коренных испанцев обратились в ислам. В противовес антимусульманской интерпретации испанской истории они указывают на большой позитивный вклад мусульман в развитие средневековой Испании в самых разных областях. В их среде обсуждаются проблемы компенсации потомкам мусульман, изгнанных когда-то из Испании, восстановления мусульманского государства на юге страны.

Безусловно, в современной Испании, сравнительно недавно превратившейся в страну иммиграции, мультикультурные практики не стали частью повседневной жизни. Политико-правовая интеграция мусульман-иммигрантов, означающая признание этническими меньшинствами действующих правовых норм, а главное – их вовлеченность в различные формы гражданского участия, здесь только началась, а социокультурная интеграция – движение коренных жителей и арабов-мусульман навстречу друг другу, – если

и идет, то далеко не теми темпами, которые необходимы для интеграции переселенцев.

Тем не менее испанский опыт последних десятилетий не подтверждает прогнозов о неизбежном конфликте цивилизаций. Весомым доказательством может служить сам факт того, что спустя столетия после изгнания сотни тысяч мусульман вернулись в Испанию и в основном мирно сосуществуют с коренными жителями. Традиция толерантности к «иным» отнюдь не ушла из испанской жизни, подкрепляясь лояльным отношением значительной части мусульманской общины к западным ценностям.

«Новая и новейшая история», М., 2013 г., № 4, с. 50–64.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Олег Павлов,

кандидат исторических наук

ПРИЧИНЫ АЛЬЯНСА ЗАПАДА И РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА

Еще пару лет назад образование подобного альянса казалось неправдоподобным и нежелательным ни для той, ни для другой стороны. США вели жестокую войну с «Аль-Каидой», сражались с талибами, воевали с терроризмом, в том числе и в исламской оболочке. Исламские партии строили свою политику на антиамериканизме и антизападничестве в целом, призывая к решению всех проблем на метафизической основе Корана и Сунны.

Сегодня же, более чем полтора года спустя после начала смуты в арабском мире, напыщенно названной Западом «арабской весной», существование такого альянса практически не нуждается в доказательствах. При этом оно все равно выглядит уродливым и малопонятным явлением. Взрыв возмущения в исламском мире, вызванный появлением в Интернете в середине сентября 2012 г. фильма «Невинность мусульман» (в другой редакции «Невинность мусульман»), убийство 11 сентября того же года посла США в Бенгази Кристофера Стивенса вновь продемонстрировали противовесственность «дружбы» Запада с радикальными исламистами. Попробуем разобраться в этом явлении, хотя пока окончательных ответов дать еще, думается, нельзя.

Для тех, кто не знаком с темой, отметим, что даже тогда, когда к власти в Тунисе и Египте в 2011 г. стали приходить радикальные исламисты, еще недавно считавшиеся как в самих этих странах, так и на всем цивилизованном Западе террористами, дипломаты и политики в США и ЕС твердили, что, дескать, речь идет о «естественному процессе», что ислам переболеет радикализмом как ветрянкой, исламисты под давлением взятых ими на себя в ходе электорального процесса обязательств «остепенятся», при-

мирятся с существованием оппозиции, станут придерживаться норм и правил западной демократии. Акцент делался на том, что исламские силы радикального толка приходят во власть законными методами, а поэтому и бояться-то особенно нечего. Это все равно лучше, чем застой при прежних диктаторах. Короче говоря, цель ничего, а движение к демократии – всё.

И это притом, что нарисованная яркими красками западных политхимиков благостная картина начала рассыпаться уже вскоре после начала событий в Сирии весной 2011 г., когда западные государства, прежде всего Франция и Великобритания (не без содействия США), оказали активную помощь Турции, Саудовской Аравии и Катару в свержении «диктаторского» режима Башара Асада. До этого Запад вяло и без особого негодования «пропустил» объявление шариата основой законодательства в Ливии. Так же вяло он реагирует на наступление салафитов и других радикалов на властные структуры в Тунисе. Бурные протесты во Франции в связи с разрушением в июле 2012 г. мавзолеев мусульманских святых в Тимбукту пришедшей из Ливии и близкой к «Аль-Каиде» салафитской группировкой «Ансар ад-дин» в Мали как-то уж очень быстро стихли, и от порыва направить туда свои войска мало что осталось – протесты и «заламывание рук» в ЮНЕСКО.

Причем любому эксперту и специалисту по Сирии давным-давно известно, что в этой стране, точно так же, как это было в Египте, никакой другой хорошо организованной оппозиции режиму, кроме «Братьев-мусульман», не существует. Сирийские «Братья» уже более 30 лет в условиях глубокого подполья готовили и проводили акции преимущественно террористического порядка против власти алавитов, но особого успеха до последнего времени не добивались. Об их идеологии и действиях ярко написал в рупоре французских правых, газете «Фигаро» за 6 сентября 2012 г., известный специалист и бывший разведчик высокого ранга Ален Шуэ (Alain Chouet). Суннитское большинство, даже будучи не во всем довольным режимом Б. Асада, долгое время считало, что им с такими радикалами не по пути. Да и многоконфессиональное общество в Сирии было в значительной мере более светским, чем во многих арабских странах, хотя в 90-е годы там стали развиваться процессы исламизации среди суннитов, что уже на том этапе вызывало серьезные опасения у других конфессий, прежде всего у христиан, которые стали расширять районы своего компактного проживания, в том числе вокруг Сидная.

Знали об этом, естественно, и главные западные спонсоры повстанцев в Сирии, и помогающие им вышеупомянутые региональные игроки, которые либо дают приют радикалам (туркам, кстати, делать это не впервые – они так поступали еще в отношении чеченских террористов), либо снабжают боевиков деньгами и оружием, которое обильно потекло из разграбленных после свержения М. Каддафи складов в Ливии.

Однако понимание того, кто правит бал в разношерстной и раздробленной сирийской оппозиции, западных спонсоров не остановило. Вашингтон лишь предпринял неуклюжую попытку замаскировать помощь вооруженным боевикам в Сирии, направив в Турцию специалистов, которые якобы должны «фильтровать помощь» и не допускать ее попадания в руки «Аль-Каиды». Отметим, что отнюдь не для того, чтобы она не досталась «Братьям-мусульманам», которые каким-то мистическим образом были записаны в стан «демократов». Опять же ни для кого не секрет, что в последние месяцы – практически с весны 2012 г. – идет масштабная радикализация базы повстанцев, которая все меньше ориентируется на либеральные лозунги Национального совета Сирии и даже руководства Сирийской свободной армии. Но это ничего не меняет в политике западных стран. Помощь Запада все равно продолжает поступать радикальным исламским группам.

Некоторые специалисты в России, такие как, например, Ш. Султанов (газета «Завтра», 12.09.2012), выдвинули версию, что поддержка «Братьев-мусульман» Западом связана с тем, что политический ислам является на сегодня по сути дела безальтернативной политической силой, а сами «Братья» – наиболее умеренными из всего спектра исламских организаций. Объясняя, почему Вашингтон делает ставку на, как он выражается, «умеренных фундаменталистов» (?!), Ш. Султанов выделяет четыре фактора.

Во-первых, именно «Братья-мусульмане» являются наиболее яркими выразителями тренда усиления исламизации в этом регионе, обладают развитой оргструктурой и мощной социальной поддержкой и опытом длительной политической борьбы.

Во-вторых, считает он, американцы стремятся в стратегическом плане именно при помощи «Братьев» остановить дальнейшую радикализацию «исламского возрождения», не допустить в рамках разворачивающейся революционной спирали прихода к власти крайних салафитов, джихадистов и такфиристов.

В-третьих, по его мнению, американские стратеги делают ставку на возможность использования потенциала «Братьев-

мусульман» для противодействия расширению регионального влияния Исламской Республики Иран.

Наконец, в-четвертых, страны, где «Братья» приходят к власти, тесно привязаны к глобальной системе, созданной и руководимой США. Поэтому американцы, мол, обладают механизмами и возможностями соответствующего влияния.

К сожалению, как представляется автору, этот анализ верен лишь отчасти. Если начать с конца, то действительно у США есть возможности влияния на «Братьев-мусульман», хотя они и не безграничны. Нельзя, наверное, отрицать тот факт, что американские планировщики хотели бы использовать их для сдерживания Ирана, но опять же, если они так думают, то либо чрезвычайно наивны, либо у них действительно есть мощнейшие ресурсы воздействия на «Братьев-мусульман», что, как мы только что заметили, достаточно сомнительно, хотя и общеизвестно, что М. Мурси, новый президент АРЕ, долгое время учился в США. Что же касается двух первых аргументов Ш. Султанова, то тут, полагаю, спор может выйти очень серьезным. То, что «Братья-мусульмане» являются мощной трансграничной и транснациональной организацией, использующей принципы работы западных масонских обществ и созданной не без поддержки западных (британских) спецслужб, еще не означает, что США должны делать ставку на нее. Для этого должно быть, в первую очередь, совпадение целей и задач, а это в нашем случае далеко не является фактом. Иначе США и старые западные колониальные державы в советское время поддерживали бы арабских националистов в качестве самой влиятельной силы на тот период в регионе. Но этого не произошло, поскольку цели и задачи не совпадали. Поэтому сам факт влиятельности «Братьев-мусульман» не является основанием для их союза с США.

Что касается второго тезиса, то он в глазах практиков-ближневосточныхников также выглядит достаточно сомнительным. Да, идеологические разногласия между «Братьями-мусульманами» и салафитами имеют место быть. «Братья» действительно более pragmatичны и даже циничны в достижении своих целей, они часто маскируют их под якобы общедемократические. В целом ими хорошо усвоен либеральный дискурс плюралистической демократии, и он активно используется для привлечения на свою сторону как западных, так и автохтонных либеральных элит. Создаваемые ими партии и группировки могут носить самые разные названия – ХАМАС, «Партия свободы и справедливости» и т.п. Но это отнюдь не означает, что между ними и салафитами, джихадистами,

такфиристами, а также «Аль-Каидой» лежит непроходимая пропасть. Иначе не могло бы сложиться между «Братьями» и салафитами столь тесного сотрудничества, как это имело место в ходе «египетской революции», когда салафиты неоднократно «подставляли плечо» «Братьям-мусульманам» и обеспечивали им поддержку, особенно в отсталых сельских районах.

Да и опыт ХАМАС в Газе показал, что, несмотря на маневры и многочисленные переговоры со светским националистическим движением ФАТХ, хамасовцы не собираются отказываться от монополии на власть, о необходимости которой открыто говорят салафиты. Хотя говорить о демократии, как в свое время большевики, они будут постоянно.

Конечно, сейчас сплоченность лагеря радикального ислама поддерживается наличием общего врага – светского режима Башара Асада, и после его устранения разногласия между двумя фракциями фундаменталистов могут вспыхнуть с новой силой. Но это будут разногласия не о демократической модели, которую надо строить, как это обыкновенно происходит в Европе – в споре, скажем, между социалистическими и праволиберальными партиями. Спор будет идти о форме того халифата, который надо соорудить на месте разрушенных светских национальных государств, о том, где будет находиться центр этого халифата и кто его возглавит. Что же, в США этого не понимают? Ведь объявленной целью Вашингтона еще со времен Дж. Буша-старшего является продвижение демократии в регионе, а не построение теократических государств. Или теперь ее в Вашингтоне понимают так, как это предлагают сделать «Братья-мусульмане»? Или правы правые националисты Европы – сторонники А. Брейвика, – говорящие о сговоре западных элит с исламистами в обмен на дешевую нефть в период кризиса и отказ от антизападного террора?

Таким образом, если аргументы весьма уважаемого и знающего регион Ш. Султанова не срабатывают или срабатывают не полностью, то в чем же истинная причина странного альянса, уже стоявшего жизни американскому послу в Бенгази? Думается, окончательного ответа нам сегодня дать не удастся. Слишком уж причудливой и противоречивой выглядит американская политика в регионе. Одной рукой Вашингтон убивает Бен Ладена, а другой – вооружает идейно близких ему людей в Сирии.

Поэтому версий остается всего две: либо Запад совершает стратегическую ошибку, либо он использует или пытается использовать радикальный политический ислам в своих интересах, что и

позволит ему (Западу) встать «на правильную сторону истории», как твердили в Госдепе на начальном этапе развития событий «арабской весны». Либо верно и то, и другое.

При таком подходе автору гораздо ближе мнение известного российского общественного деятеля Гейдара Джемаля, который в своих недавних интервью отметил, что если Запад собирался использовать «Братьев-мусульман» для сноса устаревших диктаторских режимов (нечто подобное уже однажды делалось в Афганистане при изгнании оттуда советских войск), то это ему удалось, добавлю от себя – потому что цели «демократизаторов» и исламистов тактически совпали. Но далее, как показывают события, их дорожки разошлись: США и их западным партнерам надо демонстрировать строительство либеральной демократии в странах, где победили начатые не без стимулирования извне «арабские весны», а у исламистов – собственная программа, которая преследует совсем другие цели. Убийство посла США в Бенгази в этом плане, возможно, станет «моментом истины», после которого поддержку исламских радикалов уже трудно будет изображать как поддержку демократических процессов в арабских странах, а еще труднее будет ее осуществлять.

Если же и после этого поддержка исламских радикалов США продолжится, то тогда, возможно, окажется востребованной другая, близкая к конспирологической, версия. Согласно ей все происходящее на Ближнем Востоке за последние два года является результатом действий мировых финансово-политических элит, которые подталкивают Вашингтон, а вместе с ним Лондон и Париж к тому, чтобы довести до логического конца процессы глобализации; с помощью исламских радикалов завершить разгром национальных суверенных государств на просторах Евразии (тут цели с совпадают с исламистскими); создать обстановку хаоса, в которой будет гораздо легче продлить жизнь умирающему доллару и предотвратить формирование действительно многополярного мира, основанием для которого могло бы стать создание крупных региональных блоков государств, обладающих собственными сильными региональными валютами, способными бросить вызов нынешней валютно-финансовой системе. Поэтому острье «арабских революций» нацелено не против арабских диктаторов, а против складывающегося на наших глазах Евразийского союза и Китая.

В пользу такого, может быть кажущегося кому-то фантастическим, варианта говорит появление упомянутого в начале статьи

фильма «Невинность мусульман», поскольку его провокационность вполне отвечает задачам погружения зоны РБВСА (Регион Ближнего Востока и Северной Африки) в хаос и религиозное мракобесие. Однако грубость и прямота этой провокации, похоже, сработали против ее авторов и вновь подхлестнули в регионе антиамериканские настроения. Деньги, вложенные в масштабную антироссийскую кампанию на Ближнем Востоке под лозунгом «Россия – враг арабских народов» (ее финансирует Эр-Рияд), похоже, истрачены зря, о чем говорят масштабные антиамериканские выступления в регионе и за его пределами.

В любом случае, кто бы ни стоял за политикой поддержки Западом радикального политического ислама, сейчас все более очевидно, что в схватке либерального постмодернизма с метафизикой одной из самых энергичных религий абсурдизм первого проигрывает, что видно даже по лишенным картезианской логики действиям западного политического класса. Политический ислам, долго копивший свои силы для схватки со светским обществом и его ценностями сейчас окреп как никогда, и тут Ш. Султанов абсолютно прав. Послушайте его проповедников – от Ю. Кардауи до Х. Насраллы – они легко усвоили антиимпериалистическую лексику националистов и коммунистов, переняли у последних все социальные лозунги. А главное, они хорошо усвоили лозунг другого политического радикала – В.И. Ленина: «империалисты сами дадут нам веревку, на которой мы их повесим». Но сочинений Ленина в Вашингтоне, вероятно, давно в руки не брали... А зря.

*«Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия:
Что дальше?», М., 2012 г., с. 131–136.*

Владимир Капитон,
доктор философских наук,
Ольга Капитон,
кандидат философских наук (Украина)
**ИСЛАМ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ**

Современная эпоха по многим параметрам разительно отличается от предыдущих эпох, и прежде всего тем, что к числу вечных философских проблем бытия, познания, смысла жизни и т.п. она добавила принципиально новую, не существовавшую ранее, тему глобализации и ее последствий для мирового сообщества.

Над ее решением уже не одно десятилетие бьется научная и философская мысль.

Мировое сообщество, в том числе и философское, уже более 30 лет активно обсуждает проблемы глобального развития и становления человечества в качестве планетарной социосистемы. В результате сформировалась новая область научных исследований – глобалистика, которая дает возможность утверждать, что и в теоретическом, и в практическом плане здесь накоплен значительный опыт, существуют определенные положительные результаты. Однако они не могут быть признаны положительными, так как за последнее время и количество, и острота глобальных проблем увеличились, а адекватных совместных действий со стороны мирового сообщества так и не произошло. Более того, современные глобальные тенденции таковы, что ситуация с каждым днем становится все более сложной, и на ближайшую перспективу не существует надежды на ее ослабление. В этом отношении во всем мире отмечается усиление внимания как непосредственно к проблемам глобализации, так и к поискам теоретических решений в этой области.

Глобализация – понятие, появившееся в работах французских и американских авторов в 60-х годах XX в., а в наше время вошло во все основные языки мира.

Наряду с бытовыми размышлениями о глобализации, отражающими некоторые аспекты современного «духа времени», ведутся и научные дискуссии относительно того, дает ли глобализация в качестве аналитического понятия что-то ценное для поиска четкого понимания тех исторических сил, которые на заре нового тысячелетия участвуют в формировании социально-политических реалий повседневной жизни. Несмотря на значительно растущее количество литературы, не существует – что довольно странно – ни однозначной теории глобализации, ни даже систематического анализа ее главных особенностей. Более того, некоторые исследователи глобализации пользуются историческим изложением, чтобы показать различие между текущими событиями и теми тенденциями, которые свидетельствуют о возникновении новых условий, форм и перспектив человеческого общества.

В центре внимания новой отрасли знаний – глобалистики – антропогенные проблемы планетарного масштаба, с которыми столкнулось человечество на рубеже веков. К глобальным проблемам современности, прежде всего, относятся: проблема сохранения мира, экологическая, энергетическая, продовольственная, де-

мографическая, миграционная проблемы и др. Все они возникли не внезапно, одновременно, а имеют ярко выраженный исторический характер, являются результатом объективного развития общества. С большинством из них человечество сталкивалось и раньше. Однако если в прошлом они угрожали отдельным народам, то сейчас носят планетарный характер, охватывают весь мир, все формы и сферы жизнедеятельности человечества.

Будучи своеобразным видом социальных проблем планетарного масштаба, глобальные проблемы современности приобрели чрезвычайную остроту, угрожают всему человечеству, а потому требуют для своего решения объединения усилий всего мирового сообщества. Глобальные проблемы тесно взаимосвязаны. Практически ни одна из них не существует сама по себе. Исходя из этого, их решения чрезвычайно сложны. Они требуют комплексного подхода. Успеха можно достичь только в результате активного сотрудничества государств и взаимодействия многих социальных факторов.

Примером может служить проблема ислама в глобализирующемся мире. События последнего времени, в частности, так называемая «арабская весна» и особенно события в Сирии, беспокоят всю планету. Исламский мир, который считался стабильным и неизменным, мощным в своем единстве, стал тонуть в современных глобальных противоречиях. Военные действия, инспирированные США и их сателлитами, прокатились в ряде мусульманских государств. Это настороживает, ибо такие явления не являются типичными для ислама и мусульманского мира в целом. Нетипичными, потому что для мусульманского мира – это не только религия, религиозное мировоззрение, но и образ жизни и стиль мышления.

Отметим, что мусульмане проживают во всех уголках земного шара. Обращает на себя внимание и тот факт, что количество мусульман очень быстро увеличивается в разных странах мира. Это связано с такой глобальной проблемой современности, как миграция населения.

Исторический опыт показывает: если коэффициент рождаемости меньше 2,11 ребенка на семью – нация исчезает (ни одна нация не восстанавливается при коэффициенте 1,9 ребенка в семье). При коэффициенте 1,3 восстановление практически невозможно, ибо для восстановления, потребовалось бы от 80 до 100 лет, а экономической модели, которая могла бы поддерживать существование нации столь долго, не существует. Приведем об-

щеизвестные цифры: коэффициент рождаемости в 2007 г. во Франции был 1,8, в Англии – 1,6, в Греции – 1,7, в Германии – 1,3, в Италии – 1,2, в Испании – 1,1. Таким образом, в странах Евросоюза (31-й стране) коэффициент рождаемости в среднем составил – 1,38 ребенка на семью. Если демографическая ситуация в странах Евросоюза не изменится в ближайшее время, то со временем Европа, которую мы знаем, перестанет существовать.

Обращаем внимание на Европу, которую мы видим в наше время. Почему? Да потому, что, как известно, свято место пусто не бывает. А Европа именно то место на планете, куда обращают свои взоры те, кому не очень сладко живется на родине. В данном случае уместно обратить внимание на одну из самых сложных проблем современности, а именно – эмиграцию. И мусульманский мир задействован в этой глобальной проблеме. Экономическая неустроенность, бедность, отсутствие постоянной работы, стабильности, цивилизованности гонит мусульман, в частности арабское население, на поиски лучшей жизни, которую они ищут в Европе. Поэтому обратимся к статистике: с 1990 г. прирост населения в Европе на 90% осуществляется за счет мусульманской эмиграции. Эмигранты из арабских стран в Европе получают ПМЖ, гражданство. В силу своих обычаем, традиций, их рождаемость намного выше, чем у европейцев; в частности во Франции мы имеем такую картину: коэффициент рождаемости в европейских, христианских семьях – 1,8, в то время как в мусульманских – 8,1. Количество мусульман достаточно быстро увеличивается. Этот рост, в частности, привел к тому, что на юге Франции, одном из наиболее населенных христианских мест Европы, мечетей теперь больше, чем церквей. В целом во Франции 30% детей и молодежи в возрасте до 20 лет – мусульмане.

В больших городах (Ницца, Марсель, Париж) эта цифра возросла до 45%. Простые подсчеты свидетельствуют, что до 2027 г. каждый пятый француз будет мусульманином. Как показывает статистика, при такой тенденции Франция через 30 лет может стать мусульманской страной. Закономерно, что уже сейчас в ней ислам является образом жизни и стилем мышления значительной части населения. Исламские обычаи и традиции постепенно становятся закономерной нормой среди населения.

Близкая к этой ситуация наблюдается и в Великобритании, где за последние 30 лет мусульманское население возросло с 85 тыс. до 2,5 млн. человек. То есть произошло его тридцатикратное увеличение. В Голландии 50% новорожденных – дети из семей

мусульман, и по прогнозам социологов уже через 15 лет половина всего населения страны будут мусульмане. В Бельгии 25% населения мусульмане, а 50% новорожденных – из семей мусульман. В Германии происходит спад рождаемости немецкого населения, и как считает германское правительство – этот процесс необратим. В то же время рождаемость детей в мусульманских семьях возрастает. К 2050 г. Германия может стать исламским государством.

Сейчас в Европе насчитывается более 52 млн. мусульман. Учитывая демографические тенденции, можно предположить, что за последующие 20 лет их число удвоится и увеличится до 104 млн.

США и Канада привлекают к себе внимание эмигрантов из разных стран и разных вероисповеданий. Сейчас в Канаде коэффициент рождаемости составляет 1,6. Это на единицу меньше, чем тот, который необходим для поддержания жизни нации, а ислам в этой стране – самая быстро распространяющаяся религия. За период с 2001 по 2006 г. население Канады увеличилось на 1,6 млн. человек. Из них 1,2 млн. человек – эмигранты. В США текущий коэффициент рождаемости также 1,6. В 1970 г. в США насчитывалось 100 тыс. мусульман. В 2008 г. их было уже более 9 млн. При таких темпах через 30 лет в США будет жить уже более 50 млн. мусульман.

Мир меняется. Глобализация современного мира и вызванные ею глобальные проблемы меняют религиозную картину современности. Католическая церковь констатирует тот факт, что количество мусульман в мире больше, чем количество католиков. Христианский мир обеспокоен тем, что при таких темпах роста, через каких-то 7–10 лет доминирующей религией в мире будет ислам. Это приводит к противостоянию христианского и мусульманского миров. Европа обеспокоена влиянием мусульманской культуры на европейскую и тем, что Европа постепенно теряет свое лицо. Для большинства современных государств, в том числе Украины и России, одной из важнейших проблем, которая имеет серьезное экономическое и политическое значение, является проблема эмиграции. Заметим, что эмиграция – это массовое переселение населения из одних стран в другие, вызванное определенными причинами. От того, каким способом и в каких формах осуществляется миграционная (миграция – это перемещение населения в пределах одной страны) политика государства, зависит не только ее экономическое благополучие, но и сохранение режима национальной безопасности, стабильности государственных и об-

щественных институтов, демократического развития страны, защита интересов граждан.

Международная эмиграция в начале нового тысячелетия поражает цифрами. По оценкам ООН, общая численность международных эмигрантов в 2005 г. достигла 190 млн. человек (около 3% мирового населения), причем 91 млн. из них приходится на развитые индустриальные страны, а 51 млн. – на страны со средним уровнем доходов на душу населения. Кроме того, по оценкам некоторых экспертов, в мире насчитывается 50 млн. нелегальных эмигрантов, 35 млн. вынужденных эмигрантов, 10 млн. сезонных и приграничных рабочих (Барановский К.Ю. Иммиграция: многоаспектная проблема // США – экономика, политика, идеология. – 2011, № 11, с. 10–11).

Особенностью нового тысячелетия стали качественные изменения в мировых эмиграционных потоках, которые выражаются, в частности, в определяющей роли экономической, прежде всего трудовой эмиграции; значительном росте нелегальной эмиграции; увеличении масштабов и расширении географии вынужденной эмиграции; повышении влияния международной эмиграции на демографическую ситуацию в развитых странах мира; феминизации международной эмиграции; двойном характере эмиграционной политики на национальном, региональном и мировом уровнях.

В мире складываются определенные центры, куда население стремится эмигрировать из разных стран. В их числе развитые страны Европейского союза, США, Канада, Австралия, нефтедобывающие страны Ближнего Востока, новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Больше всего эмигрантов проживает в Европе (56 млн.), Азии (50 млн.), Северной Америке (41 млн.). С 1990 по 2000 г. население развитых стран увеличилось за счет международной эмиграции на 56%, Европы – на 89, развивающихся стран – на 3%. Первое место по приему эмигрантов занимают США (39 млн., 20% всех эмигрантов в мире). На втором месте находится Россия (7,6%), далее следуют Германия, Украина и Индия. В то же время примерно 1/3 международных эмигрантов перемещается из одной развивающейся страны в другую. По оценкам Глобальной комиссии по международной эмиграции, в России насчитывается 13,3 млн. эмигрантов. По данным Федеральной миграционной службы РФ, численность эмигрантов составляет около 10 млн. человек. На неформальных рынках труда занято от 3,5 млн. до 5 млн. иностранцев, преимущественно из стран СНГ и

Юго-Восточной Азии. Международная эмиграция рабочей силы в настоящее время доминирует среди других эмиграционных потоков. Она является важнейшей составляющей процесса глобализации хозяйственной жизни мирового сообщества во второй половине XX – начале XXI в. Этот всеобъемлющий процесс включает мощные потоки трудовых ресурсов, которые перераспределяются между странами с различным уровнем социально-экономического развития, а также внутри этих стран (Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. М., с. 110–114).

Как отмечает В.А. Тураев, во время первой (первые две трети XIX в.) и второй (конец XIX – первая треть XX в.) глобальных эмиграционных волн потоки эмигрантов шли только в одном направлении – из Европы в Северную Америку. Проблема трудовой эмиграции в Западной Европе актуализировалась после Второй мировой войны, обозначив начало третьей глобальной эмиграционной волны. Западная Европа вместе с североамериканским континентом стала одним из мировых центров притяжения эмигрантов. Образование Европейского союза и его расширение, а также интеграционные тенденции в середине объединения ускорили интенсивность эмиграционных процессов. Конец XX в. ознаменовался другой, еще большей волной эмиграции. В 1990 г. количество легальных международных эмигрантов составило 100 млн. человек, беженцев – 19 млн., а нелегальных эмигрантов – по крайней мере, на 10 млн. человек больше. Новая волна эмиграции была отчасти результатом деколонизации, образования новых стран и политики государств, которые поощряли отъезд людей или вынуждали их к этому. Однако это было также результатом модернизации и технологического прогресса. Развитие транспортных средств сделало эмиграцию проще, быстрее и дешевле. Усовершенствования в области коммуникаций дали большую стимул-реакцию использовать экономические возможности и усилили связи между эмигрантами и семьями, оставшимися на родине. Кроме того, подобно тому как экономический рост Запада стимулировал эмиграцию в XIX в., экономическое развитие не западных обществ стимулировало эмиграцию в XX в.

В этих условиях только Европейский союз, США и Канада, по оценкам экспертов, будут нуждаться в течение 25 лет в примерно 100 млн. квалифицированных специалистов, причем значительная их часть должна будет иметь не только профессиональные навыки, но и современные знания точных наук. Такого количества кадров на Западе нет, и подготовить их в разумные сроки вряд ли

возможно (Барановский К.Ю. Иммиграция: Многоаспектная проблема // США – экономика, политика, идеология. 2011, № 11, с. 6). Единственным приемлемым решением является привлечение зарубежных высококвалифицированных специалистов. При этом Северная Америка может рассчитывать на эмиграцию из Западной Европы. В странах ЕС совершенно открыто говорят об использовании российских и восточноевропейских эмигрантов. Российский эксперт С.Б. Переслегин вполне обоснованно назвал это программой «Кадрового пылесоса».

Вскоре можно ожидать мощное «человеческое течение», направленное с востока на запад и сравнимое по объему с потоком эмигрантов в период колонизации американского континента. Причем в данном случае из Европы выкачивается наиболее образованный слой населения. По мере глобализации и растущей интеграции мировой экономики международная эмиграция населения и рабочей силы становится все более важным фактором экономического, социального и демографического развития современных государств.

Очень сложной глобальной проблемой современности является международный терроризм. В научной литературе, посвященной глобальным проблемам современности, неоднократно поднимается также вопрос о связи такой глобальной проблемы, как терроризм, международный терроризм, с фундаментальными принципами ислама. В конце XX – начале XXI в. под эгидой ООН было принято значительное количество универсальных конвенций и протоколов о борьбе с различными формами терроризма на суше, на море и в воздухе; разработаны основные принципы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Проблемы борьбы с терроризмом регулярно обсуждаются на встречах глав государств и правительств. И все же они далеки от решения. Всплеску терроризма, особенно в нестабильных регионах, способствует разрушению старых глобальных и региональных структур международной безопасности, присущих прежней схеме bipolarного мира. Механизмы государственного, регионального и международного контроля за процессами, происходящими в мире, все чаще дают сбои. Это обстоятельство требует консолидации усилий целого ряда государств в масштабах региона или всего мира.

В открытой печати практически не существует исследований, посвященных проблемам международного терроризма, и в частности роли женщин, их статусу в террористических организациях, методам их вербовки и психологической обработки и т.д.

Многие выводы экспертов носят вымышенный характер. Время, совершенно очевидно, показывает, что количество террористок-самоубийц постоянно увеличивается. Если раньше типичным террористом-самоубийцей был мужчина, то к середине 1990-х годов примерно 40% подобных терактов совершали женщины. Считается, что женщин легче подготовить к роли террористки-самоубийцы: они более управляемы, чем мужчины, и лучше поддаются «промыванию мозгов». Женщины привлекают меньше внимания у сотрудников служб безопасности и полиции, им легче спрятать на теле взрывное устройство. «Тигры Освобождения Тамил Илама» использовали женщин-самоубийц примерно в 70% своих атак. Террористы «Курдской Рабочей Партии» посыпали на подобные задания женщин, изображавших беременность. Для большего успеха при осуществлении самоубийственных терактов, исламские террористические структуры, которые крайне негативно относятся к западной моде и традициям, позволяют мусульманкам-самоубийцам надевать европейскую одежду, короткие юбки, туфли на высоком каблуке, делать модные прически и не покрывать голову традиционным платком.

Во многих странах, особенно там, где наиболее сильны террористы-националисты и террористы-сепаратисты, терроризм стал «фамильным» делом: зафиксированы многочисленные примеры того, как представители нескольких поколений одной семьи были замешаны в террористической деятельности. Так, например, проходит в Северной Ирландии и Палестине. В этих регионах активное участие женщин в актах террора, ранее порицаемое семьей и обществом, постепенно переходит в разряд привычных, допустимых и даже одобряемых обществом дел. Маоисты, анархисты и представители других террористических групп левой направленности, наоборот, выступают против авторитета «родителей» – и привлекают в свои ряды женщин, которые не могут ужиться в рамках, предлагаемых традиционными институтами. Таким образом, существует высокая вероятность того, что террористок будет становиться все больше, поскольку девушки считут женщин-камикадзе моделями для подражания. При этом женщины-камикадзе никоим образом не способствуют реальному улучшению положения женщин. Они выступают в роли «пушечного мяса» в военных условиях и их часто объявляют героями. Но в мирное время статус женщин в подобных обществах не меняется.

Можно согласиться с Е.М. Примаковым в том, что идейные основы нового «глобального терроризма» на данном этапе орга-

нично связаны с фундаментальными принципами ислама. Такая связь, видимо, есть прямое следствие глобализации. Многие жители исламского мира стали главной «жертвой» процессов глобализации. На основе идеологии ислама, что открывает большие возможности для использования религии в политических целях самими общественными силами и течениями, исламские идеологи пытаются создать свою альтернативную модель развития, которая отличается крайним радикализмом. В этой «модели» терроризму отводится роль средства, с помощью которого будет возможна ее реализация на практике. И совсем не случайно, что в повседневную практику четко вошел термин «исламский терроризм». Он в своем определении как «исламский» правомерен только в том смысле, что политический проект, выдвинутый террористами, использует существенные элементы исламской веры, догматики. Некоторые фанатики провозглашают идею создания «вселенского халифата», построенного на принципах, якобы заложенных Пророком Мухаммедом. Однако прочно укоренившаяся в сознании многих представителей западного мира связка «ислам–террор» воспринимается мусульманами различных течений весьма болезненно и в свою очередь способствует углублению известных разъединяющих линий между Востоком и Западом. Радикальным интерпретациям основных принципов ислама способствует наличие в нем концепции джихада, который большинство радикальных проповедников возводят в статус шестого устоя религии, причем акцент делается на силовом джихаде.

В связи с этим многие современные теоретики экстремизма практически все акты как индивидуального, так и группового террора начинают толковать именно как проявления джихада. Причем, используя принцип «Такfir», они обвиняют в отступлении от веры нерадикально настроенных мусульман. Это является достаточным основанием для объявления им джихада. Последнее обстоятельство позволило Е. Сатановскому сделать вывод, что конфликт между мусульманами – новый фактор в мировой политике.

Таким образом, сама идеология ислама и присущая ей тесная связь с политической сферой открывают большие возможности для использования этой религии в политических целях. Большую роль в развитии и усилении «исламского терроризма» сыграли могущественные покровители в лице нефтедобывающих монархий исламского мира с их колоссальными финансовыми ресурсами, влиянием исламского духовенства и готовностью правящих режимов поступиться частью доходов, чтобы направить исламский экстремизм на

внешних противников, не допустить, как это произошло в свое время в Иране, его выступления против правящих династий.

Однако существует и другой вариант объяснения усиления международного терроризма, согласно которому особую роль здесь сыграла политика США. Поддержка авторитарных арабских режимов и произраильская политика Вашингтона, как считают некоторые авторы, навлекла гнев группы арабских крайних традиционалистов на западные элиты, в первую очередь – американскую. Стремление создать действенное сопротивление глобализации выступает как побочный результат международных конфликтов на Ближнем Востоке. Согласно подобным интерпретациям, победа освободительных сил в арабских странах возможна лишь в случае прекращения поддержки Западом неправедных арабских режимов. Поэтому цель борцов-моджахедов должна заключаться в том, чтобы заставить Запад прекратить эту поддержку. Террор – средство достижения этой цели. Итак, на наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что именно негативные стороны бурного развития процессов глобализации, наиболее ярко проявились в так называемых странах третьего мира, дали значительный импульс развитию международных террористических структур. У истоков этих структур лежит не организационная и иерархическая общность во главе с печально знаменитой «Аль-Каидой», а конфессиональная общность. То есть именно искаженные догмы ислама были положены в проект переустройства мира, выдвинутой террористическим интернационалом.

В последнее время в СМИ, а также на страницах научных изданий и в выступлениях некоторых политиков мы можем встретиться с использованием довольно спорного и неоднозначного термина «религиозная война». Так, Н. Косолапов в своей статье «Кризис рациональной всемирности» пишет, что «если XX век начинался как эпоха пара, электричества, индустриализации, то XXI век стартовал в этом смысле как возвращение в эпоху религиозных войн» (Косолапов Н. Кризис рациональной всемирности // Международные процессы, М., 2006, № 1, т. 4, с. 57). Особенно популярно использование понятия «религиозная война» при характеристике отношений между христианским и исламским мирами. По мнению У. бен Ладена, лидера радикальной исламской группировки «Аль-Каида», сегодняшний мир разделен на два лагеря: один – веры, где нет лицемерия, а другой – неверия, от которого Бог сохранит нас. Лагерь верующих составляют мусульмане, лагерь неверующих возглавляется США и принадлежит христианству.

Заметим, что именно использование термина «религиозная война» в научном мире вызывает множество споров и нареканий. Одни исследователи считают этот термин некорректным. В качестве аргумента они указывают на тот факт, что известные события средневековой истории, которые прочно укоренились в нашем сознании и в исторической литературе под названием «религиозные войны», в действительности ими не являются ввиду доминирования в них политических мотивов. Следовательно, по мнению этих ученых, «религиозная войной» можно считать лишь то вооруженное противостояние, целью которого является приоритетная реализация интересов крупных религиозных, а не каких-либо других субъектов. А таких конфликтов в современном мире нет. Другие исследователи пытаются дать новое определение понятия «война», а также обосновать религиозный характер современных войн. Изучение сквозь призму борьбы с международным терроризмом современной тенденции развития международных отношений позволяет некоторым исследователям говорить о религиозных войнах современности, где терроризм является лишь инструментом ведения этих войн слабой из сторон.

Несколько иного мнения придерживается коллектив российских ученых из Института перспективной политики (Н. Корольков и др.) (см.: Корольков Н. и др. «С кем воюет Мировое сообщество?» Власть. М., 2005, № 12, с. 73). Они считают, что в новой войне, которая сегодня разгорается, доминирующую роль играет глобальный конфликт, который длится между сторонниками открытых и закрытых политических систем. Терроризм же, с которым сегодня борется человечество, – это лишь следствие этого конфликта. Однако необходимо отделять религиозные учения от их возможных политических проекций. В связи с этим рассмотренная сквозь призму борьбы с терроризмом война исламского и христианского миров оказывается не чем иным, как борьбой идеологий. Одна из сторон использует религиозную риторику, которая собственно к религии – исламу, имеет самое отдаленное отношение, а терроризм является лишь «специфическим», но эффективным средством борьбы слабой из сторон. По сути, такой позиции придерживается Г. Мирский, который пишет, что «настоящей угрозой для мира становится в наше время воинственный исламизм, который ни в коем случае нельзя путать с исламом. Основываясь на мусульманском фундаментализме и породив то, что можно назвать террористическим джихадистским интернационалом, исламизм является злокачественным наростом на теле ислама как ми-

ровой религии. По сути, он враждебен исламу, так как дискредитирует его и наносит огромный ущерб всей полуторамиллиардной мусульманской общине». Исходя из вышесказанного, Д. Пузырёв делает вывод, что на данном этапе мы не имеем достаточных оснований для утверждения, что началась религиозная война в системе координат «мусульмане–христиане». Но фундаментализация и радикализация мировых религий вместе с ростом их влияния на политику многих государств не снимаются с повестки дня проблем межконфессионального диалога (Пузырев Д. Терроризм в современных международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения, М., 2010, № 8, с. 65).

По мнению многих специалистов, сегодня мы живем в фундаменталистском мире, и это связано с тем, что «феномен фундаментализма проявляется себя в различных областях общественной жизни и распространяется как волна», как «антинтеллектуальное, фанатичное и интолерантное мировоззрение. Особенно ярко эти процессы наблюдаются в мире ислама. Причин этому много, однако важная, – с точки зрения Д. Пузырева, – это глобализация, с ее разрушительным воздействием на экономику, мировоззрение и основы традиционного общества».

Итак, характерное для фундаменталистов и экстремистов забвение толерантности, попытки воплощения в жизнь своих программных установок с помощью радикальных методов и средств приводят к нагнетанию межконфессиональных противоречий, которые со всей отчетливостью проявились в отношениях христиан и мусульман. В связи с этим, как считает Д. Пузырёв, для недопущения дальнейшей эскалации конфликта (которая вполне реальна при наличии определенных условий) представителям политических элит обеих цивилизаций необходимо проводить взвешенную и рациональную политику, а также придерживаться рамок особой политкорректности в своих публичных выступлениях.

Однако не только идеологи международного терроризма пытаются перестроить мир по своему образу и подобию, но и некоторые государства, главным образом США, воспользовались возникновением нового фактора международных отношений – транснационального терроризма – для воплощения в жизнь своей картины мироустройства. После объявления Бушем войны международному терроризму США начали делить все страны мирового сообщества на друзей и врагов в соответствии с «долей» их участия в создаваемых ими же антитеррористических коалициях. Поэтому не случайно, что сразу же после взрывов ВТЦ произошло

невиданное ранее усиление сотрудничества США с Россией, которая приобрела значительный опыт в этой борьбе. Некоторые исследователи назвали такие отношения «квазисоюзными». Так, Дж. Робертсон, рассуждая об изменениях в отношениях России и НАТО после 11 сентября 2001 г., задается вопросом: «Разве не нужны нам партнеры, на которых можно положиться, – сильные партнеры?» Однако дальнейшее ухудшение отношений России с США, вызванное несогласием Москвы с политикой, которую проводит Вашингтон в отношении Ирака, Ирана и других стран «оси зла», показывает, что сильная Россия, видимо, не всем нужна.

Взрывы ВТЦ корректируют внешнеполитическую доктрину США. Так, З. Бжезинский отмечает, что в контексте угрозы терроризма состояние национальной опасности – норма для Америки. Возвращения к эре суверенного, национальной безопасности «в отдельно взятой стране» для США не будет. Отсюда, как считает Д. Пузырёв, – глобальная, а не узко трактованная национальная безопасность в условиях взаимозависимости мира должна стать целью США. В интересах национальной безопасности США – не взрывать, а институализировать ее. Необходимо одновременно решать проблемы Афганистана, Ирака, Ирана, палестино-израильского конфликта. Эта доктрина «оправдывает» проведение различных военных операций за пределами границ США и необходимость увеличения и без того непомерно раздутого военного бюджета этого государства.

Именно после 11 сентября США получили уникальную возможность ликвидировать неугодные им политические режимы, главным образом в исламском мире, обвиняя их в сотрудничестве с международным терроризмом (более 60 государств Вашингтон «разоблачил» в связях с международным терроризмом). Кроме антитеррористических целей, базы в Центральной Азии, созданные для проведения операции в Афганистане, выполняли геополитическую функцию – создание сети американских военных баз вблизи границ России и Китая. Кроме проникновения в регион Центральной Азии, США под знаком борьбы с терроризмом усиливают свое влияние в государствах Среднего Востока, а также форсируют свое политическое проникновение в регион Каспийского моря. О том, что, начиная войну в Ираке, вашингтонская администрация не только планировала уничтожение угроз, исходящих от международного терроризма (если они на самом деле оттуда исходили), но и решала свои узконациональные интересы, со временем заговорили даже союзники США по антитеррористической коалиции.

Однако сам ход антитеррористической борьбы, которая проводится США при молчаливой поддержке некоторых мусульманских государств, в последнее время начинает вызывать в исламском мире все большее неприятие. Кроме оккупации священных для мусульман мест в Ираке, США средствами массовой информации создают такой образ террориста, который оскорбляет чувства многих мусульман. Неприятие Америки в мусульманском мире растет. Итак, с выходом на мировую арену терроризма как самостоятельного фактора международных отношений, США – на фоне активной борьбы с ним – получили возможность не только распространять «свободу и демократию» по-американски во всем мире, но и решать другие задачи в стратегической перспективе. Самая главная из них – обеспечение энергетической безопасности.

Итак, получив заметное организационное оформление на рубеже ХХ–ХХI вв., транснациональный терроризм начинает выступать в качестве одного из важнейших факторов международных отношений. Сегодня этот терроризм принят на вооружение радикально настроенными исламистскими проповедниками, идеологами и политиками, а также некоторыми государствами. Некоторые фанатики даже мечтают о создании (возрождении – если следовать их риторике) мегадержавы «от моря до моря» – «Вселенского Халифата», который будет основываться не на этнической основе, а на какой-то узконфессиональной близости.

Таким образом, терроризм выступает сегодня не единичным актом отчаявшегося лица, которое мстит всему миру за неудавшуюся жизнь, а системным явлением, порожденным самим ходом человеческой цивилизации. Терроризм борется с глобализацией, на самом деле ею же и порождается. Он является следствием неизбежной неравномерности развития мира, следствием органически присущих ему внутренних диалектических противоречий. Не может быть глобализации без терроризма, как и терроризма без глобализации. События последних лет свидетельствуют, что в настоящее время проблема терроризма претендует на статус глобальной, поскольку она, во-первых, имеет на самом деле планетарный, общемировой характер, затрагивает жизненные интересы всех народов и государств, во-вторых, требует для своего решения совместных и неотложных усилий всех государств и народов. От решения этой проблемы зависит судьба не только развитых государств и народов, но и будущее человечества в целом.

«Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве ХХI века», Уфа, 2012 г., с. 65–75.

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2013 г. № 1 (247) – 12 (258)**

№ 1 (247)

А. Запесоцкий. В чем заключается ущербность современного российского капитализма; *Василий Белозёров.* Особенности геополитической картины современного мира; *К. Захаров и коллектив авторов.* Политизация ислама как фактор обострения общественных отношений в России; *Юрий Дорохов.* Роль информационной политики в процессе дерадикализации общества в Республике Дагестан; *Айдын Али-Заде.* Религия в современном Азербайджане периода независимости; *Аркадий Дубнов.* Ташкент ушел, проблемы остались; *Е. Денисов.* Центральная Азия как регион международной политики *Е. Дунаева.* Иран: Противостояние элит как фактор политического кризиса; *Геворг Мирзаян.* «Зеленое» будущее Египта. (Приведут ли «Братья-мусульмане» к большой войне на Ближнем Востоке); *Г. Косач.* Саудовская Аравия: Власть, улемы и антисистемная оппозиция (богословско-политический ответ противникам режима); Суфизм в современном мире.

№ 2 (248)

Михаил Виноградов. Взгляд за окопицу. (Внешняя политика глазами российской элиты за пределами профильных ведомств); *К. Захаров и коллектив авторов.* Политизация ислама как фактор обострения общественных отношений в России. (Окончание); *Борис Аксюмов.* Идеологические основы религиозно-политического экстремизма и терроризма на Северном Кавказе; *Рафик Усманов.* Современный политический процесс в Каспийском регионе в контексте международных отношений. (Взгляд из России); *Ибрагим Ибрагимов.* Внешняя политика Азербайджана; *Шамшадин Керим, Алий Альмухаметов.* Ислам в современном Казахстане; *Г. Шульга.* Культурологический аспект в формировании единого евразийского пространства: Взгляд из Таджикистана; *Рафик Сайфулин.* Как рождаются мифы? Взгляд из Ташкента на ОДКБ и Центральную Азию; *А. Клименко.* Центральноазиатский вектор политики КНР: Интересы Китая и его влияние на стратегическую ситуацию в ре-

гионе; *М. Николаева*. Современный Ливан; *Изабелла Кончак*. Мусульманские организации в Польше; *А. Филоник*. Дестабилизация в арабском мире и западный фактор; *Александр Джумаев*. «Двойственность сознания» и евразийский синдром. (Национальные традиции выживания); *В. Наумкин*. Диалог между культурами как средство преодоления страха; *Ариф Алиев*. Курайшиты: Историко-генеалогический справочник. (Предисловие).

№ 3 (249)

Н. Шмелёв. Что нужно сегодня России от Запада; *Ринат Мухаметов*. Российские мусульмане и внешняя политика. (Может ли исламский фактор стать существенным); *С. Филатов*. Власть и религия в Республике Башкортостан; *Б. Аксюмов, Д. Лавриненко*. Этнополитические проблемы как предпосылка экстремизма на Северном Кавказе; *З. Мамедов, Р. Валиев, А. Фараджогл*. Проблемы развития исламского банкинга в Азербайджане; *Рустам Хайдаров*. Взаимодействие религии и государства в Таджикистане: Проблемы и перспективы; *Сергей Абашин*. Геллнер, «потомки святых» и Средняя Азия: Между исламом и национализмом; *Мурат Лаумалин*. Виртуальная безопасность Центральной Азии; *В. Аватков*. Турецкая демократизация в 90-е – ключ к сегодняшней исламизации Турции; *Е. Дунаева*. Гендерная ситуация в Иране и исламский модернизм; *М. Хайцева*. Пакистан: По законам родства и веры; *А. Филоник*. Дестабилизация в арабском мире и западный фактор. (Окончание); *Л. Сюкяйнен*. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур.

№ 4 (250)

Дмитрий Тренин. Внешняя политика Российской Федерации; *В. Миронов*. Диалог культур: Глобализационные угрозы; *Яна Амелина*. Политические реалии Татарстана; *Магомед Дадуев, Саид-Хамзат Нуныев*. Этнический и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности в постсоветском обществе (на материалах Северного Кавказа); *Айдер Булатов*. Ислам в Крыму: От трагического прошлого к проблемам современности; *С. Колдыбаев, С. Турежанова*. Современный Казахстан: К вопросу о религии и религиозных объединениях; *Е. Бородин*. Киргизстан в контексте

мировой экономики и политики; *Александр Шустов*. Исламизация Центральной Азии (Таджикистан, Киргизия, Казахстан); *Дина Малышева*. Афганский эндшпиль и региональная безопасность; *П. Шлыков*. Военная элита и политическая власть в Турции 2000-х годов: Смена парадигмы?; *Руслан Курбанов*. Что ждет дом Саудов?; *М. Сатиев*. Проблемы конфессионализма в Ливане; *Л. Пахомова*. Исламские банки в экономике стран Юго-Восточной Азии; *В. Петрищев*. Исламское право против экстремизма; *К. Азимов*. Технологии управления хаосом и события в арабском мире.

№ 5 (251)

Андрей Рябов. Россия на постсоветском пространстве: Лидер интеграции или партнер поневоле?; *Алексей Кива*. Демонстрационный эффект в условиях глобализации (на примере событий в арабских странах); *М. Шорова*. Факторы и механизмы этнополитического раскола в Кабардино-Балкарии; *Муслимат Габибова*. Светское и конфессиональное в современном дагестанском обществе; Города и люди: Социокультурная трансформация в Казахстане; *Е. Бородин*. Клановый характер устройства Киргизской Республики; *Абдулло Хаким Рахнамо*. Частное религиозное образование в Таджикистане: Современное положение, проблемы и выводы; *Керим Хас*. Позиция Турции и России в контексте сотрудничества в Евразийском регионе; *В. Куршаков*. Шиитский фактор во внешней политике Ирана; *Кристиан Коутс-Ульрихсен*. Арабские решения арабских проблем? (Изменение региональной роли стран Персидского залива); *Д. Левнер*. Арабская diáspora США и ее интеграция в американское общество; *Р. Ланда*. Исламизм и империализм: Соперники или союзники?; *Юрий Почта*. Мусульманский мир: Роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации.

№ 6 (252)

Евгений Примаков. Образы России и мира вне идеологии; *Е. Терешина*. Понятие политизации религии; *Виктор Авксентьев*, *Валерий Васильченко*. Проблемы федерализма в контексте этнополитического процесса на Юге России: Политико-правовой аспект;

Борис Гандаров. Этнический фактор в развитии ислама в современной Ингушетии; *Заид Абдуллаев*. Религиозное и светское в нравственной идентичности молодежи Северного Кавказа; *Э. Кульгин-Губайдуллин*. Малая нация в иноэтническом окружении на постсоветском пространстве (на примере крымских татар); *А. Казанцев*. Куда идет Центральная Азия: Меняющиеся роли глобальных игроков в перспективе до 2020 г.; *М. Ташиева*. Этнополитические конфликты: Их особенности в Республике Киргизия и подходы к решению; *Х. Юнусова*. Причины и последствия этнических инцидентов в Ферганской долине. 80-е годы XX века; *Азиз Ниязи*. Развитие Узбекистана в 2012 г. и планы на 2013 г.; *Екатерина Степанова*. Афганистан: Перспективы политического урегулирования; *Тахер Джабер*. Влияние «арабской весны» на палестино-израильский конфликт; *Ольга Бибикова*. Ислам и мусульмане на Апеннинском полуострове; *Александр Пономаренко*. «Исламский фактор» в миграционных процессах в Западной Европе на примере Великобритании, Германии и Франции; *В. Ачкасов*. Идеология евроислама: Тарик Рамадан и Бассам Тиби; *Ринат Мухаметов*. Перспективы аль-демократии. (Исламский мир ищет свою дверь в современность).

№ 7 (253)

Владимир Аникин. Россия: Сценарии политического и экономического развития на долгосрочную перспективу; *Ю. Бойко*, *Э. Садыкова*. Провинции особой важности; *Д. Мулюкова*. Становление и развитие региональных политических мифов в современной России (на примере Республики Татарстан); *О. Цветков*, *Р. Ханаху*. Исламская община в Адыгее: Внутренняя неоднородность и тенденции развития; *Индира Кадимова*. Особенности политической модернизации в Республике Дагестан; *В. Василенко*, *В. Малышев*. Исламский экстремизм в Северо-Кавказском регионе; *Алим Темирбулатов*. Геополитические факторы влияния Каспийского региона в оценках исследователей США; *Валентин Богатырев*. Меньшее из всех зол. Почему Киргизстан не видит альтернатив ОДКБ; *Елена Ионова*. Москва – Ташкент: Проблемы развития двустороннего сотрудничества; *Екатерина Борисова*, *Сергей Панарин*. Противоречия безопасности на примере водно-энергетических проблем Центральной Азии; *Дина Малышева*. Центральная Азия и вывод войск МССБ из Афганистана; *Н. Замараева*. Усиление

ние исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг.; *В. Шевченко*. Посткризисный период развития Ливана (1990–2012); *Хайфа Трабелси*. Мусульманский этикет и правила поведения; *Сомайе Пасандиде*. Исламизация политики и политизация ислама; *С. Дмитриев, А. Захаров, К. Орлова, Н. Цветкова*. VIII съезд российских востоковедов в Казани.

№ 8 (254)

Татьяна Самсонова. Формирование гражданской культуры в современной России; *Александр Шатилов*. Идеологическое обеспечение политического курса властивующей элиты России; *В. Зорин*. Исламская цивилизация и современный мир; *А. Мартыненко*. Мусульмане Мордовии: Проблема преодоления внутреннего конфликта; *Олег Цветков*. «Черкесский вопрос» в политических процессах; *Светлана Аккиева*. Женщины Северного Кавказа в изменяющихся условиях; *Ирина Федоровская*. Перспективы российско-азербайджанских отношений в свете закрытия Габалинской РЛС; *Рустем Сагиндиков*. Конкурентоспособность Казахстана в глобальной экономике; *Р. Назаров, В. Алиева, С. Ганиев*. Мониторинг этнополитической ситуации. Государства ближнего зарубежья. Узбекистан; *Асад Дуррани*. «Большая игра» для всех. Афганистан после ухода НАТО: Последствия для региональной безопасности; *Н. Ульченко*. Политэкономия современного ислама: Опыт Турции; *Л. Сюкяйнен*. Мусульманские меньшинства на Западе: Соотношение политики, права и религии; *Сергей Костяев*. Лоббизм мусульманских стран в США; *Ольга Чикризова*. К вопросу об определении понятия «исламистский терроризм»; «Арабская весна»: Последствия для России и мира.

№ 9 (255)

Василий Жуков, Галина Авцинова. Социальные отношения в современной России; *Владимир Егоров, Ольга Савина*. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества; *Абдулбари Муслимов*. Социализация уммы. Прямые и косвенные механизмы; *Елена Кублицкая*. Конфликтный потенциал межнациональных и этноконфессиональных отношений; *М. Астафатурова*. Духовное управление

мусульман Ставрополья; *Нурадин Ханалиев*. Ислам в политико-культурной матрице народов Северного Кавказа; *Т. Чабиева*. О религиозной идентичности молодежи и явлении ваххабизма в Ингушетии; *Вадим Владимиров*. Об актуальных подходах к обеспечению стратегической безопасности на постсоветском пространстве. Центральная Азия; *Самат Кумыслеев, Гулдарига Симуканова*. Роль религии в системе образования в контексте глобализации: Казахстанский опыт; *Евгений Бородин*. Место и роль Киргизстана в современном мире; *Л. Васильев*. Геополитическая ситуация в Центральной Азии; *А. Бязров, Н. Ногаев*. Общественно-политическая трансформация на Арабском Востоке и позиция Исламской Республики Иран; *О. Барнашов*. Особенности внешнеполитического процесса в современной Турции; *Саргон Хайдая*. Сирийский гамбит: Столкновение интересов в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока»; *А. Голиков*. Китайцы-мусульмане в дар аль-куфр; *В. Беляков*. Мусульманские праздники в современном Египте; *Дина Малышева*. «Арабская весна» глазами российских ученых; *Андрей Яшлавский*. Идеология салафитского джихадизма как тоталитарный проект.

№ 10 (256)

Сергей Караганов. Россия в мире перемен; *Г. Тульчинский*. От этнофедерализма к федерализму?; *Виктор Авксентьев*. Региональная специфика современного «ренессанса» на Юге: Конфликт или диалог?; *А. Юнусова*. Мусульмане Урало-Поволжья в начале XXI в.; *Е. Арляпова*. Мобилизационный потенциал ислама вчера и сегодня; *Владимир Бобровников*. Археология строительства исламских традиций в дагестанском колхозе; *Т. Сенюшина*. Социально-политическая ситуация в Крыму; *Раушан Сартаева*. Особенности и проблемы социокультурного развития Казахстана; *Л. Хоперская*. Мониторинг этнополитической ситуации. Государства ближнего зарубежья. Киргизия; *А. Алексеев*. Исламская Республика Иран и «арабская весна»: Некоторые замечания; *Людмила Пономаренко, Ольга Чикризова*. Исламский фактор во внутренней политике Марокко; *А. Прозоровский*. Индонезия претендует на лидерство в исламском мире; «В глобальном “театре кабуки” роли будут меняться, актеры тоже»; *Николай Ракитянский*. Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в.; *А. Блинов*. Арабский язык

общения в Интернете; *Гурия Юсупова*. Проблемы исламского возрождения на Северном Кавказе. (Рецензия на монографию).

№ 11 (257)

А. Гусейнов, А. Рубцов. Наука и власть: Взаимодействие и оценка результивности; *Павел Гуревич*. Абсурд как социальный феномен; *Т. Малиева*. Идеология и религия в постсоветском обществе; *Михаил Топчиев*. Специфика государственной политики регулирования конфессиональных отношений в полигэтничном регионе (на примере Астраханской области); *Г. Юсупова, С. Алибекова*. Роль ислама в процессе модернизации Северо-Кавказского региона: Теоретический аспект; *М. Абдуллаева*. Исламское образование в современном Дагестане; *И. Савин*. Мониторинг этнополитической ситуации: Казахстан; *Евгений Бородин*. Отношения между Россией и Киргизстаном на современном этапе; *Елена Ионова*. Туркмения и проблемы региональной безопасности; *Алексей Малащенко*. Интересы и шансы России в Центральной Азии; *Дина Малышева*. Несостоявшееся региональное лидерство Турции; *А. Умнов*. Иран в современной мировой политике; *В. Белокреницкий*. Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции и перспективы); *Д. Нечитайло*. Начнется ли подъем салафизма в Алжире?; *А. Ситохова*. Исламизация Европы; *Г. Фаткулин*. Арабский мир в российской внешней политике – методология подходов с позиции регионов РФ; *Ж. Грищенко, Д. Качанова*. Учение Ф. Гюлена и его роль в формировании нового мышления современной Турции; *А. Пую, А. Садыхова*. Современное арабское телевидение как посредник в диалоге культур.

№ 12 (258)

Дмитрий Тренин. Четвертый вектор Владимира Путина (внешняя политика России – что изменилось?); *Владимир Согрин*. Три исторические субкультуры постсоветской России; *Андрей Сызранов*. Государственная политика России по борьбе с исламским экстремизмом на территории Поволжья в конце XX – начале XXI в.; *Эльвира Майборода*. Пути и способы деполитизации этничности на Юге России; *Андрей Бааров*. Политизация ислама в современном Крыму: Конфликтологический аспект; *Станислав Черняевский*.

Азербайджан: Взаимодействие с исламским миром – прагматизм и сбалансированность; *Д. Егоров*. Роль Центральной Азии в мирополитической системе. «Большая игра» в Центральной Азии в XXI в.; *А. Абуов*. Казахстанская модель межрелигиозного диалога: Путь мира и согласия; *Алексей Малащенко*. Туркмения: Была ли оттепель?; *Виталий Воробьев*. Сумма сходящихся интересов. Надо ли бояться роста китайского влияния в Центральной Азии; *Р. Сикоев*. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана; *Александр Аксененок*. Египет: Особенности переходного периода; *Сергей Хенкин*. Мусульмане в Испании: Метаморфозы исторического бытия; *Олег Павлов*. Причины альянса Запада и радикального ислама; *Владимир Капитон, Ольга Капитон*. Ислам и глобальные проблемы современности; Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2013 г.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2013 – 12 (258)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/XII-2013 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,75 Уч.-изд. л. 11,9
Тираж 300 экз. Заказ № 219

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

